

Ирина Верехтина

На другом берегу

16+

Ирина Верехтина На другом берегу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31741161

SelfPub; 2018

Аннотация

История о жизни, которая – словно кораблекрушение. Когда всё, что было для тебя дорого, словно смыло гигантской волной – стоит ли собирать обломки? Стоит ли плыть дальше? Стоит ли жить?

Содержание

Часть первая. Крушение надежд	6
Глава I. В любви и согласии	6
Глава II. Улыбка Джоконды	11
Глава III. Семейная жизнь. Начало	17
Глава VII. Марина–Платок	57
Глава VIII. Весёлые ребята	65
Глава IX. Нонна	75
Глава X. Любимая жена султана	85
Глава XI. Тайна старого дома	92
Глава XII. Адреналин	101
Глава XIII. Мужество	110
Глава XIV. Солнечный свет	118
Глава XV. Адреналин (продолжение)	123
Глава XVI. Илья	128
Глава XVII. Танцы под луной	136
Глава XVIII. Веселая компания	144
Глава XIX. Агапиму	151
Часть вторая. На другом берегу	160
Глава XX. Столица нома Аттики	160
Глава XXI. Выдумщики	167
Глава XXII. Воспоминания	174
Глава XXIII. Сердце Магдалены	180
Глава XXIV. Бабушка Лена	190

Глава XXV. Последняя встреча

197

Глава XXVI. И мэра ту охи (Будет некогда
день...)

205

НА ДРУГОМ БЕРЕГУ

Эта история случилась давно – во времена, когда ещё не было сотовых телефонов и общение не было столь телеграфно–безликим, оно было живым и доставляло куда больше удовольствия. И не боюсь сказать, общались тогда интересней, и встречались чаще, и дружили крепче. А может, мне просто жаль моей молодости, которая, как и дружба, уходит от нас навсегда. Нам остаются только воспоминания. И с каждым прожитым годом они становятся светлей...

Часть первая. Крушение надежд

Глава I. В любви и согласии

Медея Метафиди

Тысячи людей живут, не имея ни малейшего представления о походах выходного дня, без которых Марина не представляла своей жизни. Ходить в походы она начала случайно – пригласила подруга, Марина согласилась из любопытства, а потом её, что называется, затянуло.

Сменив несколько групп, Марина выбрала наконец свою, с дружной компанией и необыкновенными маршрутами. Она побывала в красивейших местах Подмосковья, о которых раньше не имела представления: в непролазной дремучей Мещоре, в долине родников (Марина насчитала их тридцать два) на реке Киреевке, на затерянном среди болот озере Чаек, на водопаде Гремячем с целебной радоновой водой.

Поначалу у нее болели непривычные к лесным дорогам ноги (километраж был нешуточный), но Марина быстро втянулась в походный ритм. В группе ей нравилось всё: и крепкий спаянный состав, и «бодрящий» темп, и руководитель. У руководителя было былинное имя – Илья Святославович, и былинная же внешность. Он словно сошёл с картины «Три богатыря» – густой чуб цвета спелой ржи, такие же ржаные

усы и синие весёлые глаза – словно два бездонных омута.

Впоследствии выяснилось, что у «русского витязя» половина родни была из немцев, другая половина из эстонцев, но Марине к тому времени было уже всё равно: она влюбилась в Илью, что называется, по уши.

Илья Святославович Кестель нравился не только Марине – по нему украдкой вздыхал весь женский состав группы, и каждая втайне мечтала: «А вдруг он выберет меня?» С появлением Марины вопрос зазвучал по-другому: «А вдруг он выберет её?» Ведь Марина была красивой, и знала об этом.

Отец Марины, Харалампий Метафиди, был обрусевший грек, а мать – чистокровная еврейка, черноволосая, с горящими глазами и царственной осанкой, настоящая Саломея, как говаривал отец. Она была на десять лет старше Харалампия, который женился на ней по любви. «Да, женился! И за семнадцать лет ни разу об этом не пожалел! – с гордостью признавался Харалампий друзьям. Он преподавал историю искусств в ***ском институте, и Марина никогда не задумывалась о выборе профессии: она будет искусствоведом, как папа. Марина гордилась отцом.

По-настоящему Марину звали – Медея, так было написано в её свидетельстве о рождении: Медея Харалампиевна Метафиди. У неё и лицо было как у Медеи: нездешнее, матово-гладкое, с резко очерченным ртом, изящно вылепленным подбородком и огромными – в пол-лица – глазами цвета мёда. Глаза словно жили на лице сами по себе, сверкая из-

под длинных, взрлёт, бровей. При росте сто шестьдесят четыре сантиметра Марина вовсе не казалась маленькой – так гармонично была сложена.

Только имени своего стеснялась, и когда в шестнадцать лет получала паспорт, хотела сменить его на Марину. Но отец, всегда спокойный и рассудительный, узнав о её решении, вышел из берегов (по определению мамы) и устроил грандиозный скандал. Перечить отцу в семье было не принято, и в паспорте она осталась Медеей, хотя представлялась всегда – Мариной.

В доме царили любовь и согласие, и детство Марины было счастливым. Харалампий относился к жене с нежностью и уважением, всегда называя полным именем – София (по-гречески «мудрая») и никогда – уменьшительным, и часто повторял друзьям: «Я никогда не жалел, что женился на моей Софии, и всю жизнь буду гордиться женой!»

«Пожалел» отец через год, когда Марине исполнилось семнадцать.

Чему быть, того не миновать

Ты должна меня понять, – втолковывал Харалампий дочери, но семнадцатилетняя Марина впервые в жизни не желала понимать отца. Харалампий собрался в Грецию, где у него, оказывается, осталась какая-то дальняя – седьмая вода на киселе – родня, и Харалампий решил начать жизнь заново. Марининой маме в этой новой жизни места не нашлось – отец уезжал без неё.

На вопрос «А как же мама?» Марина услышала: «Ты уже большая девочка. Пора тебе жить самостоятельно. Вот там и попробуешь».

Марина ехать в Грецию отказалась наотрез. Мать, напротив, приняла решение отца спокойно. «Я всегда знала, что когда-нибудь это случится, – сказала она Марине. – Он ведь моложе меня на десять лет, ему всего тридцать семь, а мне – под пятьдесят. Да и как я могу ему запретить? Чему быть, того не миновать. Зато я восемнадцать лет прожила в раю!»

Оказывается, отец на десять лет моложе мамы, – удивлялась Марина. – А выглядит старше! А мама – выглядит моложе, и красивая, как настоящая Саломея! Как же он может – бросить её и уехать?! Марина удивлялась, мать молчала, отец оформлял документы на выезд – на себя и на дочь. Проблем с оформлением не было – отцу прислали из Греции вызов.

– Я. Никуда. Не поеду! – ледяным голосом отчеканила Марина. Она никогда не позволяла себе такого тона с отцом. Отец взорвался (чего он тоже никогда себе не позволял).

– Но почему? Почему?! Не понравится – уедешь. Но тебе непременно понравится. Подумай, сколько поколений твоих предков жили на этой земле! Это наша с тобой страна, наши с тобой истоки... А мама останется здесь, она сама не хочет ехать. Я каждый месяц буду присылать деньги, мама ни в чём не будет нуждаться, я обещаю! Устроюсь на работу и буду присылать... Что ты так расстраиваешься? Мама у тебя есть, она никуда не денется, будете переписываться, а захочешь

навестить , я денег дам, мне для тебя не жалко, – уговаривал Харалампий строптивую дочь.

– Мама у меня есть, – перебила отца Марина (первый раз в жизни! А раньше всегда выслушивала до конца). – Мама есть, а папы больше нет! – захлебнувшись слезами, выкрикнула Марина в лицо отцу. Она стояла перед ним и плакала. И никак не могла успокоиться. Это так больно – потерять навсегда отца, а она – вот сейчас – его потеряла. Если он может так с мамой, то ей, Марине, не нужен такой отец.

От слов дочери Харалампий окаменел. – «Не поедешь, значит?» – переспросил он почему–то шепотом. Марина помотала головой (говорить она уже не могла). Отец издал горлом странный звук, и Марина с ужасом поняла, что он плачет. Сколько помнила себя Марина, она никогда не видела его слёз. «Не надо, папа. Мужчины не плачут» – сказала отцу Марина.

Харалампий улетел через три дня. В аэропорт Марина не поехала. А вечером маму увезла «скорая».

Глава II. Улыбка Джоконды

Разговор с всевышним

Обширный инфаркт в сорок семь лет! Рановато... – удивлялись врачи. Марина не удивлялась, приезжала в больницу ежедневно и упрямо ждала у дверей кардиореанимации, где лежала мама. Посетителей в реанимацию не пускали, и ей приходилось подолгу сидеть на неудобном стуле, ожидая, когда выйдет врач. Врач выходил и каждый день говорил одно и то же: «Состояние больной стабильно тяжёлое. Мы делаем всё возможное, но вы же понимаете, мы не боги. Будем надеяться...»

– Вот, возьмите, – Марина протягивала врачу букет. – Это мамини любимые. Хризантемы.

– Девушка, ну зачем вы тратитесь – каждый день букет, это ж сколько денег! Вы, может, миллионерша? Зима на дворе... Я вам говорил, что в реанимацию цветы нельзя?

– Говорили, – эхом отзывалась Марина. – Возьмите. Пожалуйста! Если маме нельзя, поставьте у себя...

– Да у меня и так уже два букета стоят, вчерашний и позавчерашний!

– А вы поставьте сегодняшний! – грустно улыбалась Марина. Врач с тревогой вглядывался в её огромные глаза, запавшие щеки.

– Вы завтракали? Ели что-нибудь сегодня? Нельзя же так,

вы же заболете...

– Завтракала, – соврала Марина врачу.

Еще тяжелей было Марине дома. Не зажигая света, она бродила по опустевшей квартире, переходя из комнаты в комнату, словно ища выхода. – А выхода не было! Горе обрушилось на неё внезапно, и не на кого было опереться, некому пожаловаться, не с кем посоветоваться... Марина осталась одна.

В гостиной висела леонардовская «Джоконда» (отец говорил: «Джиоконда») – отец уверял, что она похожа на Софию. Марина всматривалась в её лицо сквозь набегающие слёзы, и ей казалось, что у Джоконды исчезла с лица её вечная полуулыбка. Джоконде тоже было не радостно, но помочь она не могла. Помочь, наверное, мог только Бог – и неверующая Марина шепотом просила его оставить ей маму и не забирать её к себе.

– У меня никого не осталось, только мама! Ну, зачем она тебе? – говорила Марина невидимому Богу. – Она в тебя даже не верит! Ты с ней натерпишься, это я тебе точно говорю, я же её знаю... Вот и подумай, нужны тебе неприятности? – увещевала Бога Марина, глядя из окна их опустевшей квартиры в бескрайнее черное небо. В небе было так же, как дома – пусто и темно.

– Если тебе так уж нужна чья-то душа, можешь забрать мою, а мамину, пожалуйста, оставь. Паракало! (греч.: про-

шу). Ей знаешь как плохо без папы, и ты не сможешь ей его заменить, уж поверь мне на слово.

И Бог услышал Марину – и отступился. Она почернела от горя, похудела так, что казалось, светилась насквозь, но мама поправилась, и счастливая Марина привезла ее из больницы домой. Когда они уже садились в такси, дверца открылась – и врач–реаниматолог, уже знакомый Марине, положил маме на колени охапку хризантем! – «Вы любите, возьмите», – улыбнулся врач и, кивнув на прощанье Марине, поспешил в отделение, где его ждали больные.

Дома Марина первым делом прошла в гостиную и взглянула на портрет: Джоконда снова улыбалась. Значит, всё теперь будет хорошо! А ведь она, Марина, напрочь забыла обо всём! О том, что собиралась поступать в институт. О том, как ходила в походы и всю неделю ждала воскресенья, чтобы увидеть Илью! Дрожащими пальцами Марина листала купленный по дороге домой план походов выходного дня (Марине повезло – в магазине оставалось несколько брошюр). – Вот! Кестель И.С. Послезавтра! Послезавтра она его увидит...

Маринина мама тихо радовалась, видя, как светятся глаза дочери. Пусть она будет счастлива...

Илья

В воскресенье Марина поднялась с первым лучом солнца: время сбора в группе Кестеля назначалось очень рано, в шесть пятьдесят, а в семь они уже сидели в электричке.

(Свои придут, а чужие пусть спят, – смеялся Илья. – походов в «Плане» много, есть и в девять сбор, и в десять... Даже в одиннадцать есть – для тех, кто поспать любит). «Своих» собиралось человек десять – двенадцать. Когда приходило шестнадцать – это называлось «полный сбор». В группе был свой микроклимат – все друг друга знали, всем было уютно и комфортно, у костра сидели с наветренной стороны, где не было искр и пепла, – и всем хватало места, потому что костер разжигали большой и жаркий.

– Ну, нельзя же так исчезать, Мариночка! – обрадованно забубнил Илья, увидев Марину. – Ты в экспедицию уезжала, что ли?

Марина вспомнила бессонные ночи, тягостные разговоры с врачом, беготню по аптекам в поисках лекарств – и улыбнулась. Всё теперь позади. «Да, уезжала на Северный полюс!» – сказала она Илье. Он первым с ней заговорил! А раньше вообще её не замечал: пришла – молодец, а не пришла – и не надо. А теперь...

Марина не успела додумать, что теперь – и оказалась в крепких руках Ильи. Он прижался губами к Маринину уху и щеkotно выдохнул: «Всё. Больше никаких экспедиций. Диктуй телефон, и отныне ты ходишь только ко мне. Это надо же, на месяц исчезла! Я из-за тебя чуть с ума не спятил – где ты, что с тобой? Ни телефона твоего, ни адреса... По всем группам тебя искал!

Он сходил с ума по ней, Марине! Он её искал! – Марина

вложила тонкие пальцы в большую теплую ладонь Ильи и тихо сказала: «Больше никаких экспедиций. Обещаю».

В июле Марина с блеском выдержала экзамены и поступила на искусствоведческий факультет ***-ского института. А в августе они с Ильёй поженились, и Марина взяла его фамилию: Кестель Медея Харалампиевна. «Круто!» – только и сказал Илья, когда в его руках оказалось свидетельство о браке.

Родители Ильи на свадьбу не приехали. «Они далеко живут, почти на краю света» – объяснил Илья Марине. Объяснение показалось ей странным – не приехали, не позвонили, не поздравили...

Маринину маму замужество дочери не радовало.

– Ты его совсем не знаешь. Кто он, откуда? Что у него за душой?

– За душой у него – солнце, ветер и нехоженые километры, – рассмеялась счастливая Марина. – Я люблю его, мама! И он меня любит. Больше я ничего не хочу знать...

На самом деле, ей многое хотелось знать о муже, но Илья ничего не рассказывал, а дознаваться Марина не стала. Расскажет, когда захочет.

После свадьбы Илья перебрался к Марине: у него была семиметровая комната в общежитии, а у Марины – такие хоромы! Оказалось, Илья учился в аспирантуре.

– А Илья учится! В аспирантуре! – с гордостью объявила Марина матери. – А ты говорила, кто он, да где он...

Маринина мама молчала. Ну и пусть! Они теперь муж и жена, – думала Марина. – Впереди у них медовый месяц. Она возьмет с книжки деньги и купит тур – куда–нибудь на Бали, где волны лижут песок, ветер играет с лохматыми пальмами, а в маленьком уютном бунгало их ждут плетеные кресла и горящий камин.

Илью жизнь в бунгало не прельщала. – «Хочешь экзотики? – сказал он Марине. – Да пожалуйста! Только зачем так далеко ехать? Там знаешь сколько народу, на островах этих... А мы с тобой наш медовый месяц проведем вдвоем. Возьмем палатку, заберемся в лесную глушь и будем вечерами звезды считать. Только ты и я. Хочешь?»

Марине ничего не оставалось, как согласиться: она не хотела начинать семейную жизнь с размолвок и препирательств, твёрдо усвоив уроки отца: дочь должна подчиняться отцу, а жена – мужу. Она даже сделала вид, что обрадовалась предложению Ильи. А так хотелось – на Бали!..

Глава III. Семейная жизнь. Начало

Место отдыха Илья выбрал за сто сорок километров от Москвы. О том, как они туда добирались – на поезде, на автобусе, а после пешком, шатаясь под тяжестью здоровенных станковых рюкзаков – Марина старалась не вспоминать. Илья, как мужчина и глава семьи, нёс спальники, палатку и «железо» – топор, пилу, котелки и костровые принадлежности. На долю Марины оставались продукты – сахар, чай, кофе, крупа и консервы.

– Зачем нам столько еды? Сходим там в поселковый магазин и купим, – уговаривала мужа Марина.

– Ага, ходим! А потом к нам гости придут – сами им дорогу покажем. Нет уж, обойдемся. Дотащим как-нибудь... – И Марина сгибалась под тяжестью рюкзака, весившего, казалось, больше её самой...

Когда наконец добрались до места, Марина без сил опустилась на траву, испытывая райское блаженство: как хорошо, оказывается, без рюкзака! Она прикрыла глаза... Солнце пыталось пробраться сквозь ресницы, гладило тёплыми лучами Мариныны щёки, это было невыразимо приятно...

Когда она открыла глаза, уже смеркалось. Под большой раскидистой берёзой стояла их с Ильёй палатка, заботливо накрытая полиэтиленовым пологом – на случай дождя.

Сноровисто орудуя топором, Илья сооружал из тонких жердей «столовую» (и когда успел нарубить!), обтягивая столбики полотнищем полиэтилена (и как он столько плёнки дотащил!). У него получалось – здорово.

Натянув «потолок», Илья вбил в землю столбики поменьше – и скоро в столовой появился стол со скамейкой. Для посуды Илья смастерил этажерку. Со светом проблем не было – в рюкзаке Ильи нашлось три упаковки батареек и два мощных фонаря.

– А я свечи взяла, целую упаковку! И спички! – сообщила Марина мужу.

– Молодец! – похвалил её Илья. – Ужинать будем при свечах! – И оба остались довольны друг другом.

Место Илья выбрал сказочное: с трёх сторон палатку обступал лес, с четвертой – сбегала с высокого обрыва едва приметная тропка. Снизу доносился шум реки и тянуло прохладой. Марина отправилась на разведку и метрах в пятидесяти выше по течению обнаружила маленькое круглое озерцо, со дна которого клубами поднималась вода – на дне бил мощный ключ. Марина зачерпнула ладошкой воду. Вода оказалась необыкновенно вкусной и очень холодной – от неё ломило зубы.

– Илья, Илья! Ко мне, скорее! – завопила Марина, и когда он прибежал – запыхавшийся и с молотком в руке – с гордостью объявила: «Я нашла родник! Вот, смотри! А ты чего

такой бледный?»

Илья очумело затряс головой, приходя в себя.

– Да я испугался до смерти, думал, с тобой случилось что, или зверь какой... Родник она нашла, Америку открыла! – прыснул Илья. – Да я потому и устроил здесь бивак, чтоб вода ключевая рядом, как на курорте.

– Так ты поэтому с молотком прибежал? Меня спасти? – хохотала Марина. Ей уже начинала нравиться идея Ильи провести медовый месяц в лесу. У них впереди весь август... Только бы не пошли дожди!

Марина беспокоилась зря: дождей почти не было. Зато ночи оказались неожиданно холодными. Теплолюбивая Марина не могла согреться даже в теплом спальнике. Она бы с удовольствием спала в подаренном мамой шерстяном костюме и в куртке. Но Илья не позволял – ни куртки, ни костюма. – «Медовый месяц всё-таки, имей совесть!»

К утру Марина замерзала так, что спать больше не могла, и поднималась с первыми лучами солнца, не выспавшаяся и несчастная. Осторожно вылезала из палатки, чтобы не разбудить сладко спящего Илью. Торопливо натягивала на себя одежду, вздрагивая от падающей с кустов ледяной росы. Разжигала костёр и варила уже порядком надоевшую кашу, с трудом держа поварёшку в непослушных от холода пальцах.

Взятых на месяц продуктов им хватило на неделю, и Марина с Ильёй ходили за восемь километров в деревенский

магазин-сельпо. В магазинчике скучала за прилавком толстая деваха марининых лет. Продавались здесь мука, крупа, соль и макароны. И рыбные консервы в железных банках, которые они с Ильёй не сговариваясь обходили стороной. «Не трогай – взорвётся!» – пошутил как-то Илья, и продавщица обиделась: «Ничего не взорвутся, консервы свежие, с чего им взрываться-то!»

Мясных консервов в магазине не было. В нём много чего не было, даже хлеб привозили раз в неделю и продавали только своим, деревенским. Но Марине с Ильёй продавщица оставляла буханку (одну на двоих). Они сушили сухари и ели их как лакомство, понемножку, но им всё равно не хватало. Молоко у них было – сухое. Масло – растительное. Овощи-фрукты (то есть ягоды и грибы) они собирали в лесу. В мелководной быстрой речке Илья ловил рыбу – тоже мелкую, и Марине приходилось её чистить: Илья обожал уху. Картошку для ухи тоже чистила Марина. И посуду мыла в реке – с ледяной от близкого ключа водой. И котелок драила...

– Ты песку сырого возьми, песком хорошо ототрёшь, – учил жену Илья. И действительно, котелок отчищался до блеска, а вот Маринины руки... Ладони загрубели, пальцы потрескались от холодной воды, рыбы плавники больно колотились.

Мылись они с Ильёй тоже в реке, и для Марины это стало настоящей пыткой: длинные волосы плохо промывались

в холодной воде, Марина подолгу возилась с ними, и голову словно стискивало ледяным обручем. Кипятить воду для мытья Илья не считал нужным: «Котелки маленькие, это ж сколько раз кипятить! Что ты как маленькая! Холодно ей... Лето на дворе! Не знал, что ты такая неженка. Это ж здорово полезно, вода–то ключевая, от неё волосы будут лучше расти!». А вода и в самом деле была – ледяной.

Марина молча терпела «полезную» воду, как научилась терпеть ночные холода и невкусную кашу без масла. Масло у них давно кончилось, кашу ели с ягодами, собранными в лесу. «От них сплошная польза, а от масла один вред!» – говорил Илья. Марина не понимала, какой вред может быть от растительного масла, но спрашивать не решалась...

За месяц она похудела, роскошные медно–бронзовые волосы поблели. Илья ничего не замечал. Август выдался жаркий, солнце пекло, как печка, но стоило Марине войти в воду – жару как рукой снимало: вода была ледяная. Илья купался с удовольствием и очень обижался, когда Марина отказывалась. – «Что ты как маленькая, – обиженно гудел Илья, – раздевайся, кому сказал!» – «Я сейчас, только купальник возьму», – обреченно соглашалась Марина, понимая, что купания избежать не удастся. Но Илья уже стаскивал с неё сарафанчик, бормоча: «Какой купальник? Зачем тебе купальник?», и загонял Марину в воду, наставительно поучая: «Двигайся. Плавай – и быстро согреешься!»

Марина изо всех сил молотила по воде руками и ногами, но согреться почему-то не получалось.

– Что ты как маленькая, – ворчал на жену Илья. – Ты кулачки-то разожми, кто же гребёт кулаками? И ногами работай! Топор – и тот лучше тебя плавает!»

– Ой, не смейся, а то утону! – отбивалась Марина.

– Я тебе утону! Только попробуй!

– Всё, я больше не могу. Я выхожу, – объявляла Марина.

И слышала в ответ:

– Как это – выхожу? Ты же только что вошла. Закаляйся, привыкай! Такая водичка бодрящая, сплошная польза! – уговаривал жену Илья. – Ну давай, ещё три минуты – и ты выходишь.

Через три минуты счастливая Марина неслась по крутой тропинке вверх, к лагерю. Илья восхищенно смотрел ей вслед... Натянув шерстяной костюм на голое тело, как учил Илья, Марина, блаженно улыбаясь, спускалась вниз. В костюме было тепло.

Этот костюм – с белыми яхтами, голубыми волнами и оранжевыми пальмами – ей прислал отец, которому мать тайком от Марины написала о свадьбе дочери. Ещё в посылке обнаружился расшитый шёлком сарафанчик, умопомрачительно красивое бельё и бело-золотой купальник – очень «смелый». Всё это Марина взяла с собой.

– Согрелась? – заботливо спрашивал Илья. – А здорово, правда? Здорово?

– Здорово... – эхом откликнулась Марина.

Илья оказался прав: Марина привыкла к ледяному купанию и даже научилась получать от него удовольствие. Вода вонзалась в кожу тонкими иголочками. – «Словно в нарзане плаваешь, вода щиплется!» – смеялась Марина. Теперь она сама приглашала Илью – «Пойдём, окунёмся?» – и скинув кокетливый сарафанчик, вприпрыжку спускалась к воде. Илья восхищенно провожал её глазами... Бело-золотой купальник Марина привезла в Москву, так ни разу и не надев.

Марина постепенно втягивалась в походную жизнь, у неё окрепли мускулы и во всём теле ощущалась праздничная лёгкость.

Кроме ежедневного купания в распорядок дня входила обязательная гимнастика. Илья усердно занимался и следил, чтобы Марина не пропускала «тренировки». Гантели с успехом заменяли увесистые речные гольши. Пожалуй, они были тяжеловаты для Марины, но она не жаловалась. Между двух берёз Илья установил турник, на котором они крутились по очереди. Точнее, крутился Илья, у Марины получалось только подтягиваться – два раза, третий не получался, и ей было стыдно перед мужем. Напротив, Илья был доволен «спортивным результатом», не скупился на похвалы и понемногу увеличивал нагрузки. Марина старательно пыхтела на перекладине по нескольку раз в день... и через неделю подтягивалась три раза! А потом у неё получилось – четыре. А потом...

...Примчавшись на её отчаянный крик, Илья оцепенел: Марина сидела под турником, не делая попыток подняться. Шорты измазаны травяной зеленью, руки бессильно опущены. Илья на деревянных ногах подошёл к жене, положил ей на плечи тяжелые ладони. Марина не шевельнулась, и Илье показалось, что у него остановилось сердце...

– Разбилась?! – выговорил он непослушными губами. – Мариночка, девочка моя, милая моя! Говорил же тебе, не крутись, нельзя так сразу... Говорил? Не бойся, я не сделаю больно, я остороженько... Так. Руки целы – облегчённо выдохнул Илья. – Рёбра все на месте (при проверке рёбер Марина дёрнулась, и Илья «проверил» ещё раз). Теперь займёмся ногами... Не бойся, я только посмотрю.

Но Марина выдернула из рук Ильи босую пятку, больно лягнула его в плечо и со смехом вскочила на ноги. – «Ой, я больше не могу, щекотно! Семь раз! Семь раз за одни подход! – объявила Марина остолбеневшему Илье.

– О майн готт! – только и смог сказать бледный как бумага Илья, вытирая со лба крупные капли пота.

Вносила свою лепту и Марина. Как-то утром Илья с удивлением наблюдал за женой, ползающей по траве на коленях. Марина выкладывала из белых камешков правильный круг, замеряя диаметр хворостиной (мало ей серых, ей непременно белые нужны, это ж ещё найти надо!). Потом целый час таскала из леса сосновые шишки (мало ей еловых!) и складывала в круг.

– Что у нас тут будет? Песочница? Жаль, мы формочки не взяли, – улыбнулся Илья.

– Будет танцплощадка! – непонятно ответила Марина, старательно топтавшаяся по шишкам в кедах. – Обувайся и иди сюда, поможешь утрамбовывать.

Удивлённый Илья надел туристские ботинки и по требованию жены прыгал по шишкам, чувствуя себя полным идиотом. И удивился ещё больше, когда Марина сняла кеды. – «Включай музыку и будем танцевать. Объявляю белый танец!». Илья молча принялся расшнуровывать ботинки.

Стоять босиком на каменно–твёрдых ершистых шишках оказалось непросто: они перекатывались под ногами и немилосердно кололись. Илья кошкой выпрыгнул из круга, но Марина ухватила его за руку.

– Ну, куда же ты? Это неэтично– бросать партнершу, когда танец ещё не кончился. Потанцуй со мной, хоть пять минут. Пять минут, и я тебя отпущу, – упрасивала мужа Марина. – Это же сплошная польза!

Ходить босиком по шишкам Марину научил когда–то отец – в своей манере, крепко держа дочку за руки и не слушая её протестов («Знаю, что больно, зато полезно. Надо потерпеть, потом привыкнешь»). Марина не хотела терпеть и поджимала ноги, хитрый Гиоргос моментально отпускал руки, и девочка приземлялась на попу – довольно чувствительно, если учесть, что падать ей приходилось на шишки. – «Ну, пап! Больно же!» – «Прости, дочка, не удержал, ты такая тя-

жѐлая... Много кушаешь, а папа виноват?».

Помня свои ежедневные мучения на турнике, Марина мстительно соблюдала «методику обучения»: крепко держа мужа за руки, с улыбкой наблюдала, как он топчется по шишкам, морщась от боли. В конце концов, Илья вырвался и с позором покинул «танцплощадку»...

Марина не представляла себе, что их с Ильѐй медовый месяц будет таким разнообразным. Весь день они были чем-то заняты, так что свободного времени почти не оставалось. Илья ловил рыбу, которую требовалось вялить, и Марина развешивала её веревке, хитроумно зашитую в марлевые мешочки – от мух. Много времени отнимала кухня – Марина возилась там весь день: резала, чистила, варила и пекла, скребла стеклянным осколком дощатый стол, отмывала до блеска котелок...

Аппетит у Ильи был зверский. Марина, весь день крутившаяся как белка в колесе (от речки к лагерю, от лагеря к речке), вечером с трудом могла проглотить несколько ложек ухи и откладывала ложку...

Ещё они ходили за грибами. Ещё – собирали малину и, притащив из магазина сахару, варили варенье. С упоением и азартом заядлых картѐжников играли в карты – на желание (желания у обоих совпадали...)

Ещё они устраивали танцы. Илья научил Марину танцевать чарльстон и степ (получалось – смешно), и даже рус-

скую «барыню». Марина показала мужу традиционные движения греческого сиртаки. А однажды, расшалившись, станцевала для Ильи комитэке – античный «танец волос», который в Древней Греции танцевали нагими, но Марина надела купальник, распустив свою медно–рыжую гриву и укрывшись волосами до пояса.

– Эй, где ты? – шутя окликнул её Илья. – Раз, два, пять, я иду искать! – Но Марина с хохотом от него убежала.

К вечеру оба так уставали, что валились с ног. – «Ничего себе, тихий отдых. Тихий ужас!» – смеялась Марина. – «Русский экстрим!» – уточнял Илья.

Когда медовый месяц закончился и они вернулись в Москву, Марина бросила на пол рюкзак (опять неподъёмный, потому что они привезли варенье из лесных ягод, сушеные грибы, орехи, вяленую рыбу – и всё это пришлось тащить на себе) и с наслаждением погрузилась в горячую ванну. И лежала, пока не остыла вода.

Глава

IV

. Семейная жизнь. Продолжение

Последствия экстремального медового месяца были ужасны: вторая беременность у Марины закончилась выкидышем, как и первая. Тогда она молчала, а Илья сидел на стуле у её кровати и плакал. Слёзы текли по небритым щекам, и Марина была благодарна ему за эти слёзы, и за молчание. В

палату заглянула медсестра, хотела что-то сказать, но увидев эту сцену, тихо вышла и прикрыла за собой дверь.

Марина тогда не сказала мужу ни слова, проплакав после его ухода весь день. И вот – всё повторилось. Марине категорически запретили рожать. «Какой тебе ребёнок, ты на себя посмотри! Сама ещё школьница» – сказал Марине врач.

– Я не школьница, я в институте учусь, – оправдывалась Марина.

– А весишь сколько? Как ты вообще забеременеть умудрилась? Я тебе, девочка, плохой диагноз поставил. Истощение – и физическое, и нервное! И рожать тебе нельзя. Пока нельзя, во всяком случае.

– Да какое у меня истощение! – возмутилась Марина. – Я в походы хожу, с рюкзаком! А нервы знаете какие? Что хотите выдержу, и никто не догадается, чего мне это стоило! – сказала Марина врачу.

– Вот потому и истощение... – непонятно ответил врач.

Из женской консультации Марина вернулась с каменным лицом. На мамины вопросы отвечала нехотя: «Да всё нормально, мама». А когда вернулся с работы Илья, в слезах повисла у него на шее. Илья осторожно расцепил её судорожно сведенные пальцы и посадил Марину к себе на колени, баюкая как ребёнка и нашёптывая ласковые слова.

Марина, изнемогшая от слёз, уже не плакала, только всхлипывала, по детской привычке утирая кулаком нос. Ука-

чивая Марину, уютно устроившуюся в его руках, Илья повторял как заклинание: «Всё у нас с тобой будет, и детки будут, у всех детки есть – и у нас с тобой будут... Как у всех: у собак щенята, у овец ягнята, у мышей мышата...

– А у крыс крысята! – в сердцах сказала Маринина мама и, хлопнув дверью, ушла к себе. Она обиделась. На дочь – за то, что ничего ей не сказала, молчала весь день, отцовская кровь, Харалампия! На Илью – это он виноват, что девочка родить не может! Довёл! Сам здоровый как шкаф, а Марочка истаяла совсем. На себя – за то, что молчит и всё это терпит.

За захлопнутой дверью рассмеялись...

Через год Марина родила девочку – такую крошечную и слабенькую, что Марину выписали из роддома без неё. – «Ребёнка мы Вам пока не отдадим, у себя подержим. У неё даже сосательный рефлекс отсутствует!» – сказали Марине с возмущением, словно она была виновата.

Но главная беда ждала впереди: девочке поставили страшный диагноз – олигофрения. Кроме этого, у маленькой Анечки обнаружили аневризму межсердечной аорты, которая ни в чём пока не проявлялась, и Марина не поверила врачам. Но они оказались правы. Девочка подрастала, и страшные симптомы подтверждались с каждым днём: недоразвитие речи, неустойчивость внимания, замедленность восприятия, малый объём памяти, отсутствие познавательных интересов...

Анечка казалась абсолютно необучаемой, но Марина тер-

пеливо учила дочь – пить из чашки, есть ложкой, застёгивать пуговицы – и у неё получалось! Марина читала ей стихи и рассказывала сказки. Потом наступала очередь восьмилетней Ани, и девочка забавно морщила лобик, вспоминая любимую сказку... Какая же это олигофрения, если она столько запоминает?! А девочка действительно запоминала. – Марина сделала невозможное...

Илья выдержал удар стойко и не предлагал отказаться от дочери, за что Марина была благодарна мужу. Она сидела с ребёнком, а Илья работал за двоих, допоздна задерживаясь по вечерам.

– Надо же, какой заботливый, – удивлялась Маринина мама, – другой бы давно сбежал...

– Мама! – останавливала её Марина. – Что ты такое говоришь?! Илья меня любит, и Анечку любит!

И столько гордости, столько веры было в её слова, что мать наконец поверила: любит. И прописала Илью, который, после окончания аспирантуры не мог устроиться на работу по специальности – везде требовалась московская прописка. В паспортном столе Марина впервые узнала адрес мужа. Оказалось, он из Саратова. А говорил – на краю земли, вспомнилось Марине. Почему-то Илья никогда не предлагал свозить её в Саратов. Она бы поехала... Но предложение съездить в Саратов Илья вежливо отклонил: «Ну конечно, поедem. Потом». В Саратов они так и не поехали.

А время шло... Марина окончила аспирантуру и защитила кандидатскую диссертацию. – «Принимай поздравления! – сказал Илья. – За мной подарок. Что тебе подарить?»

– Подари мне... два года, – попросила Илью Марина.

– А что ты с ними будешь делать? На что потратишь?

– На Мориса Тореза. Давно о нём мечтаю... Второе высшее и диплом переводчика!

– Не надоело учиться? А ты институт неслабый выбрала. Там, говорят, страшно тяжело... И диплом – только если на отлично учишься. А схватишь на экзамене тройка – получишь вместо диплома свидетельство об окончании курсов иностранного языка, а оно ничего не даёт, даёт только диплом. Ты об этом знаешь? Может, передумаешь?

Передумывать Марина не стала. Днём работала – читала лекции по истории искусств студентам консерватории. Вечерами училась (институт был вечерний).

Илья тоже работал, а все выходные проводил в походах («Твой муж – руководитель походов выходного дня Московского городского клуба туристов. Ты об этом не забыла?»), и Марина с мамой оставались одни. Анечку, у которой определили имбецильность в первой стадии, отдали в коррекционную школу–интернат для умственно–отсталых детей (Марина не хотела отдавать, но Илья настоял. Вычитал где–то, что чрезмерная родительская забота о таких детях мешает их самостоятельному становлению). Ане в интернате было

хорошо, она не скучала по родителям и не просилась домой.

– Ах, мама! Ведь я ей совсем не нужна! – терзалась Марина. Илья, напротив, мало интересовался дочерью. Это была его идея – поместить девочку в интернат. На выходные Марина забирала дочку домой. Илья пропадал в походах, возвращался усталый, пропахший дымом костра, и сбросив на пол тяжелый рюкзак, звал Марину: «Жена! Ужинать–то будем? Я голодный, как стая волков!»

Марина кормила Илью ужином, мыла посуду, разбирала брошенный в коридоре рюкзак. Марина стирала, убирала, гладила, мыла, бегала по магазинам и писала диссертацию. Ей было очень одиноко, и Марина изо всех сил старалась, чтобы муж этого не заметил. И напрасно – Илья жил своей жизнью, и Марине в этой жизни была отведена отнюдь не главная роль.

Глава

V

. Семейная жизнь. Конец

– Возьми меня с собой! – упрашивала мужа Марина. – Я сто лет не была в походе, а ты же знаешь, как я люблю – ходить! Мы же раньше всегда вместе...

– Ну...раньше! – перебил Илья жену. – Раньше ты была как все, а теперь ты жена руководителя ПВД (походов выходного дня). А я не хочу, чтобы моя жена по лесам...шастала! (Марина голову бы дала на отсечение, что Илья хотел сказать совсем другое, но вовремя остановился. Ей стало обидно до

слёз, но она сдержалась)

– А если не с тобой, если я с другой группой пойду, отпустишь? – спросила Марина.

– Сказал же, нет! Нечего тебе в походах делать, ты ребенка воспитывай. Навещай почаще, это ведь ты её такую родила! – отрезал Илья. Вот этого ему говорить не следовало. – Марина заплакала. У неё в роду олигофренов не было, она знала точно. Значит, были у Ильи? Она ведь ничего не знает о нём. Илья никогда о себе не рассказывал, а если она спрашивала, упорно отмалчивался. Это у Ильи было что-то не так с наследственностью, и в том, что Анечка родилась больной – его, Ильи, вина! – поняла вдруг Марина. – Он мог бы сказать, предупредить... А он её упрекает!

Марина очень удивилась бы, узнав, что Илья регулярно навещает дочку, привозя её любимые конфеты «Гулливер» и пластилин, из которого девочка лепила забавных зверушек, терпеливо разминая в руках неподатливые цветные бруски. Зверушки у Ани выходили как настоящие (Марина показывала ей картинки со зверями и птицами, и девочке нравилось их разглядывать).

А однажды Анечка удивила всех: скатала привезённую Ильей упаковку пластилина в большой разноцветный комок и долго мяла его крепкими сильными пальцами, пока пластилин не стал мягким, как масло. И вылепила настоящую античную головку с античной же затейливой причёской

(предусмотрительный Илья купил дочке пластмассовые инструменты скульптора)

На головку приходили смотреть воспитатели и медперсонал, даже с других этажей приходили. – «Где ты это видела? Кто это?» – приступали к Ане с вопросами. Но девочка упрямо твердила: «Это мама». На другой день Анечка благополучно забыла о головке и сосредоточенно мяла в руках пластилин, размышляя, что бы такое из него слепить. Античная головка украсила кабинет главврача – и стоит там до сих пор...

Но Марина так и не узнала об этом.

После памятного разговора с Ильёй, когда он так сильно её обидел и даже не заметил этого, Марина ни о чем не просила мужа. «Пора тебе жить самостоятельно» – вспомнила она слова, сказанные отцом. Ей и вправду придётся – самостоятельно. Илья, который когда-то не отпускал Марину ни на шаг, повсюду таская её за собой, обходился теперь без неё.

Марине вдруг вспомнился день, когда они с Ильёй, усталые и счастливые, ввалились, грохоча туристскими ботинками, в их маленькую прихожую, и Марина задорно крикнула: «Есть кто дома? Мы голодные, как стая волков!». Как причитала мама, прибежавшая с кухни на шум: «Ой, Мариночка, рюкзак-то какой! Как ты его дотащила, остановка ведь не близко!». О том, что рюкзак, набитый орехами, вяленой рыбой и банками с малиновым вареньем, она несла километ-

ров восемь по лесным извилистым дорожкам (бегущим через овраги и заросшие густой молодой порослью перелески, пересекающим ручьи и мелкие речушки), в сравнении с которыми сотня метров асфальта от остановки автобуса до дома показались Марине – усыпанным розами, маме она рассказывать не стала.

– Ой, Мариночка, дай на тебя посмотреть! Совсем взрослая стала! Другая какая–то... А похудела–то как! Илья!! – налетала мама на зятя. – Куда ж ты смотрел?!

– Ничего, были бы кости, мясо нарастёт. Это мы поправим. Вот увидите, – сказал Илья. Сбросил с плеч рюкзак (занявший добрую половину их маленькой прихожей) и протопал в ванную. Через двадцать минут его уже не было. Илья исчез на добрых два часа – и вернулся навьюченный как ишак: в каждой руке по сумке, за спиной рюкзак, под мышкой целлофановый продолговатый свёрток. – «Это тебе. Только осторожнее!»

Марина развернула хрустящий целлофан и замерла: на длинных колючих стеблях подрагивали изящные головки роз необыкновенного бордово–чёрного цвета. Чёрные розы! Её любимые... Но как он догадался? Семь роз, её счастливое число. Но ведь они очень дорогие!

Илья восхищенно смотрел на замершую от удивления Марину, стоящую с розами в руках. – Тонкие стебли цветов... Тонкие смуглые руки... Изящная головка, причудливо уложенные медные волосы... Сама как роза!

– О, Господи! Да ты весь рынок скупил, ничего не оставил, – ахнула Маринина мама.

– Не оставил, – подтвердил Илья.

Илья привёз с рынка парного мяса; целую гору золотых, пахнущих солнцем абрикосов; кусище снежно-белого, дразняще пахнущего сала; три баснословно дорогих баночки крабового мяса «Хатка»; маслянисто блестящий чернослив; зеленые оливки в красивой жестяной банке... На столе уже не осталось свободного места, а Илья всё доставал из рюкзака покупки, хитро поглядывая на жену. Он привёз всё самое Маринино любимое, не забыл даже вяленую дыню и жареный миндаль!

– Это где ж ты столько денег взял? – всплеснула руками Маринина мама. Илья в ответ рассмеялся:

– Где взял, там больше нет!

А потом они устроили праздничный ужин по случаю возвращения домой. И до отвала наелись жареной телятины, тающей во рту, заедая мясо – Илья зеленью, а Марина – абрикосами, и запивая Марининым любимым «Лыхны» (абхазское сухое вино из сортов винограда «Изабелла»). На десерт лакомились свежим хлебом (по которому оба так соскучились, что он казался вкуснее пирожных!), макавая его в глиняную широкую миску со светлым мёдом.

Ничего не забыл Илья, купил всё самое Маринино любимое. И когда успел изучить её вкус? Ели-то одну рыбу да кашу. Ну, ещё грибы и орехи.

Илья с любопытством наблюдал за Мариной, которая, откусив большой кусок намазанного мёдом хлеба, запихала в рот жареный миндаль и с увлечением всё это жевала, прикрыв от удовольствия глаза. А она непростая штучка! – Хлеб с миндалём, мясо с абрикосами и без хлеба... Поймав его взгляд, Марина смущённо улыбнулась: «У нас другая кухня. Не совсем русская, то есть, совсем не русская, – запуталась Марина. – Но если хочешь, я тебе... кашу сварю. С ягодами, как ты любишь. И без масла!» – добила мужа злопамятная Марина. Илья только крякнул. А мама ничего не поняла...

«Под занавес» Илья выставил на стол баночку с прозрачно-жемчужными капсулами.

– Это что, жемчуга? Твой свадебный подарок? Довесок к медовому месяцу, – не удержалась Марина.

– Кушай, дхарагхая, – с неподражаемым акцентом отозвался Илья. – Будэшь сама как жемчужина...

В баночке оказался рыбий жир в капсулах. Марина смешно надула губы и обиженно буркнула: «Ну и не буду!». (И встретила осуждающий взгляд матери: «Слушай, что муж говорит!»).

– Будэшь, дхарагхая, будэшь. Никуда нэ дэнэшься...

Марина посмотрела на Илью и поняла: никуда не денешься! И каждый день покорно глотала по две капсулы, назло мужу запивая «лекарство» «Лыхны» (Илья на провокацию не поддавался и молчал, что называется, «в тряпочку»). И каждый день стол ломился от снеди: виноград – сладкий, как

мёд; деревенский творог – с рынка, в магазине такой не купишь; вяленая твердокаменная бастурма; янтарный латвийский пармезан, который в их доме ели без хлеба, положив сверху веточку мяты или сельдерея.

И Илья опять удивлялся – куда он попал? Живут в Москве, а едят... «У нас другая кухня, – терпеливо говорила ему Марина. – Хочешь, я принесу хлеб? Тебе какого отрезать?» – «Нет, я пожалуй попробую, как ты» – отвечал Илья.

За месяц Марина поздоровела и окрепла. Каждый день она делала непростую гимнастику, которой её научил муж. Илья оказался большим выдумщиком: в дверном проёме он ухитрился поставить «шведскую стенку», которая легко разбиралась (перекладины вставлялись в специальные пазы). С потолка в прихожей свисали гимнастические кольца (длина их легко регулировалась), а на стене их с Мариной спальни висели на крюке гантели.

Илья гонял жену в хвост и в гриву, утренняя гимнастика занимала сорок минут, вечерняя – час. Марина занималась с удовольствием и только улыбалась, когда подруги по институту с завистью говорили: «Ты тоненькая такая... А в буфете каждый день булочки покупаешь и кексы... И как в тебе всё это помещается?»

Марина очнулась от воспоминаний и долго вздохнула. Тогда Илья любил её, и она всё время это знала, чувствовала – и была счастлива. А сейчас? Всё у них вроде бы хорошо,

Илья её ни в чём не перечит, она делает что хочет. Захотела институт им. Мориса Тореза окончить – и окончила! Два года училась, Илья её ни слова не сказал (хотя был против – Марина знала). О дочке заботится, работает за двоих и ни на что не жалуется. Ну, что ещё? – Ночует всегда дома, по бабам не бегает... Марина невесело усмехнулась. Отчего же в сердце зубной болью ноет тревога?

Илья о её сомнениях ничего не знал: Марина всегда встречала его с улыбкой и не задавала никаких вопросов. Дома Илья теперь только ел и спал. И увлечённо рассказывал Марине о том, как весело провёл воскресенье. Как переходили реку вброд. Как бежали три километра, чтобы успеть на последнюю электричку. Как набрели на болотце с клюквой и всей группой собирали ягоды, осторожно раздвигая пальцами мокрый пушистый мох, под которым пряталась клюква. «Извини, – Илья развёл руками, – не принёс. Её там немного было, всю слопали!»

А Марине так хотелось попробовать! О том, как ей хотелось – собирать, она даже не заикалась. Всё решал Илья. В их доме он был хозяином, а Марина – хорошей женой. И все выходные проводила с мамой и маленькой Анечкой, которую на выходные забирала домой.

Интернат, на котором настоял Илья и которого так страшилась Марина, оказался для Анечки полезным. Здесь детей учили – и к восемнадцати годам почти все осваивали школьную программу за четвёртый класс, умели читать и писать. И

считать умели! К детям здесь относились с любовью и заботой, ласково называя «даунятами». Анечке в интернате нравилось, она никогда не плакала, когда Марина отвозила её обратно.

Выходило так, что Илья оказался прав: ребёнку было хорошо, интернат приносил очевидную пользу. Девочка уже читала по слогам (дома было много книжек с картинками). И Марина смирилась. Она уступала Илье во всём, он же становился всё требовательнее, придираясь к ней по пустякам. Всё и всегда было так, как хотел Илья. Марина терпела, пока однажды вечером не раздался телефонный звонок – и Марина сняла трубку. Звонкий девичий голос попросил позвать Илюшу.

– Илью? А вы кто? – переспросила Марина, неприятно удивлённая такой фамильярностью.

– А вы? – нагло парировала девица на другом конце провода.

– Я его жена, – спокойно ответила Марина. – Вы, вообще, в курсе, что Илья женат? Что у него семья, ребёнок...

– Я–то в курсе. Это ты не в курсе, подруга.

– Это вы – мне? – опешила Марина.

– Тебе, кому же ещё! Сидишь у Ильи на шее со своей мамашей и дочкой–олигофренкой... Ещё и допросы устраиваешь по телефону. Давай сюда Илью, я же не тебе звоню!

– Да как ты смеешь... – задохнулась от возмущения Ма-

рина, но у неё из рук выхватили телефонную трубку. – «Катенька? Здравствуй, котёнок!... Ну я же сказал... Мы же с тобой договорились... Давай не будем выяснять отношения по телефону, хорошо? В воскресенье увидимся».

С наглой девицей Илья разговаривал ласковым, просительным голосом, словно был перед ней виноват (а может, в самом деле – был). А с ней, Мариной, говорил командным тоном, не терпящим возражений. Хотя Марина редко ему возражала...

– Кто тебе звонил? – стараясь казаться спокойной, спросила Марина.

– Туристка из нашей группы.

– А знаешь, что эта туристка мне наговорила?

– А кто тебя просил с ней разговаривать? Звонили–то мне. Я же руководитель ПВД (походы выходного дня Московского городского клуба туристов), или ты забыла? Хочешь, чтобы я кашу варил и по магазинам бегал? – вскипел Илья.

По магазинам Илья не бегал, это всегда делала Марина. Даже когда она разрывалась между защитой диссертации и больным ребёнком, Илья и не думал ей помогать. Всю работу он делил на мужскую и женскую. Мужская – добывать деньги. Вся остальная – женская. При этом Илья забывал, что Марина работала искусствоведом в ***ском музее. Ещё она читала студентам лекции. Ещё брала на дом переводы из издательства – с французского и турецкого. Последний счи-

тался редким языком, переводы оплачивались дороже. Марина зарабатывала не меньше Ильи. А по вечерам училась в институте иностранных языков им. Мориса Тореза.

– Но я ведь работаю! Даже когда в аспирантуре училась – работала, и когда Анечка родилась... А этой Кате ты сказал, что я у тебя на шее сижу! А про Анечку – зачем? Она не виновата, что родилась такой, она старается, учится, лепит, рисует... – тихо говорила мужу Марина (а ей хотелось – кричать!) Ты... Ты меня больше не любишь?

– Не знаю! – зло ответил Илья. – Я в этом доме задыхаюсь. Мещанство сплошное! Вилка для мяса, вилка для рыбы, вилка для торта... По три ножа у каждой тарелки! Салфетки...

Марина остолбенела. Вилки различала даже Анечка, безошибочно выбирая нужную. И салфетками умела пользоваться, Марина её научила...

– Да как же обедать – без салфеток? Да в любом ресторане...

– Вот, вот! В ресторане! – перебил её Илья. – А я не хочу как в ресторане, я хочу нормально, по-домашнему. А ты выпендриваешься... с салфетками! (*«Господи! Дались ему эти салфетки!»*) Может, мне ещё переодеться к ужину? (*«А было бы неплохо...»*) – гремел Илья на весь дом. – Мы с тобой как чужие живём, не замечаешь?

Марина вспомнила их с Ильёй медовый месяц, пригорев-

шую кашу, речку с «полезной» ключевой водой и израненные рыбьими плавниками руки. По–домашнему, ничего не скажешь...

Ей вдруг стало нестерпимо холодно – как когда–то в лесу, в серых предутренних сумерках их медового месяца. С той поры прошло девять трудных лет. Неужели за девять лет она так и не разглядела, так и не поняла, с кем жила под одной крышей? Марина в отчаянии обхватила себя за плечи.

– Зачем же ты живёшь со мной, если я выпендриваюсь? Потому что тебе удобно, да? – ответила Марина за Илью. – Говоришь, как чужие живём. Но ты ведь не разрешаешь мне в походы ходить, и в отпуск ты всегда один...

– Вот только не надо отношений выяснять! Нечего выяснять, и так всё ясно. – И Марина, сидевшая в тупом оцепенении, подумала, что Илья, как всегда, прав: всё ясно.

Илья растерялся (пожалуй, впервые за всю их совместную жизнь). Марина ему возразила – впервые за девять лет! Но как она... Как она сказала! – «Ты меня больше не любишь? Зачем же тогда живёшь со мной?». Илья никогда об этом не задумывался. Он просто не представлял своей жизни без Марины, как нельзя жить без воздуха. Или – без воды. Или – без солнца. Но ведь солнцу не признаются в любви! И воде. И воздуху. Просто живут...

Он никогда ей не изменял. Ну, было несколько раз (Илья не считал). Но это не шло ни в какое сравнение с тем, как было у них с Мариной. На дежурный вопрос «ты меня лю-

бишь?» Илья каждый раз пожимал плечами: он любил Марину. Разве он мог любить кого-то ещё? Он даже завидовал – сам себе. И как она ему досталась? Как согласилась стать его женой? Ведь отбоя не было от женихов, а она выбрала Илью. Повезло.

Илья не понимал одного: будь на месте Марины другая, она давно бы от него ушла – хватило бы и экстремального медового месяца, который он устроил молодой жене. Не понимал, каким мужеством и терпением обладала его спокойная, молчаливая и уступчивая Марина. Не видел, как трудно она жила.

Ни в чём отказа не знала! Захотела – и поступила в очную аспирантуру. А муж на двух работах вкалывал! Захотела – и получила второе высшее. И диплом переводчика – будьте-на-те! Илья ни разу её не упрекнул, он гордился успехами жены, хвастался друзьям. И работать не заставлял – сама захотела!

Марина, на хрупких плечах которой лежало домашнее хозяйство (мама с её больным сердцем и второй группой инвалидности, хотя давно бы надо первую, – мама была не в счёт), видела, что заработков Ильи хватает лишь на то, чтобы сводить концы с концами. Мамина пенсия в расчёт не бралась – почти вся она уходила на лекарства. Разве Илья заслуживает такой вот жизни – от получки до получки? И Марина работала, не жалуясь на постоянную, ставшую уже привычной усталость, и в их доме никогда не было недостатка в деньгах.

Он не заставлял её работать – денег в их доме всегда было достаточно! Она сама захотела. Захотела – пусть работает. О том, как нечаянно выболтал прилипчивой двадцатилетней Катеньке про дочку, целиком свалив её болезнь на жену, Илья старался не вспоминать. Ну, выпили, понятное дело. Сам не помнил, что говорил. А Катенька – хитренькая лисичка – всё выспросила и пообещала, что никому не расскажет. Понимала, что тогда ей Ильи не видать. И вот – никому. Только Марине. Виновнице, так сказать, торжества.

Но Марина – то какова! Другая бы заплакала, а эта: не нравится – никто тебя не держит! Ну, что ж, у него тоже есть гордость, и он такого не стерпит. Соберёт рюкзак – и до свидания. А она ещё будет умолять его остаться. На коленях ползать будет...

Это он зря. Марина никогда и ни перед кем на коленях не ползала. И умолять его не собиралась. – «Тебе вещи помочь собрать, или сам справишься?» – сказала Марина остолбеневшему Илье. Она говорила спокойным доброжелательным тоном, но на Илью словно плеснули кипятком.

Через минуту он бестолково метался по квартире, собирая вещи. «А ты чего сидишь, как в гостях? – бросил на ходу Марине. – Бери чемодан, собирай вещи. Да аккуратно складывай, не пихай!». – И Марина складывала, тщательно расправляя на сгибах, его рубашки, свитера, костюмы... Марина сама покупала мужу одежду, и Илья всегда был одет красиво и стильно. Креативно, как оценили сотрудники у него

на работе – и Илья был польщён. И гордился женой...

Чемодан уже был полон, и Марина взяла второй. На одной из рубашек была оторвана пуговица, и Марина, извинительно улыбнувшись мужу – «Я сейчас, я быстро!» – взялась за иголку, не замечая удивлённых глаз Ильи.

Марина «вошла во вкус»... Притащив из ванной стремянку, сняла со стены старинные часы с тяжелым маятником и двумя бронзовыми гирьками в форме шишек на бронзовых же длинных цепях. Часы в дом принёс Илья – на Новый год.

– Бронза. Антиквариат! – с гордостью объявил жене Илья. – Представляешь, какой-то идиот сдал в комиссионный. А они – идут!

Часы не просто шли: они отбивали каждый час – громко и торжественно. И Марина, просыпавшаяся каждый час, думала, что тот, кто отнёс их в комиссионку, вовсе не был идиотом...

Анечке очень нравились папины часы, и маятник, ходивший за стеклом – туда-сюда, туда-сюда! И бронзовые шишечки-гирьки. А когда часы принимались громко отбивать время, девочка запрокидывала светловолосую головку и заразительно смеялась, и Марина с Ильёй смеялись вместе с ней.

Часы в чемодан не помещались, и их пришлось упаковать отдельно. Так. Что там ещё? – оглядевшись, Марина сняла со стены увесистые гантели (нет, всё-таки они для неё слишком тяжелые, а вот Илье – в самый раз!). Улыбнувшись Илье

одной из своих самых обольстительных улыбок, Марина сунула гантели в чемодан и, прижав коленкой, затянула тугие ремни. Илье вдруг захотелось схватить её за голые колени и сгрести в охапку, и он едва пересилил себя.

– Мариночка, ну зачем ты... Я же так, пошутил неудачно, я же не всерьёз! – попытался остановить жену Ильи. – И с чемоданом пошутил... Он же неподъёмный!

Марина с улыбкой подняла оба чемодана (*и впрямь неподъёмные*) и сделала несколько шагов к дверям (*не зря она занималась с гантелями и кольцами!*). Поставив чемоданы на пол, Марина настежь распахнула входную дверь: «Ка-ло таксиди!» (Она никогда не позволяла себе такого с Ильёй, говорила только на русском, но он без перевода понял, что ему пожелали счастливого пути.)

Илья ушёл и больше не появлялся в их доме. И не просто ушёл, а отсудил четверть квартиры в старом доме на Сретенке (стены полуметровой толщины, лепные высокие потолки, огромная – шесть квадратных метров – ванная комната, кухня, столовая, библиотека, кабинет отца...).

Квартиру пришлось разменять. На переезд у них с мамой ушли почти все оставшиеся деньги. Один пузатый старинный буфет чего стоил! – «Легче слона поднять» – заявили грузчики. Квартира принадлежала родителям Марины, и Илья не имел к ней никакого отношения. О том, что – имел, и всё в квартире куплено на его деньги, и ребёнок в интернате тоже содержался на деньги Ильи, – Марина узнала в суде.

Ещё она узнала, что она, Марина, учась в очной аспирантуре, ничем не обеспечивала дочь, да и себя не обеспечивала. Марина вспомнила, как проводила ночи за пишущей машинкой, корпя над ненавистными переводами, когда сами собой закрывались глаза и падали из рук толстые, объёмистые словари. Технические переводы – это вам не пельмени лепить... Марина тогда зарабатывала не меньше Ильи. И пельмени, кстати, тоже лепила – Илья любил домашние...

Марина ничего не смогла доказать. Как-то так получалось у судьи, что прав был Илья. Илья, который когда-то не мог без неё жить. И для них с мамой наступили тяжёлые времена.

Глава

VI

. Тяжелые времена

Бедное деревце

После разрыва с Ильёй Марине не хотелось жить. Она чувствовала себя маленьким одиноким деревцем, которое заботливо растили, радуясь каждому зелёному листочку. А потом взяли и безжалостно обрубали все веточки – по одной. Отец. Анечка. Илья... Деревцу было больно, но оно не умело плакать и умирало молча. Только одна веточка ещё жила, но и она была безжалостно надломлена – Анечка. Анечке без неё конец. Значит, придётся жить.

Жить приходилось трудно. В ***ском музее, где работала Марина, платили минимальную зарплату, премий не было вовсе. Но Марина не хотела увольняться (хотя из музея

ушли многие...)). Она искусствовед, не на рынке же ей торговать? Выручала подработка в издательстве: Марина брала на дом переводы (за которые платили сдельно). Переводов было мало, но именно они спасали их маленькую семью от окончательной нищеты.

Анечке исполнилось десять. Она росла с нежным, любящим сердцем и обожала маму и бабушку. Видя, как Марина собирается в магазин, девочка серьёзно ей говорила: «Береги кошелёк, мамочка. А то отнимут!» (Более сложные предложения у Ани не получались, но Марина упорно с ней занималась). – «Кто отнимет?» – «Воры. Ты держи его крепко-крепко. Тогда не отнимут. И купи мне сникерс. Он вкусный».

И Марина каждый раз покупала дочке сникерс, хотя денег едва хватало, и они с мамой «сидели на диете», питаясь одной картошкой. Макароны были праздничным блюдом, потому что стоили дороже. Мясо покупали не чаще раза в месяц и крутили котлеты, щедро добавляя в фарш размоченный хлеб.

Только Ане, которую на выходные привозили из интерната домой, ни в чём не было отказа. За содержание девочки в интернате платила Марина: Илья, казалось, забыл о том, что у него есть дочь. А Марина жила только ради дочери, давно махнув на себя рукой. Она похудела и выглядела старше своих лет. Илья не звонил и даже денег на ребёнка не присылал.

– Подавай в суд на алименты, не будь такой дурой! – говорила Марине мать. – Гордостью ребёнка не прокормишь.

Марина молчала (она всегда молчала, твёрдо усвоив уроки отца: «Родителей надо слушать молча»), но заявления на алименты не подавала. Снова в суд? Да ни за что она туда не пойдёт. Она там уже была...

Марина работала на износ, одна за троих (мамина пенсия не в счёт). Приходила с работы и сидела над переводами, до поздней ночи, печатая текст на машинке. Почерки в рукописях попадались такие, что от них рябило в глазах...

Мать Марины словно не замечала, как дочь выбивается из сил, стремясь спасти их маленький мирок – всё, что у неё осталось. Мать жила в каком-то оцепенении. «Ба, расскажи сказку» – приставала к ней Анечка. София рассказывала внучке её любимую сказку «Волк и семеро козлят». И Аня, которой уже исполнилось двенадцать, пугала бабушку, приставив пальцы ко лбу и изображая рогатую козу: «Бу-уу!». По развитию она была на уровне пятилетнего ребёнка.

– Сдала бы ты её в специнтернат, пусть бы там жила, там ведь все такие, как она, – говорила мать. Но Марина и слышать об этом не хотела: она любила дочь. – «Ничего, проживём как-нибудь. Я справлюсь!» – говорила матери Марина. После развода с мужем она даже отпуск не брала ни разу. Поблекла её красота, запали щёки, погасли глаза. Только волосы, когда Марина распускала их на ночь, тяжелыми густыми прядями сбегали по спине. Марина с грустью смотрела в

зеркало – и не узнавала себя. «Хорошо, что Илья не видит меня такую. А Анечке – всё равно. Я нужна ей любая».

«И жили они долго и счастливо...»

Анечка, по уму пятилетняя, в свои двенадцать лет расцвела и очень походила на Илью: пшеничные волосы, синие веселые глаза. Марина с удовольствием возилась с дочкой, заплетала ей затейливым колоском косы, красиво одевала. А вместо сказок читала «Легенды и мифы Древней Греции» Куна. Легенды были красивые. Через год Аня знала их наизусть и, перебивая Марину, принималась рассказывать сама, придумывая неожиданные концовки (и Марина торжествовала: что там говорили врачи о проблемах с памятью и недоразвитии познавательного интереса?) Анечка жалела Андромаху – каково ей, бедной, без Патрокла... Девочка морщила лоб и выдавала: «Патрокл умер, а потом поел яблок молодильных и ожил, и жили они долго и счастливо, и умерли в один день!». Марина смеялась до слёз. Она понимала дочку, которая всем хотела помочь. Но жизнь – не сказка. – Андромаху навек простилась с Патроком. Как Марина с Ильёй.

Ещё Аня любила лепить из пластилина, и у неё получалось! Вот что значит – дочка искусствоведа, даже если она умственно отсталая. А ведь могла бы стать скульптором! Марине хотелось верить, что так и будет, и она потихоньку верила...

– Смотри, какая наша Анечка красавица! И умница! –

говорила Марина матери. И думала: «А может, это у неё пройдёт? Ведь она многому научилась – лепит, рисует, даже сказки сама сочиняет! Может, *это* потихоньку проходит? Ведь бывают ошибки в диагнозе? Физически девочка здорова (Марина и думать забыла про аневризму аорты, которая ничем не давала о себе знать). Только в развитии отстаёт... Но ведь она не душевнобольная! А олигофрения со временем пройдёт. Вот выздоровеет – и Марина отвезёт её в Грецию, к бабушке. Она обязательно выздоровеет!

Но Анечке не суждено было выздороветь. Как-то раз Марине позвонили из интерната и предложили приехать: Анечка заболела. Марина приехала, нагруженная пакетами с апельсинами и дочкиными любимыми сникерсами, потратив на покупки последние деньги. Но Ане уже не нужны были сникерсы...

– Они все так уходят, – сказали Марине. Слово «умирают» здесь не произносили. – В конечной стадии заболевания аневризма аорты прорывается, иногда в лёгочный ствол. Сердце останавливается. Кто в шестнадцать лет умирает, кто в восемнадцать... Больше двадцати редко кто живёт.

– Но ей же не было двадцати! – зачем-то возразила врачу Марина, которая редко позволяла себе – возражать... Ане не повезло – она и до шестнадцатилетия своего не дожила, подумала Марина. А ещё подумала – как она скажет о случившемся маме...

София пережила внучку на полгода: сердце не выдержало.

Перед самым концом взяла Марину за руку. – «Ты Анечке если хочешь что передать, скажи. Скоро с ней увижусь. Что ж ты плачешь, дурочка, она же не одна теперь, она с бабушкой будет! Сказки ей буду рассказывать... И вот ещё что. На Илью зла не держи: сама виновата. С русским мужем и вести себя надо по-русски. Они своих мужей в узде держат, как жеребцов норовистых, и хватка у них железная. А у тебя всё наоборот, доченька...

– Он не русский, мама, – улыбнулась Марина сквозь слёзы, – он наполовину немец, а наполовину...

– Вот, вот! – не слушая Марину, продолжала мать. – Угрозило тебя за фашиста замуж...

– Мама! – не выдержала Марина, не ожидавшая такого от матери.

– И не спорь! С матерью спорить научилась! Дождёшься, я отцу напишу. Он тебе покажет, как с матерью спорить. Он тебе мозги вправит...

Харалампий «вправлял мозги» маленькой Марине, по выражению матери, редко да метко, не обращая внимания на слёзы и мольбы, и девочка «усваивала уроки» надолго. Мама всегда принимала сторону отца. «Мало тебе всыпали, надо бы добавить!» – говорила обычно София, когда Марина приходила к ней искать утешения.

Илья никогда не поднимал на неё руку. Зря это мама... Марина всегда была послушной дочерью и женой. Пожалуй,

слишком послушной. За что же бог так жестоко наказал её, лишив самых дорогих людей: отца, мужа, дочери и мамы...

Надо жить...

Когда становилось особенно тяжело, Марина утешала себя: «Анечка там не одна, она с бабушкой. Ей ведь – нужнее, чем мне. Вот Аня и позвала её к себе. И мама ушла.

... А Марина – осталась. И ей надо было жить дальше.

Харалампий так и не узнал о смерти жены, как не знал о том, что у него была (была!) внучка. Марина никогда не отвечала на редкие письма отца, которые выбрасывала не читая. Ей надо было привыкать жить одной, и для этого требовалось немало мужества. И как знать, выкарабкалась бы Марина?..

Помог ей, как ни странно, участковый терапевт, лечивший маму и бывший в их доме частым гостем. (Да и не гостем уже, – почти своим, и Марина всегда пекла к его приходу пирожки с его любимым сливовым повидлом...). Терапевт по привычке заходил иногда к Марине, и она, улыбаясь через силу, извинялась: «А пирожков сегодня нет...»

– Как так нет? Почему нет? А я, признаться, на них рассчитывал... А что у тебя, голубушка, вообще есть? – и шёл по-хозяйски на кухню. – Да у тебя и холодильник пустой! Нельзя же так...

– Не могу я есть, я смотреть не могу на еду, – оправдывалась Марина.

– Это мы поправим, – обещал Марине врач. – Вот тебе,

голубушка, рецепт. Принимать четыре раза в день. Я приду, проверю. А не будешь лечиться – в больницу положу.

«Утром завтрак: овсянка со сливочным маслом, бутерброд, кофе, – с улыбкой читала Марина выписанный терапевтом рецепт. – На обед: суп, котлета и компот. Через три часа полдник: шоколад, сухофрукты, орехи – на выбор. Вечером ужин и чай с мятой. На ночь ванна с пихтовым маслом». На рецепте стояла печать.

«Лекарство» помогло. Марина понемногу приходила в себя. Ей уже не приходилось столько работать – не для кого было. У неё появилось свободное время, и Марина не знала, чем его занять. Впрочем, она не давала себе поблажек. Вставала в шесть утра и занималась гимнастикой. Илья великодушно оставил ей «шведскую стенку» и кольца (которые она забрала при переезде и, вызвав слесаря, попросила повесить их в коридоре»). Гантели с успехом заменял чугунный утюг – их семейная реликвия. Для Марины он утюг, пожалуй, тяжеловат, но так уж сложилось – всё в её жизни было тяжеловато, и на общем фоне утюг выглядел вполне уместно.

Дома нашлось несколько кассет с греческой эстрадной музыкой, присланных в подарок отцом – Теодоракис, Ксархакос, Хадзидакис... Были у Марины и пластинки, купленные в Москве: Лаки Кесоглу, Маргарита Зорбала, ансамбли «Бузуки» и «Эллада». Марина занималась под любимые песни: сорок минут утром и час вечером. А потом с наслажде-

нием ложилась в ванну с пихтовым маслом.

Одиночество не тяготило Марину, она уже привыкла – одна. Вечерами садилась за пианино и играла, не зажигая света, при свечах. Маленькую Марину учили не только турецкому: она неплохо танцевала, каталась на коньках, играла на рояле. И в темноте опустевшей квартиры звучала музыка, которую – увы! – никто не слышал: Марина играла с левой педалью (когда звучит одна струна) – Штрауса, Шопена, Сибелиуса.

Глава VII. Марина–Платок

Исключение из правил

У неё было свободное время и не было друзей, но Марина больше не нуждалась в друзьях. Что–то сломалось в ней, и у неё не получалось – жить. Она ни к чему не стремилась. Никому не верила. Никого не любила. Ничего не ждала от жизни. Но однажды словно очнулась, наблюдая забавную сценку: на Ярославском вокзале из вагона вывалилась (именно вывалилась, а не вышла!) шумная ватага людей с рюкзаками, и все долго хлопали друг друга по плечам, не торопясь расходиться. – «Вот ведь люди, а! В электричке два часа вместе ехали – и всё наговориться не могут! – беззлобно сказал кто–то позади Марины. – Туристы!»

Марина проводила их глазами. – «Туристы. Из похода возвращаются! Я ведь тоже ходила когда–то... Почему же теперь – не хожу?» Недолго думая, Марина купила план походов выходного дня и выбрала группу, где, как она надеялась, не встретит старых знакомых. Да и кто её узнает? – пятнадцать лет прошло... Руководителем группы был Николай Карпинский. Марина вздохнула с облегчением – его она тоже не знала. И отправилась в поход.

Группа была «молодой» – всем от двадцати двух до тридцати пяти, самый старый – тридцатишестилетний Карпинский. «Исключения из правил» – сорокалетний Игорь Со-

фронович, альпинист и мастер спорта, и Марк Борисович, который в свои пятьдесят мог дать фору двадцатилетним. На лыжах Марк ходил как бог и каждую весну сплавлялся на плотах по реке Белой. Без этих двоих в группе было как-то пусто. На привалах они с удовольствием рассказывали о своих приключениях: как перевернулся на крутом пороге плот (!), как на леднике они провалились в трещину (!) и как их оттуда вытаскивали... – «Натерпелись вы там?» – сочувствовали Марку. – «Да мы-то ничего, замёрзли только... Натерпелись те, кто вытаскивал – отвечал смущённо Марк, плотный широкоплечий увалень ростом метр восемьдесят пять, – Попотеть пришлось ребятам!». И смеялись так, что с сосен падали иголки.

«Исключением» стала в группе и Марина (хотя даже не подозревала об этом). И всё из-за её «экипировки»...

На антресоли Марина нашла старые лыжные брюки чёрного цвета, которые были ей великоваты и сидели мешком, и чёрную отцовскую куртку, тоже старую. Больше в доме ничего не нашлось, а покупать она не хотела. Сойдёт и так. Роскошные длинные волосы были стянуты в тугий узел и спрятаны под платком. – Марина сделала это намеренно, ей не хотелось ничем выделяться.

Более неподходящей одежды выбрать она не могла. В тёмном старушечьем платке и мешковатой куртке Марина выглядела старше своих лет, и в группе решили, что ей «соро-

ковник» (А Марине было всего тридцать три). И прозвище придумали – Платок. Но Марине было всё равно.

Она не спешила ни с кем знакомиться, держась особняком и приглядываясь. А группа приглядывалась к ней. «Мало каши ела. Не выдержит» – такой был вынесен вердикт. Но хрупкая, «болезная» (по определению Карпинского) Марина оказалась на удивление выносливой. В первом же походе (раскрываю секрет: если к Карпинскому приходил новичок, для него устраивали «проверочный» поход – шли в основном по пересеченной местности и слегка увеличивали километраж. Топкие места, бурелом и мордохлёт были, как в фигурном катании – обязательными элементами. Если после такого экстрима новичок приходил к Карпинскому второй раз – на привале, на общем собрании ему торжественно присваивали звание «почётного члена» группы...

Марина прошла тридцать шесть километров (объявлено было тридцать), не отставая от группы ни на шаг. Даже речку перешла вброд! Переправу хитрый Карпинский организовал специально для неё (в двух километрах выше по течению был мост). Стоял октябрь, вода заметно остыла. Девчата пробовали ладошками воду и «радостно» визжали. Мужчины (которых в группе было большинство) дружно переносили их на руках.

Марина не стала ждать своей очереди. Прошла по течению вверх – там было поуже (и как оказалось, глубже) и перешла речку в купальнике, обеими руками держа рюкзак над

головой. Молча переоделась и присоединилась ко всем. На вопрос «Как водичка?» она только пожала плечами. «Наш человек!» – решили в группе. Но Марина так и не стала – «нашей».

Не в силах себя изменить, она оказалась в одиночестве – среди людей. В группе к ней привыкли и радостно здоровались, встречаясь с Мариной на вокзале. Она быстро стала для всех своей, и всё-таки оставалась одна! Из-за платка Марина выглядела гораздо старше своих лет, и это ещё больше отдалило её от остальных. С ней общались (что Марина делала крайне неохотно, отвечая односложно или улыбаясь вместо ответа). Ей звонили, если изменялся маршрут или состоялся «необъявленный» поход для своих. Марина стала полноправным членом группы Карпинского.

Женщин в группе было мало (походы – то тренировочные, дальние, без хорошей физической подготовки не пройдёшь – умаешься), и на привале им приходилось «поворачиваться». Мужчины дружно рубили дрова, а за общий стол отвечали женщины. Марина никогда не увиливала от работы. – Крошила в салат овощи, мелко нарезаая на принесённой из дома разделочной доске. Резала неподатливый, застывший на морозе хлеб (угадайте, сколько хлеба и бутербродов съедят шестнадцать человек, отмахав до привала километров двадцать?). Чистила картошку изящными руками с тонкими «музыкальными» пальцами.

– Ты случаем не пианистка? – спросили у Марины.

– Нет, я искусствовед. Но, конечно, играю немного, для себя.

– Искусствовед! – удивлялись туристы. – А одевается как пугало! Вся в чёрном, и платок этот... Но Марине никто ничего не сказал.

А однажды – в «необъявленном» двухдневном походе, куда приглашали только членов группы, да и то не всех, – её очень сильно обидели. Не нарочно, конечно же...

«Одноместный люкс»

В походы с ночлегом палаток брали в обрез, чтобы легче нести. Двухдневки у Карпинского были дальние, с солидным километражем. Хозяева палаток впереводку приглашали к себе остальных, в двухместках спали вчетвером и даже впятером. – «В тесноте, да не в обиде!» – шутили ребята. Спали вповалку. Если в поход приходила «пара», то палатку они приносили свою, и к ним никто не просился на ночлег.

У Марины тоже была своя палатка – маленькая, одноместная. Она сшила её сама из остатков «серебрянки», купленной когда-то мужем. Палатка была лёгкой, но вещей всё равно набиралось много: спальный мешок, туристский коврик, тёплый свитер и шерстяные рейтузы (Марина натягивала их лёжа в палатке, чтобы никто не видел, а сверху надевала тёплые брюки, два свитера и куртку. И только тогда могла комфортно спать, а иначе замерзала к утру насмерть).

Ещё она несла продукты на два дня («раскладку» утвер-

ждал Карпинский, поест в группе умели и любили, и тащить приходилось много – ведь мужчины несли костровые принадлежности, котлы, топорики, пилы, палатки... Да, много чего нужно человеку в двухдневном походе, и рюкзак у Марины был всегда тяжёлым.

Никто ей не предлагал не таскать палатку, никто не приглашал в свою. Но Марине и в голову не приходило обижаться. Ничего, донесёт, она сильная... Палатка была такая крошечная и узкая, как ты там уместаешься, пополам, что ли, складываешься – говорили Марине. Но она упрямо таскала в рюкзаке свою «лилипуточку» и «недомерочку», как метко окрестили палатку в группе.

В тот вечер Марина долго не могла уснуть. Все давно спали по своим палаткам, только несколько любителей «всенощных бдений» сидели у костра. Марина лежала тихо, её палатка была метрах в трёх от костра, и эти, у костра, решили, что она спит. И говорили – о ней.

–Эта Марина вечно в платке, и летом и зимой. Зимой и летом – одним цветом! Даже на привале не снимает! И спит в нём. Я видела! – шептались у костра.

– Она, может, лысая? Или седая вся, она ведь старая, лет сорок, наверное, или больше... Старуха. Вот и стесняется без платка...

–Старая–то старая, а бегают, как молодая! Мы когда на взгорок поднимались, я за ней шёл. Все пыхтят, красные как

помидоры, а этой хоть бы хны! Идёт и улыбается. Дыхание даже не сбилось!

Да что о ней говорить! Спать любит с комфортом, в своём «одноместном люксе», не лень ей таскать... Старая дева, наверное. Кто ж её в палатку позовёт? Вот и ходит со своей...

– Её, пожалуй, позовёшь! Она не услышит даже – в своём «тюбане» замотанная!

(«Мнения разделились» – прокомментировала про себя Марина. Ей стало смешно: лысая старая дева! Вот дураки–то...) А разговор продолжался.

– Целый год с нами ходит и ни на кого не смотрит. У нас же такие... мальчики! Один Марк чего стоит! А она ни на кого не взглянула ни разу...

– Да кому она нужна... – Да я не о том... – А о чём? – Неужели ей никто не нужен?

(«О! Точно схвачено! Не нужен, угадали». Она больше никого не пустит в свою жизнь, с неё хватит...)

– А интересно, она когда–нибудь кого–нибудь любила?

– Да брось! Она даже не знает, что это такое.

(«А вот теперь – не угадали. Знаю. Это вы ничего обо мне не знаете. И не узнаете. Перетопчетесь!» – улыбнулась в темноте Марина).

С ёлки сорвалась шишка – и долго падала, с сухим треском ударяясь о ветки. Наверное, её сшибла птица, устраиваясь на ночлег в тёплой уютной ели, – сонно думала Марина.

– Ой, что это? Кто это щёлкает? – вскрикнули у костра

испуганным девичьим голосом.

– Да не ори ты, кругом люди спят! Нет там никого.

– Нет, есть! Слышите – шевелится кто-то?

– Да это Марина в своём гробике ворочается! Аааа–хха–ха–ха–а–а... – И хохотали придушенно, боясь разбудить остальных.

Не удержавшись, Марина всхлипнула – и испугалась: вдруг услышат? За что они её так?! Марина лежала, с трудом сдерживая рвущиеся рыдания и утирая кулаками слёзы...

Глава VIII. Весёлые ребята

Невидимая грань

Этот поход ещё больше отдалил её от всех. Между Мариной и остальными словно пролегла невидимая грань. Магическая черта, которую нельзя переступить. В тот раз она сделала вид, что ничего не слышала. Она по-прежнему ходила с Карпинским, вместе со всеми смеялась шуткам, вместе со всеми накрывала на стол. Но никогда ни с кем – не переступала черты.

В разговоры Марина не вступала, в обсуждениях и спорах не участвовала. Если к ней обращались – отвечала односложно и словно нехотя. И никто о ней ничего не знал. Даже фамилии не знали.

«Нелюдимая. За весь день слова не скажет» – говорили о Марине. А она вовсе не была нелюдимой, но «гробик» простить не могла. И как её называли старухой. Марина тогда обиделась и перестала к ним ходить. Но Карпинский настойчиво звонил ей каждую субботу – приглашал, уговаривал, расстраивался, услышав её «не смогу»... И Марина уступила. И снова пришла в группу.

Встретили её тепло, улыбались, хлопали по плечу и шумно радовались – «Ну наконец-то! Нарисовалась картинка! Выезжают расписные...». К ней, в общем-то, относились неплохо, и в группе она была «своей». К коричневому плат-

ку, с которым Марина не желала расставаться ни зимой, ни летом, в группе давно привыкли. И разглядели под ним большие глаза и красиво очерченные губы на каменно-невозмутимом лице. – «Да она, пожалуй, не старая совсем... И красивая! Как статуя музейная. А одевается как деревенская бабка. И молчит всегда. А мы молчать не умеем, мы ребята весёлые! С нами не соскучишься!»

Веселые ребята

С первым снегом группа Карпинского дружно вставала на лыжи и не снимала их до майских праздников (по Ярославскому северному направлению природа жила на особый лад: весна здесь наступала не раньше мая. Случались и курьёзы: поехали в апреле в Арсаки – лес в снегу утопает, настоящее Берендеево царство. Радуюсь такой удаче, влезли в лыжи и погнались... Минут через двадцать лес неожиданно кончился. Впереди расстилались поля, рыжие от прошлогодней травы. Там и сям маленькими островками лежали остатки снега. Была середина апреля, солнце припекало всюю – вот и растаял снег!

Не возвращаться же домой! Карпинский объявил десятиминутную остановку – и народ стал дружно снимать лыжи... Все тридцать пять заявленных в «Плане» километров группа шла пешком, с лыжами на плечах и в «лыжном» темпе. Вот это был экстрим! Уже в электричке, когда все сидели, блаженно улыбаясь и растирая затёкшие плечи (у Марины они болели всю неделю), кто-то сказал: «А что, неплохо про-

гулялись, сам себе завидую! И темп хороший, и места красивые. Если бы не лыжи, совсем было бы замечательно!» – И вагон содрогнулся от смеха...

Марина редко ходила с Карпинским летом: с июня Николай не объявлялся в «Плане походов», и всё лето группа ходила в «необъявленные» двухдневные, а ночевать в палатке Марина не любила – она замерзала даже летом. Но зимние, лыжные походы она старалась не пропускать: бежать на лыжах тепло, да и на привале не замёрзнешь – с обязательным горячим супом (*рецепт супа привожу полностью: замороженная курица рубится туристским топориком на порционные куски по числу обедающих и варится в котле до готовности с солью и перцем; к супу подаются бутерброды*) и костровым ароматным чаем из растопленного снега. Чаю кипятили два котла: первый выпивали за обедом, второй разливали по термосам и несли в рюкзаках до самой станции. И пили его – горячий, настоявшийся! – в электричке, громко предлагая:

– Пряники! Кому пряников?

– А вот бутерброды, кто хочет бутерброды?

– Ребята, у меня конфет целый пакет! Налетай!

– А я всё думаю, куда конфеты со стола испарились... А это вот, оказывается, кто!

– Так я ж не для себя, я ж для общества! Он же запечатанный, пакет...

Сгибаясь под туго набитыми рюкзаками и волоча за собой сумки–тележки, через вагон проходили дачники, которых в группе метко окрестили «фазендёрами» («Рабыню Изауру» смотрела вся страна). Они наработались за день до изнеможения, а поесть, как всегда, не успевали, торопясь на электричку. Дома поедят. И теперь – с завистью смотрели на разложенную на сиденьях нехитрую снедь, на двухлитровые термоса, и кружки с дымящимся чаем. Кто–то сказал: «А я и не знал, что в электричках есть вагоны–рестораны» – и все засмеялись: и туристы, и дачники. И им уже протягивали бутерброды и кружки с чаем – от души..

И вновь – открываю секрет: продукты на обратную дорогу забирали с общего стола до начала обеда (иначе бы мало что осталось...) и распределяли по рюкзакам. Термоса с чаем несли, разумеется, мужчины.

Неписанные правила

Группа Карпинского бегала на лыжах резво – почти все имели спортивные разряды, и Марина с трудом выдерживала темп, но не отставала, хотя шла обычно «в хвосте». Ей нравилось идти последней: никто её не обгонял, никто не подгонял и не приставал с разговорами.

В группе существовали (и неукоснительно соблюдались всеми) раз и навсегда установленные правила, которые были здесь нормой и никого не обременяли – их соблюдали машинально, не замечая, как мы не замечаем воздух и не думаем о том, что нам всё время надо дышать Просто дышим – и всё.

Уступить лыжню, если тебя догнали и «дышат в затылок». Оставлять на поворотах стрелки – чтобы идущие сзади не пропустили поворот и не отстали от группы. Стрелки у Карпинского были особенные («Авторский дизайн!» – смеялся Николай) – буква «Н», увенчанная уголком (< или >). Летом стрелки выкладывали из камешков, зимой их еловых веточек. (Чертить на снегу лыжной палкой в группе считалось дурной приметой: «художников» в лесу много, не мудрено и ошибиться).

Если путь преграждала река, или шоссе, или дачный посёлок с обязательным мордастым охранником в будке и «ново-русским» забором, обнесенным поверху тремя рядами «колючки», – группа стояла, поджидая отставших. И только когда все были в сборе, продолжали движение. К чести туристов, никто особенно не отставал, минут так на пять – на семь, не больше.

Но были у Карпинского старые, любимые всеми маршруты, такие как Калистово – река Клубиш – Калистово, Фрязино – Корякино – Фрязино и знаменитого Яхрома – Калистово (когда всю дорогу солнце светит в лицо, и лыжня кажется золотисто-прозрачной), он же Калистово – Яхрома (когда солнце всю дорогу греет спину). Этот тридцатипятикилометровый маршрут, проложенный вдоль газопровода, всю дорогу по просеке, по пересеченной местности, со множеством подъемов и крутых длинных спусков (особенно в районе Яхромы) и с непременною переправой через коварную

родниковую речку Яхрому с тонким, ненадёжным льдом – этот неслабый маршрут назывался почему-то «широкая тропа пенсионеров».

На этих маршрутах каждый шёл, по выражению Карпыча, в своём темпе (и это тоже было – неписаным правилом!), и маленькая (человек двенадцать – шестнадцать) группа растягивалась на добрый километр. Шли группами, шли парами, шли поодиночке – в общем, как хотели, так и шли (то есть бежали). И при встрече спрашивали друг друга: «А Карпыч где?»

Не факт, что руководитель группы был впереди: где хотел, там и был! Группа распадалась на глазах... Кто-то останавливался отдохнуть. Его догоняли идущие позади, и состав всё время менялся: пары соединялись в группы, группы разбивались на пары, от них отрывались одиночки и уносились по сверкающей под солнцем лыжне, чтобы присоединиться к идущим впереди... И всем было хорошо и весело!

Близкое небо

Марина любила такие маршруты. Она никогда ни к кому не присоединялась и шла всегда одна, испытывая невыразимый, пьянящий восторг. Слева и справа высокими зелеными стенами вздымался заснеженный лес, над которым нависало близкое небо. Лыжня убегала в горизонт и там, вдали, соединялась с небом. И как в детстве, Марина верила: вот сейчас она поднимется на небо и поедет по облакам. Интересно, из какого снега облака? Скорее всего, из мокрого, с подлипком.

Она намажет лыжи свечкой (у неё всегда в кармане лежит кусочек стеариновой свечи) и помчится стрелой...

Марину не покидало чувство нереальности происходящего: он едет совсем одна по безмолвному, застывшему в зимней тишине лесу – по бесконечной, в никуда уходящей лыжне. А ей ничуть не страшно! Далеко впереди видны на снегу черные точки. Если прибавить скорость, точки превратятся в людей: это Маринина группа, это свои. Наверное, Павел с Нонной, им всегда надо впереди всех...

Марина, неплохо владевшая техникой лыжной ходьбы (у неё даже книжка была, которая так и называлась – «Техника ходьбы на лыжах», и Марина долго училась по ней, старательно выполняя упражнения) легко могла догнать ребят. Но никогда не догоняла. Пусть бегут, она доедет – сама. Если оглянуться назад – можно увидеть темнеющие на снегу фигурки лыжников. Марина улыбнулась – везде свои! Если остановиться и подождать минут семь, её догонят, и можно до самой станции ехать вместе.

Марина останавливалась на четыре минуты, чтобы – не догнали. И слушала тишину. Тишина пряталась от неё за ширканьем лыж, за скрипом энергично вбиваемых в снег палок, за громким от бега дыханием. И теперь – обрушилась на Марину, и она впитывала в себя эту целительную лесную тишину, пахнущую хвоей и почему-то арбузом.

Насладившись тишиной, как наслаждаются утонченной музыкой, Марина срывалась с места и мчалась по лыжне,

захлёбываясь морозным сладким воздухом, и вместе с ней мчался ветер, и солнце искрилось и сверкало, отражаясь миллионы раз в алмазных гранях бесчисленных снежинок. Щекам было тепло и щекотно от солнца. Марина улыбалась этой мимолётной ласке и летела, не чувствуя под собой ног, всецело отдаваясь чувству полёта.

Может, это и есть счастье? А другого у неё – не было...

По инерции

Вы спросите, почему? Почему она, сторонясь людей, ухитрялась оставаться одна даже в компании? – И будете совершенно правы. Марине отчаянно не хватало дружеского общения, но разве могла она в этом признаться? От друзей – настоящих, конечно, – не принято иметь секретов, но разве могла она рассказать об Илье, об Анечке, о суде? О разводе, о размене, о том, как поменяла ненавистную фамилию Кестель на свою, девичью. Никогда, никому не расскажет об этом Марина! А всё-таки, как не хватало – друзей...

Не хватало отца, от которого приходили два раза в год, на Новый год и на день её рождения, письма в ярких конвертах (письма Марина рвала, не читая – не могла простить отцу, что оставил маму). Не хватало тёплых и сильных рук Ильи – того, настоящего, который её любил и без которого она когда-то не представляла своей жизни. Но тот Илья исчез, а вместо него появился другой Илья, о котором Марина ничего не хотела знать.

То, что случилось с ней по вине Ильи, сломало Марину,

лишив её прошлого (ведь всё оказалось неправдой – и любовь, и семья, и синеглазая девочка, которой не суждено было стать взрослой), и заодно – настоящего. А будущего у неё не будет. Она больше никому не позволит себя обмануть, не станет ничьей игрушкой. И пусть её считают пугалом, она не против, она даже «за». Марина снимала одежду и разглядывала себя в зеркале. Всё такая же красивая. Лебединая шея. Высокая грудь. Тонкая талия. Тонкие руки. Роскошные длинные волосы. – Кукла! Дорогая красивая кукла, неплохо разбирающаяся в искусстве и говорящая на нескольких языках. Игрушка, которой наигрались, и больше не хотят. Надоела. И никто не виноват...

Марина жила по инерции, будто ехала по накатанной лыжне, механически отталкиваясь палками. Она ни к чему не стремилась, ни о чём не мечтала, принимая жизнь как данность, как некую аксиому, которую никому не опровергнуть и никому не доказать. Имея за плечами, кроме искусствоведческого, с кандидатской степенью, диплом института им. Мориса Тореза, Марина делала переводы для ***ского издательства, работая на дому. Отвозила в издательство готовый текст и уезжала с новым.

Одиночество не тяготило Марину, она давно к нему привыкла. Устав от однообразной утомительной работы, брала в руки вышивание или садилась за рояль. У неё тоже были свои неписанные правила. И только с одним человеком Ма-

рина подволила себе сблизиться – с 23–летней Нонной.

Глава IX. Нонна

Гитлер капут

Сошлись они случайно. Нонна училась в Инязе и однажды принесла в группу зачётное задание по английскому, которое не успела сделать дома. Задание было сложным – перевести на английский литературный текст, соблюдая авторский стиль. Но кто сейчас не знает английского? И Нонна надеялась, что ей помогут.

У Карпинского язык знали все – «в разумных пределах». Но пробежав текст глазами, торопились вернуть его Нонне. «Ну ты, мать, даёшь! Это мы не проходили!», «Я в этом не копенгаген, извини», «вакаримасу», «их вайс ниخت», «нон capito» – изошрялись на всех языках туристы: текст не поддавался переводу. Последним был Павел, объявивший под общий смех: «Гитлер капут!» и состроивший уморительную рожу.

Группа радостно ржала. Не смеялась только Нонна. Кусая губы от досады, она решила заняться переводом сама. Привал большой, два часа, она хотя бы начнёт, а за ночь закончит. (Нонна знала, что не закончит, не успеет, а завтра зачёт. Не надо было идти в поход, ей надо заниматься, последний курс, экзамены на носу! Но она понадеялась на помощь, ведь у Карпинского все щеголяли английским, небрежно роняя фразы (с жутким акцентом, но Нонна молчала). Англичане

недоделанные! И в поход ей очень хотелось пойти, а отказать себе в удовольствии Нонна не могла.

Но Пашка – предатель! Больше всех хвастал «лондонским» произношением, больше всех по заграницам мотался – с юных лет, на какие-то там соревнования, сначала юниорские, потом взрослые. Говорил, что в резерве олимпийской сборной. Ну, отмочил сегодня Пашка – «Гитлер капут!» Хороши наши резервы, английский от немецкого не отличаются, – прыснула не любившая грустить Нонна. И пристроилась на брёвнышке рядом с Мариной, сидевшей как всегда в сторонке, с книжкой на коленях.

Марина никогда не принимала участия в «прениях», хотя слушала всегда с интересом. В группе давно привыкли к её «манерам». «Как мешок сидит! – покосившись на Марину, утонувшую в своей необъятной куртке, неприязненно подумала Нонна. – Как куль! Спит она, что ли?»

С тяжелым вздохом Нонна открыла принесённый с собой словарь. «Куль» шевельнулся, из рукава куртки высунулась изящная узкая кисть, и тонкие пальцы осторожно потянули из рук Нонны листки с текстом.

«Марина? Но откуда она...» Не веря своему счастью, Нонна молча протянула ей словарь, но Марина его не взяла. Не теряя времени на объяснения, она вытащила из кармана карандаш и, быстро водя им по бумаге, вписывала перевод между строк – бисерным аккуратным почерком.

– А ты разве... знаешь английский? – глупо спросила Нон-

на. Впрочем, вопрос был не совсем глупым: на коленях у Марины лежали «Опасные связи» Шодерло де Лакло. На французском.

– Ты знаешь английский?! А это? – Нонна взяла с её колен книжку с заложённой посередине закладкой. – Это же не английский, это... франсэ, французский, да?

– Ты погуляй часок, – буркнула Марина, не отвечая на заданный второй раз вопрос. – Я между строк впишу аккуратненько, а ты потом перепишешь и сотрёшь карандаш. За ночь успеешь, – усмехнулась не улыбочивая Марина.

– А это что? – размахивая книгой как флагом, не отставала упрямая Нонна. Марина отняла у неё книгу и сунула в рюкзак.

– Это Шодерло де Лакло. Его надо читать в оригинале, с переводным – никакого сравнения. Такое впечатление, что переводили ночью и всей группой, включая Пашку! – выдала Нонне Марина и уткнулась в текст. – Уйди, будь человеком. Не успею, тебе же хуже... Самой придётся!

Не ожидавшая такого от Марины, Нонна прижала пальцы к губам – молчу! Уже ушла! – и упяtilась от неё на цыпочках. Вот так ответила! Пашка бы сказал – не ответ, а прямое попадание! Вот это да... Читает на французском, ей, видите ли, в переводе не нравится! Набокова на английский перевести – ей раз плюнуть! (принесённый Нонной текст был из романа Набокова). Вот это да! Наш человек.

Через сорок минут не успевшая прийти в себя Нонна дер-

жала в руках перевод, выполненный без помарок чётким красивым почерком. А ведь она без словаря переводила, даже не заглянула...

– Огромное спасибо! – с чувством сказала Нонна. – Я бы всю ночь над ним сидела, и неизвестно, что бы вышло! – честно призналась Нонна. Марина вскинула на неё глаза («А у неё красивые глаза! И цвет необыкновенный, ни у кого такого не видела»).

– Над этим? Всю ночь? Не преувеличивай. Это же художественный текст, не технический. Никаких терминов, одни эмоции... А ты где учишься?

Так неожиданно началось их знакомство, незаметно для обеих перешедшее в дружбу. Ну, или почти в дружбу.

подруги

Марину пленяла в Нонне её непосредственность, здоровый пофигизм и несгибаемый, неуёмный оптимизм в «критических» ситуациях, которых у Карпинского бывало – предостаточно. Глядя в смеющиеся глаза подруги, Марина узнавала в ней себя. Она тоже была такой – весёлой, жизнерадостной, ждущей от жизни чудес. Только давно. Когда-то давно Марина жила с ощущением счастья, как сейчас Нонна, а впереди у неё была целая жизнь. Давным-давно... Марина забыла себя – прежнюю. А с Нонной – вспоминала. Вспоминать было не больно...

В группе удивлялись: как эти двое, такие непохожие, такие далёкие друг от друга по возрасту и по характеру, – как

они нашли общий язык и умудрились даже подружиться?

Нонна – не удивлялась. Она принимала Марину такую как есть. С вечным коричневым платком (зимой шерстяным, летом шёлковым) и прожжённой у костра, пестрящей заплатами курткой. Под платком Нонна разглядела живые любознательные глаза нездешнего разреза и нездешнего же цвета, которому Нонна долго придумывала название – словно донниковый тёмный мёд... Да, именно так! Золотисто–медовые глаза под длинными – вразлёт – бровями. И матовые мраморно–гладкие щёки. При появлении Нонны щёки розовели, а в глазах вспыхивали огоньки. Или в них отражались огни костра? Нонна не знала.

– Ты когда из этой куртки вылезешь? Она тебе здорово велика и в заплатках вся, – сказала как-то Нонна.

– А зачем? Другая тоже вся в заплатках будет, у костра прогорит! – защищалась Марина.

– А ты не лезь в костёр, садись подальше! – упорствовала Нонна. – Да не идёт она тебе.

Марина не ответила. И когда Нона уже не ждала ответа, услышала вдруг: «Это папина куртка. Конечно, она мне велика, но это всё, что у меня осталось... Понимаешь?»

Нонна не понимала, но взглянула в Маринины – бездонные как пропасть – печальные глаза, в которых (вот странно!) больше не отражалось пламя костра... И не стала уточнять.

Марина обладала редким – во все времена – даром: она

умела слушать. Нона с удовольствием вываливала на неё туристские новости, до которых была большая охотница. Марина слушала не перебивая и не переспрашивая, не ахала и не охала, она вообще не выражала никаких эмоций. Но ей было интересно, и Нонна это чувствовала.

Здесь пора уже сказать, что Карпинский «объявлялся» в Планах походов выходного дня один или два раза в месяц. Все оставшиеся выходные Нонна ходила... Пожалуй, проще перечислить тех, к кому она не ходила. Нонна была знакома со всеми руководителями походов, и везде её приглашали, везде у неё были друзья.

Как когда-то Марина, Нонна была в восторге от каждого похода, выплёскивая на подругу море впечатлений. Марина слушала молча, вопросов не задавала. Но глаза у неё ожидали, словно разгорались два золотых костерка, щёки слегка розовели, губы трогала улыбка... И такая Марина Нонне очень нравилась, с ней было легко, словно они ровесники.

Марине можно было доверить любую тайну: она никому не «сливала» информацию. Нонна рассказывала ей – всё. Чаще это было смешное. И когда Нонна, изнемогая от смеха, тыкалась её в плечо, Марина звонко вторила подруге, и обе заразительно смеялись.

Привлечённые смехом, к ним «подгребали» туристы: «Что это мы тут обсуждаем? Нехорошо скрывать от коллектива! Коллектив ждёт объяснений». – Но не тут-то было! Обе принимали невозмутимый вид и пожимали плечами:

«Да так, ерунда. Девичьи секреты».

Девичьи секреты

Нонна часто звала Марину в другие группы, но та неизменно отказывалась. «А жаль!» – думала Нонна, которой уже не хватало Марины. Встретить её можно было только у Карпыча, и эти встречи доставляли Нонне всё большее удовольствие, как, впрочем, и Марине.

Вот и сегодня, завидев знакомый платок, Нонна радостно плюхнулась на брёвнышко рядом с подругой – с миской горячего супа в руках Марина улыбнулась ей, здороваясь (до привала они шли порознь и только сейчас увидели друг друга). Улыбка Нонне не понравилась: улыбались только губы, а глаза были где-то далеко.

Ничего, сейчас она её расшевелит. Она ей такое расскажет! А то сидит, понимаешь, и смотрит в костёр... А в глазах искры колдовские пляшут. Колдунья и есть! Медея! Ей бы чёрную гриву до пояса... «Колдунья, владеющая английским и французским, предлагает оккультные услуги с применением белой и чёрной магии» – представив такое объявление, Нонна весело хрюкнула в варежку.

– Ты чего?

– Да я подумала... Ты на колдунью похожа. Колдунья Медея!

– Совсем с ума сошла? – сверкнув на Нонну огненными глазами, прошипела Марина.

– А что? Правда, похожа, – не сдавалась Нонна. – Не хва-

тает только чёрной гривы до пояса.

– Почему обязательно чёрная? – с интересом спросила Марина. – А рыжая не подойдёт? (Марине стало смешно. Ну, Нонка! Почти угадала...)

– Нет, рыжая не годится. Рыжая – это не то... – с сожалением протянула Нонна, и Марина, не выдержав, звонко расхохоталась.

Николай Карпинский, давно наблюдавший за этой парочкой, усмехнулся в рыжие усы. Нонна всё-таки расшевелила эту статую. Смеётся, кто бы мог подумать!

Не давая Марине опомниться, Нонна дёрнула её за выглянувший из-под платка бронзовый локон и объявила заговорщическим шёпотом: «Знаешь новость? Кестель женился! Жена, между прочим, мастер спорта. Илья целый год её добивался, – тарактела Нонна, не замечая окаменевшего лица Марины. – Он раньше был женат, но давно уже развёлся. Все наши девчонки по нему сохли, а он держался–держался, и не выдержал, женился! На Валюшке. Ты бы её видела...

– А она мастер спорта?

– Кандидат в мастера, – уточнила Нонна. – По шахматам. И не смейся, ничего смешного! А первая жена у Кестеля была совсем никакая.

– Как это – никакая? – шёпотом переспросила Марина (Нонна удивлённо на неё уставилась – заговорила, надо же!)

– Да так. Илья вкалывал за троих, семью кормил, а она сидела дома с ребёнком и не работала. Кирха, кюхен, кин-

дер(немецк.: «церковь, кухня, дети»), как Илья говорит.

– Кому говорит? («Надо же, – удивилась Нонна. – Вопросы задаёт... Разговорилась!»)

– Кому, кому... Валюшке, мне... Да всем! Вот же не повезло мужику! Такой спортивный, энергичный, а женился на домашней курице. И развела она ему курятник... Салфеточки–скатёрочки вышивала, а он один на всю семью пахал.

– А почему – курица?

– Ну, я не знаю, это Илья так сказал. Скучная, говорит, была, как домашняя курица, поговорить не о чем. Да о чём с ней говорить, разве ему такая жена нужна?

– А почему – была? (Нет, Нонна не узнавала сегодня Марину! Молчала, молчала – и вдруг заговорила!)

– Да она умерла давно, и дочка его умерла.

– Как... умерла? – Ну, я не знаю. Как все. Заболела и умерла.

– А ты откуда знаешь? Это он тебе сказал? – допытывалась Марина.

– Да не мне, он Валюшке рассказывал, а она мне. Мы в электричке познакомились, случайно. Она лет на пятнадцать его моложе. Классная девчонка, ничего не боится! – восхищённо добавила Нонна. – Они зимой в двухдневки ходят, вдвоём. В палатке ночуют. Вот скажи, ты когда–нибудь спала – на снегу?

Марина покачала головой. Как же ей повезло – просто сказочно! С ней Илья до этого не додумался. Марина с её

южной кровью органически не переносила холода, и ночёвка на снегу стала бы для неё последней...

Нонна всё говорила и говорила, и каждое её слово причиняло Марине боль, словно брошенный в спину камень. А она—то думала, что всё забыла. Сколько же должно пройти времени, чтобы действительно — забыть?

Домашняя курица, с которой не о чем говорить — это она, Марина. Она с утра до ночи мыла, стирала, убирала, готовила, бегала по магазинам, возилась с маленькой Анечкой, которая часто болела — родилась с ослабленным иммунитетом (и не без «помощи» Ильи!). А по ночам сидела над переводами, глядя воспалёнными глазами в ускользающие строчки словаря. Словом, сидела у мужа на шее. Сидела, сидела, а потом взяла да умерла. Очень, знаете, своевременно! Она, Марина, умерла...

А Нонна всё рассказывала, не замечая остановившихся глаз Марины.

Глава X. Любимая жена султана

Новая знакомая

С Валеёй Нонна познакомилась случайно, отправившись в очередной поход. В вагоне электрички они сидели рядом, ехать было далеко, и разговор завязался сам собой. Нонна с ходу выболтала новой знакомой оглушительную новость.

– Слышала? Кестель женился! В походы вместе ходили. Говорят, классная девчонка. Представляешь, она с ним зимой в походы с ночлегом ходит! На снегу палатку ставят и спят. С ума они оба сошли! – закончила Нонна.

– Почему же сошли? – возразила её новая знакомая. – Когда сходят с ума, головой об стенку бьются, – объяснила она Нонне. Нонна потрясённо молчала: аргумент бил без промаха, как кирпич.

– А что ещё говорят? Ну, о Кестеле?

– Да говорят... А что им ещё остаётся? – прыснула Нонна. – Такой был завидный жених, мировой мужик! Ведь каждая надеялась... А теперь не на что надеяться: женился! И сам себе завидует, аж светится весь. Девчат вот только жалко! Но не мог же он на всех сразу жениться, это ж просто гарем получился бы, – размышляла Нонна вслух. – И всё равно передрались бы все...

– Это почему?

– Ну, понимаешь, если бы он на всех женился, то каж-

дая хотела бы стать любимой женой султана («Ха-ха-ха...» – не выдержала её собеседница). Ничего, поплачут и успокоятся, – оптимистически закончила Нонна. – Кестель им всё равно не по зубам. А та, которую он выбрал, вот такая Илье в самый раз! Говорят, он год за ней бегал, аж с лица спал, пока замуж уговорил...

– А ты её видела? – Нонна огорчённо покачала головой: «Нет, ни разу. А интересно было бы взглянуть! Знаю только, что Валеё зовут, Валентиной. У меня в детстве, знаешь, все куклы были – Валентины...

– Ну, смотри. Я и есть Валя. Любимая жена султана. – И они, не сговариваясь, расхохотались.

От Вали Нонна узнала много туристских хитростей, которым её, в свою очередь, научил Илья. Например, как ночевать на снегу и не замёрзнуть. Секрет оказался простым: разжигали костёр, щедро нарубив сухостоя, и он жарко горел до вечера. На ночь костёр сдвигали в сторону – и он шипел сердито и стрелялся горячими искрами. Костёр ублажали новой порцией дров, и он затихал, с треском вгрызаясь в поленья красными клыками огня – обживал новое место жительства.

А на старом кострище разгребали горячие угли и, застелив землю еловым лапником, ставили палатку. Всю ночь земля отдавала накопленное тепло, воздух пах новогодней ёлкой, пуховый спальник обнимал невесомо и мягко, и спать было тепло.

– К утру, конечно, холодно становится, – честно призна-

лась Валя. – Но костёр у нас жаркий, у огня согреешься. Главное, сухостоя нарубить, чтобы хватило на всю ночь.

– Ага, и каждый час из палатки выскакивать, как кукушка из часов – греться! – соглашалась смешливая Нонна.

– Ну, не каждый час, – защищалась Валентина. – И «куку» кричать не надо. А у тебя язык подвешен, за словом в карман не полезешь!

– Да, не жалуясь. Я журфак заканчиваю, у нас там все такие. На кафедре про нас говорят – трепологический факультет.

– Представляю, какие у вас там преподаватели, – смеялась Валя.

– Не представлешь. У нас на втором курсе логика была, так преподаватель Кальтенбруннера цитировал...

С того дня Нонна и Валя часто ходили в походы вместе, и обе были довольны друг другом: скучать подругам не приходилось.

По секрету

...Нонна весело тарактела, рассказывая Марине о новой подруге и не удивляясь отсутствию у Марины каких-либо эмоций: она уже знала эту её манеру «активного слушания». А Марина старалась казаться спокойной и из последних сил сдерживала близкие слёзы, слушая Нонну, которая теперь говорила об Илье. (В конце концов нервы Марины не выдержали, и с ней произошло то, что произошло. И за всё это ей следовало благодарить болтушку Нонну).

– Поклянись, что никому не скажешь. Мне Валюшка по секрету... А я никому, вот честное слово, только тебе! (Нонна говорила правду: она никому не рассказывала эту историю, только Марине, умеющей хранить тайны).

– Ну, у Ильи родители умерли и дом в наследство оставили, в Саратове. Он поехал продавать. А зачем ему дом? А Валюшка за ним увязалась... Ну, пока он по городу бегал, вступал в права наследства, документы оформлял, Валя решила порядок в доме навести. И в кладовке нашла пакет, липкой лентой склеенный. А там... Марин, поклянись, что никому не скажешь!

Наследство

Наскоро позавтракав бутербродами, Илья уехал по делам. Оставшись одна, Валя бродила по дому, открывая двери комнат, которых оказалось неожиданно много. В доме пахло сыростью, полы потемнели от пыли, обои на стенах поблёкли. «Странно, – удивилась Валя, – Илья жил здесь больше месяца, а дом выглядит нежилым».

...Когда из Саратова пришла телеграмма, Илья коротко сказал жене: «Родственница умирает». И уехал в тот же день, ничего не объяснив. И пропал на целый месяц. Даже не звонил. Валя тогда обиделась, но поразмыслив, решила, что Илья просто не хочет впутывать её в свои неприятности. Да и что она могла сделать? Бросить работу и ухаживать за его умирающей родственницей? Вот он и уехал один. А когда вернётся, Валя откроет ему свой секрет: скоро их будет –

трое.

Илья вернулся через месяц – похудевший и несчастный. Увидев расстроенное лицо мужа, Валя решила ничего ему не говорить. Но прошла неделя, за ней другая, а Илья даже в походе не был ни разу. Улаживал какие-то дела, домой возвращался поздно, равнодушно съедал приготовленный Валею ужин и бухался в постель. Чмокнув Валею в нос и извинительно погладив по плечу, отворачивался к стене и через минуту уже спал каменным сном. С новостями Валя решила повременить: пусть в себя придёт, с похорон ведь приехал.

Но когда Илья опять собрался в Саратов, Валя уложила рюкзак и объявила мужу: «Я с тобой». Илья не возражал. Сказал только: «Я там буду очень занят, наследство оформлять надо». «Я не буду тебе мешать» – пообещала Валя мужу.

Как оказалось, дом принадлежал родителям Ильи.

– Мама последние несколько лет в больнице лежала, там и умерла. А отец ещё раньше умер, – объяснил Илья.

– Как в больнице? – не поняла Валя. – А почему ты её не навещал, почему мне ничего не рассказывал? Приехали бы к ней, она бы обрадовалась... А что с ней... было?

– Тебя это не касается, – отрезал Илья. – Не навещал, значит, не нужно было. Я деньги туда перечислял, чтобы там о ней заботились. Там хороший медперсонал, профессиональный уход. – И увидев неверящие Валины глаза, пояснил: «Она давно там лежала... Собственно, она там жила. Память

потеряла, так что всё равно меня не узнала бы. И уж точно не обрадовалась бы. И всё. Закончим этот разговор.

Валя бродила по пустому дому, и ей было его жалко. Одинокий и заброшенный, он ждал заботливых рук, которые смахнут тряпкой пыль, начистят до блеска деревянные скрипучие полы, оклеят стены яркими обоями... На окнах с пышными занавесками заалеют герани в нарядных горшках. Дом был – живой, он скучал без хозяев, и Валя разговаривала с ним, как со старым одиноким человеком.

– Ты не бойся, я никому тебя не продам, – пообещала Валя дому, и явственно услышала шелестящий вздох. – Мы к тебе каждое лето будем приезжать, а ты будешь нас ждать. Мы приедем... втроём, только чур, молчи, это наша с тобой тайна! Ну, давай, показывай, где у тебя щётки –ведра–тряпки. Будем тебя в порядок приводить. – И отыскав в кладовке всё необходимое, Валя взялась за уборку.

Весь день она мыла, скребла и чистила, и к вечеру дом стал неузнаваемым – правда, пока только первый этаж. Ну, до второго она тоже доберётся! Валя вымыла окна, натерев их до блеска старыми газетами. Накрыла стол нарядной скатертью, которую предусмотрительно прихватила из дома. Перемыла в кухне всю посуду и красиво расставила в буфете из светлого дуба (светлым он стал после получаса упорного труда). Вычистила во дворе старенькие тканые дорож-

ки и бросила их на чистые полы. И наконец, сладко рухнула на диван, ощущая навалившуюся на неё каменную усталость и лениво думая, как хорошо и уютно стало в доме. В их с Ильёй доме.

Через отмытые до блеска оконные стёкла в комнату щедро лился солнечный свет, дивно пахло полынью (полынь Валя обнаружила во дворе, и нарвав целую охапку, хлестала по отмытым горячей водой половицам пахучим полынным веником, пока не устали руки). Даже тишина в доме стала другой – мягкой и уютной. Валя спала, и ей снился ветер в полях. Ветер пах полынью...

Проснулась она, когда уже смеркалось. Ильи дома не было. И хорошо! Она успеет приготовить ужин. Вот, удивится Илья, когда вернётся в чистый, пахнущий уютом дом! И продавать не захочет. Летом здесь, наверное, настоящий рай... Волгу из окон видно! Купались бы, рыбу ловили... Илья обожает уху. Лодку бы купили, с мотором. А занавески непременно – розовые! Валя любила яркие, радостные тона, наполнявшие дом теплом и светом. У неё будет свой дом. Валя о таком и не мечтала...

Глава XI. Тайна старого дома

Под снежной лавиной

Валины мечты были прерваны с приходом Ильи. От предложения оставить дом себе Илья отказался наотрез: «Зря ты с уборкой затеялась, ведь всё равно продавать. Устала? У тебя глаза измученные. Зря это всё».

И тогда Валя, не любившая проигрывать (а кто любит–то?), объявила мужу радостную новость: у них будет ребенок, девочка. «Правда, это ещё не скоро... Мы здесь будем жить всё лето, а ты к нам будешь приезжать, и в отпуск тоже...» – радовалась Валя, не замечая изменившегося лица мужа.

Добродушный, невозмутимый Илья неожиданно вскипел. С побелевшим от гнева лицом и судорожно стиснутыми кулаками он обрушился на Валентину, как снежная неудержимая лавина: «Ноги моей не будет в этом проклятом доме! Не будет никакого ремонта, не будет никакого ребёнка, и не смей меня уговаривать! Ты слышишь? Не смей!!» – орал на жену Илья, который никогда не позволял себе него подобно-го.

Вале было трудно дышать, словно внутри неё ворочался обжигающий ледяной ком. Остановить мужа она даже не пыталась. А Илья бушевал, выкрикивая Вале в лицо, что он хозяин в этом доме, и решать будет он, а она, Валя, будет де-

лать то, что говорит муж... Он кричал на неё, а его глаза умоляли о чём-то, и столько отчаяния и боли было в этих глазах, блестящих от слёз... Проглотив обиду, Валя обняла его судорожно сведенные плечи, и Илья наконец замолчал, тяжело дыша.

– Ну что ты? Что с тобой, мой хороший? Всё будет хорошо, будет так, как ты захочешь, – шептала Валя в ухо Илье и чувствовала, как его понемногу отпускает, как расслабляются под её руками напряжённые плечи. – Ты, может, не понял? У нас родится дочка... Или ты хочешь сына? Будет тебе и сын, всё у нас будет. Я такая счастливая! Мне хорошо с тобой, Илья... Ты меня слышишь? Послушай меня, пожалуйста! Сейчас будем ужинать, я такой ужин приготовила! Ты ж весь день не ел...

Сейчас главное, чтобы Илья успокоился. Он совсем не жалеет себя, вымотался до предела с этим наследством и до предела устал – вот и не выдержал, взбесился ни с того ни с сего... Напуганная этим приступом беспричинной ярости, Валя, не придумав ничего лучшего, уложила мужа на диван. Илья покорно дал себя раздеть, послушно отправился умываться и чистить зубы. Валя сливала ему из ковшика воду, глядя его по спине, – и Илья в который раз удивился, какие сильные у неё руки. Вытерся поданным Валею полотенцем, молча отказался от ужина и молча лёг на диван.

Валя погасила свет и с минуту постояла у окна. Когда она подошла к дивану, Илья уже спал. Валя легла рядом и долго

лежала без сна, глядя в темноту – словно могла увидеть ответ. Почему он назвал дом проклятым? Почему сказал, что у них не будет ребёнка? Пусть выспится, отдохнёт, успокоится, а утром они спокойно поговорят и всё выяснят. Утром! Дождаться бы утра...

Но утром разговора не получилось. Илья ушёл, когда Валя ещё спала. Со стола исчез вчерашний ужин, посуда была аккуратно сложена в мойку, а на столе Валю ждала записка: *«Уехал по делам. Прости за вчерашнее, я идиот! Ужин просто великолепный, ты у меня мастерица, как же мне, дураку, повезло! Люблю тебя, целую тысячу раз и тысячу раз прошу прощения! Постараюсь вернуться пораньше. Илья»*

Записку Валя читала, улыбаясь – Илья не любил писать письма, и уж если столько накатал, старательно расставив запятые и жирные восклицательные знаки, значит – вину свою признал и теперь подлизывается, хитрый лис! Стрескал ужин на двоих и даже посуду убрал, – улыбнулась Валя. Но что-то не давало ей расслабиться. Вспоминая побелевшее от ярости лицо мужа, судорожно сведенные плечи и затравленные, полные отчаяния глаза, Валя вдруг поняла: спокойный и уверенный в себе Илья был смертельно испуган. Что же случилось? Она ничего такого не сказала, а он с порога стал на неё орать – зачем уборку затеяла. Ненормальный! Он никогда на неё не кричал. Да и вчера – кричал *не на неё*... Здесь что-то другое, думала Валя. Какая-то тайна.

Тайна старого дома

Вытирая тарелки, Валя обнаружила забытую Ильёй папку – с ней он ездил вчера оформлять документы на дом. Значит, скоро вернётся. Любопытная Валя сунула в папку нос: паспорт Ильи, свидетельства о смерти родителей... А это что? Ещё одно, и ещё... и ещё! Три свидетельства о смерти! Кестель Рита Святославовна, родилась в 1960-м, умерла в 1979-м; Кестель Аудрона Святославовна, родилась в 1962-м, умерла в 1978-м; Кестель Эмма Святославовна, 1967-й – 1986-й... У Ильи было три сестры!

Он ей ничего о них не рассказывал. Он вообще ничего о себе не рассказывал, как и о своих родителях. У Ильи было три сестры, и все они умерли, не дожив до двадцати лет. Случайность? Нет, таких случайностей не бывает.

Валя лихорадочно соображала. Три свидетельства о смерти. Значит, где-то есть три свидетельства о рождении. А ещё – фотографии, письма, дневники... Надо искать!

Пакет с фотографиями Валя нашла в кладовке. Тот самый, стянутый липкой лентой пакет... Фотографии, аккуратно надписанные на обороте, рассказали ей всё.

Фотографий было много. Вот родители Ильи – молодые, красивые, улыбающиеся. Две белокурые малышки на руках у отца. А здесь им лет по десять... А вот и третья девочка – маленький ангел в пышных бантах. А вот – молоденькие девушки, хорошенькие, неуловимо похожие на Илью.

На всех фотографиях были аккуратно проставлены даты.

Девочки подрастали, вот только лица... Лица на фотографиях оставались детскими. Слабоумие, или олигофрения, вот как это называется. Валя была дочерью врача, и вместо сказок любила листать толстые тома медицинской энциклопедии – там было много картинок, забавных и страшных. Когда научилась читать, взялась за энциклопедию всерьёз и годам к двенадцати стала самым молодым в истории «профессором–костоправом», как уверял её отец. Валя не связала свою жизнь с медициной, но знаний у неё было достаточно.

Так вот почему кричал Илья, вот чего боялся. Он был единственным ребёнком в этой семье, который родился здоровым. Единственный из четырёх! А если их с Ильёй ребёнок родится таким? – дошло наконец до Вали. Илья не хотел для своей дочери такой судьбы. А она, Валя, разве хочет?

Господи, ну почему? Почему это случилось именно с ней? Почему, почему? – сквозь слёзы шептала Валя. Но самое страшное ждало её впереди. В пакете с фотографиями лежала медицинская карта с пожелтевшими от времени страницами. «Кестель Люция Генриховна. Диагноз – олигофрения, шизофрения с параноидальным синдромом. Недееспособна» – с ужасом прочитала Валя.

«Она последние несколько лет в интернате жила. Там и умерла. Она бы всё равно меня не узнала. И не обрадовалась бы» – вспомнились Вале слова Ильи. Он единственный родился здоровым. Но ведь это неизлечимо, это передаётся из поколения в поколение... А Илья здоров! Причуда судьбы.

Он виноват перед ней, во многом виноват. Но в одном Илья прав: ребёнка у них не будет. Валя так его ждала, так радовалась – ещё вчера... Не будет у них ребёнка. И дома не будет. У них вообще ничего больше не будет.

Валя сунула пакет поглубже в шкаф. Торопливо вытерла слёзы. Через пять минут, спустившись в последний раз по ступеням вымытого ею крыльца, она вышла на шоссе и остановила машину. «На вокзал отвезёте?» – сказала Валя шофёру. Записки она не оставила.

Доврачебная помощь

Нону разбудил телефонный звонок. С усилием разлепив веки, она глянула на часы – половина двенадцатого! Кого ж так разнимает – по ночам звонить? Валя в Саратов уехала, Пашка на сборах тренируется. Может, не подходить? Прощлёпав босиком по коридору, Нонна сняла трубку. В трубке плакали и пытались говорить, но получалось плохо.

– Кто это? Да кто там?! – не на шутку испугалась Нонна. И сквозь судорожные всхлипы слышала: «Это я... Валя»

– Валюшка?! Ты же в Саратове... Ты из Саратова звонишь? – заорала в трубку Нонна, забыв о спящих в соседней комнате родителях. – Что у вас стряслось? Он что, обидел тебя? Что он тебе сделал?!

– Ну ты, Нонка, скажешь! Меня обидеть сложно. У меня разряд по каратэ, я сама кого хочешь обижу, – всхлипнула Валя.

– Ой, а я и не знала... Ты не говорила.

– Ну, не говорила. Зачем людей пугать?

– А чего тогда ревьешь? Ты его... покалечила? – севшим голосом пролепетала Нонна. На другом конце трубки хрюкнули. Потом трубка высморкалась и нервно рассмеялась.

– Нонка! С тобой мёртвый в гробу оборжётся! Никто никого не калечил. И я не из Саратова, я с вокзала звоню. Нон, можно, я у тебя переночую? Пустишь?

... Через полчаса обе сидели на кухне. Нонна наделала на скорую руку бутербродов, но Валя не могла проглотить ни кусочка. В кухне было тепло, Валя держала в руках кружку с горячим чаем, но это мало помогало – её трясло, как в лихорадке. Сбивчивый Валин рассказ показался Нонне бредом сумасшедшего.

– Понимаешь, там, на снимках, девочки – синеглазые, на Илью похожи... Понимаешь, они умерли, все трое умерли! – всхлипывая, рассказывала Валя.

– Ну и что же, что умерли? Илья ведь не умер, он живой-здоровый... бугай! Ты пей, тебе чаю надо попить. Он сладкий, горячий...

– Даа-а, живой, а как я с ним буду... Я домой идти боюсь, – плакала Валя. – Илья приедет, и что я ему скажу?

– Ну, до утра не приедет, а завтра мы с тобой съездим, заберём твои вещи. Поживёшь пока у меня, места хватит. А твоим родителям я сама позвоню, чтобы не волновались. Здесь Илья тебя не найдёт!

– Да что мы с ним, в прятки играем, что ли? Не найдёт...

Как же теперь жить? – плакала Валя.

– А зачем тебе с ним жить? Больше не с кем, что ли? Кто бы отказался! – утешала подругу Нонна.

– А ребёнок? Я ребёнка жду... от него. Как же мне теперь? Я так боюсь! Вдруг он тоже...

– Ну, значит, с утра поедем к тебе за вещами, а потом в женскую консультацию. Наркоз дадут – и не заметишь, как... А я тебя, хочешь, в коридоре подожду?

– А ребёнок?

– А зачем тебе от него ребёнок? Больше не от кого, что ли? Кто бы – отказался?

Ошарашенная Валя уставилась на подругу. Кто бы отказался... Умеет Нонна утешать, что и говорить! Все проблемы решила. А ведь и правда, решила!

– Тебе надо психоаналитиком работать! У тебя бы получилось. Это ж просто талант! – сквозь слёзы улыбнулась Валя.

– А Илье не звони, я с ним сама поговорю, – авторитетно заявила подруге Нонна. – Обойдёмся без семейных разборок. Да ты пей чай–то, пей, пока горячий. Ты же дрожишь вся...

Глотнув из кружки, Валя поморщилась. – Ты чего мне налила–то? Горький как чифирь! И сахару – зачем столько? Ты же знаешь, я сладкий никогда не пью.

– Ты пей, пей...

Валя послушно глотнула – и взвилась:

– Да не могу я это пить! Что ты ко мне привязалась со своим чаем! Заваривать сначала научись.

– Я специально такой заварила. Я в книжке собачьей прочла, первая помощь при травмах, укусах... и вообще. Если, например, шок. Там прямо так и написано: напоите собаку крепким сладким чаем и обеспечьте покой. А у тебя точно – шок! – наступала на Валю Нонна.

– А причём тут собака? – не поняла Валя.

– На, читай! – Нонна сунула ей в руки книжку. «Оказание доврачебной помощи четвероногому другу» – прочитала Валя на обложке. Нонна с удовлетворением наблюдала, как на лице подруги высохли слёзы, и вся она подобралась, как пантера перед прыжком. – Чай действовал!

– Вот видишь, помогло! Я ж говорю, там такие рецепты – всем подходят, – возбужденно тархтела Нонна. А Валя уже хохотала, в изнеможении положив голову на стол и вытирая выступившие (теперь уже от смеха) слёзы.

– Это у тебя шок, – убеждённо сказала Нонна. – Допивай и ложись спать! – скомандовала она подруге.

Глава XII. Адреналин

Дым в глаза...

Торопясь рассказать Марине эту историю (в которой она, Нонна, сыграла не последнюю роль), Нонна перескакивала с пятого на десятое, не замечая окаменевшего лица Марины. А вспомнив «доврачебную помощь», и вовсе «притормозила»:

– Ну, я Валюшку крепким чаем напоила, она как ненормальная смеялась, а потом заснула как убитая. Она говорит, что у меня способности к психоаналитике. Просто талант, говорит! – Нонна торжествующе посмотрела на Марину и испугалась: Марина сидела, закрыв ладонями лицо. – «Ты чего?»

Сама того не зная, Нонна в одночасье разрушила Маринин одинокий мирок, ставший для неё спасительным укрытием от чужого жестокого мира. Страшная правда о бывшем муже ввергла Марину в состояние стресса, близкое к шоковому, и она из последних сил старалась не показать этого Нонне.

– Да ничего! – Марина отняла ладони от лица и вытерла мокрые щёки. – Это от дыма... Дым в глаза.

– Ааа-а-а – протянула Нонна. – А интересно было бы посмотреть на ту – первую Кестеля жену, которая умерла. То есть, не на мёртвую, конечно... – запуталась Нонна. Марина

чуть было не сказала «Ну, смотри!», но вовремя опомнилась: «Слушай, ты меня достала... своей лавстори. Иди, ради бога, отсюда. Вон народ собирается уже, скоро выходим... И Пашка без тебя – извёлся!

И Нонна убежала собираться. Теперь её Павел не отпустит, поедут вдвоём, – и Марина наконец останется наедине с собой. Больше всего ей хотелось сейчас – остаться одной. «Надо взять себя в руки. Не думать *об этом*» – сказала себе Марина.

Гулко билось сердце, словно раскачивался тяжёлый маятник, и его удары отдавались в голове тупой не проходящей болью. Марина с удивлением обнаружила, что держит в руках миску с остывшим супом. А ведь был горячий... Она вылила содержимое миски на снег, поднялась с бревна – и испугалась: ноги были словно чужими и противно дрожали в коленях. Как же она поедет? До станции километров десять, наверное...

Вот и свисток – пятиминутная готовность! Сейчас группа рванёт «с ветерком» (в обед здесь никто особо не наедался – с полным желудком на лыжах не побежишь). А она, Марина, как же?

Марина всегда боялась отстать от группы, но сейчас ей отчаянно хотелось остаться одной, не видеть никого, не думать ни о ком! Она больше никогда не пойдёт в поход. Никогда. Только бы добраться до дома... «Нет, так нельзя! Надо взять себя в руки. Раскисла, как прошлогодний сугроб!» –

ругала себя Марина. Отставать нельзя, она поедет вместе со всеми. Приедет домой, напьётся горячего чая со сливками, заберётся с ногами в кресло и поставит пластинку с Маргаритой Зорбала. Им будет хорошо вдвоём. Ей никто больше не нужен, ведь так хорошо – одной!

Идти вдруг стало легче, лыжня покатила под горку – и Марина перевела дух. Затяжной спуск! Можно ехать «на руках» (у Карпинского говорили: на ручках), отталкиваясь палками. Руки у неё сильные (гантелей в доме не было, но их с успехом заменял старый чугунный утюг: после него любые гантели пёрышком покажутся!). Марина набрала скорость и понеслась как ветер. Теперь главное – держать равновесие...

На спуске Марине удалось догнать ушедшую далеко вперёд группу. Все стояли: путь преграждала река Яхрома. Будет переправа – поняла Марина. И испугалась: Яхрома была ключевой и не замерзала, только у самого берега серел тонкий, ненадёжный лед. Через речку было переброшено бревно, покрытое слежавшимся снегом. Противоположный берег оказался немного выше, и по бревну надо было – подниматься. «И ширина – то метра два с половиной, а сколько бесплатного адреналина!» – озвучил кто-то её мысли, и Марина вздрогнула.

Любители адреналина

Все уже переправились на другой берег. Последней, мелко переступая ногами, по бревну шла Нонна. Рюкзак и лыжи ждали её на том берегу (их перебросили раньше), и Нонна

шла належке. А под ногами у неё бежала вода – чёрная, ледяная.

Марина подумала, что первым идти было легче – ноги на свежем снегу не скользили. Теперь снег был хорошо утоптан группой, и Нона шла, поминутно оскальзываясь и балансируя руками.

Нонну ждали. И, как водится, оживлённо комментировали.

– Шагай смелей, здесь неглубоко – по пояс, и дно хорошее, песочек, тебе понравится! (Это Павел веселится, ему хорошо, он уже на другом берегу).

– А ты что, тонул здесь уже? Раз так хорошо дно изучил... – отбивалась Нонна, стоя на бревне. Группа с интересом ждала продолжения, и Павел не обманул их ожиданий.

– А ты чего встала–то? Ты поторопись, бревно ведь не выдержит! Сколько ты за обедом блинов съела? Не помнишь? Вот сейчас и вспомнишь... (Блины разогрели на углях в принесенной хозяином сковороде и ели их с вареньем, облизывая пальцы). Ты давай, сучи ногами. Не испытывай судьбу!

– А я, может, хочу испытать! – вошла во вкус Нонна. – А ты меня спасёшь. И медаль получишь, за спасение утопающих!

– Да на кой она ему, медаль эта? Он же мастер спорта, у него этих медалей, как у собаки! – «заступился» кто–то за Павла.

– Сам ты собака, – под общий смех сообщил «заступнику»

Павел. – Нонка, тебе смеяться нельзя, ты на бревне стоишь, забыла? Свалишься, «мама» сказать не успеешь!

И Нонна, мужественно стараясь не смеяться, «сучила ногами» (у Пашки это означало «идти», и термин в группе прижился), осторожно передвигаясь по бревну. И вот она уже – на том берегу.

А она, Марина, как же?

На Марину уже смотрели – группа предвкушала «продолжение банкета». Посмеяться здесь любили. Как-то, ещё по весне, Марине представился случай в этом убедиться.

...Переходили вброд мелкую речушку (у Карпинского было три варианта переправы: первый – по льду, второй – вброд, третий – по брёвнышку, если таковое имелось. Вариант с мостом не предусматривался – откуда в лесу взяться мосту?). Итак, речку переходили вброд (по второму варианту). Шли как-то странно – не к берегу, а кружным путём. Вода была обычной для апреля – то есть обжигающей. Зато глубина была по колено, и это радовало. Терпимо – определила Марина. Но зачем идти вверх по течению? Можно ведь по прямой!

Марина так и спросила: «Зачем?». Ей вежливо ответили: «Затем, что все идут, и ты иди. Там знаешь какая ямища, у берега? А здесь по колено. Усекла?». Марина «усекла» и послушно брела за всеми, уже не чувствуя колен...

– Холодно! (Это Леночка Брянцева, первая в их компании

хохотушка и болтушка) – Вы что, совсем дураки? Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке группа си-иня-я плы-вёт!» – с удовольствием пропела Леночка.

– А нам нравится, – ответили Леночке. – Водичка освежает и бодрит, вот мы и гуляем!

– Ну и дураки! Я здесь перейду! – объявила Леночка.

– Эй, не знаешь разве, что идти положено за руководителем? – кричали ей, но легче остановить бегущий по рельсам состав, чем Леночку Брянцеву. Она шагнула вперёд – раз, другой, потом уже смелее – третий, и оказалась на мелководье, в трёх шагах от берега. Леночка стояла по щиколотку в воде и победно улыбалась. (А Марина поверила, что там глубоко – «купились», как всегда!) Задорно крикнув: «Не зная броду, не суйся в воду!», Леночка показала Карпинскому язык, смело шагнула вперёд... и оказалась по плечи в воде!

– Ой, тут яма! – ахнула Леночка и, молотя по воде руками, попыталась выбраться. Но выбраться у неё не получилось.

– Ой, тут глина на дне, скользкая... Я не вылезу никак! – делилась впечатлениями Леночка, выплёвывая воду. А все остальные хохотали – и те, кто уже выбрался на берег, и те, кто стоял в воде – взхлёб, без удержу, запрокидывая головы и изнемогая от смеха.

Марине тоже стало смешно – доигралась Ленка, говорили же ей! Но Леночка бултыхалась в ледяной апрельской воде, а помочь ей народ явно не торопился. Это было жестоко,

и Марина гневно выкрикнула: «Да помогите же! Вытащите её!»

– Вытащим, не бойся. Не видишь – всем смешно. А когда смеёшься, сил никаких нет! – объяснили Марине. – Вот отсмеймся и вытащим. А хорошо плавает девчонка, молодца! – И продолжали корчиться от смеха.

– Сама полезла, никто не гнал, – заливались ребята. – Сама сказала: не зная броду, не суйся в воду, а теперь удивляется, что дна нет! Ха-ха-ха...

– Дураками ещё обзывалась, – припомнили Леночке. – Вот пусть её умные и вытаскивают!

Вытащили «купальщицу», когда она вдоволь нахлебалась воды. – «Ну извини. Ты так смешно барахталась... А от смеха сил нет совсем!» – объяснили Леночке, стучащей зубами от холода. И пока она передевалась в сухое в ближних кустах, продолжали смеяться: «Дураки-то сухие, а умная с головкой нырнула! Лен ты трусики-то сними, в мокрых как пойдёшь? Может, тебе помочь, так ты скажи».

– Благодарю за в-в-внимание, д-д-джентльмены, я сама! – откликнулась из кустов Леночка...

Да уж, весёлая у Карпинского группа! – подумала Марина. А Леночка после той переправы даже не чихнула ни разу. – «Повезло Леночке, что не заболела!» – удивлялась Марина. – «А у неё родители спортсмены, она не болеет» – объясняли Марине, но она всё равно удивлялась.

Не ко времени вспомнив эту историю, Марина представила, как стоит по пояс в воде с лыжными палками в руках. А народ хохочет, а народ хохочет... Ещё и сфотографировать Марину догадаются! Не объяснять же им, что от одного взгляда на бегущую воду у неё начинает кружиться голова. Всё равно никто не поверит, здесь ни у кого ничего не болит и не кружится. И будут говорить о ней – у Марины-то с головой не в порядке, она сама сказала! Нет, такого удовольствия она им не доставит.

В голове Марины созрел план: дожидаться, когда группа уйдёт, перебросить на ту сторону рюкзак и лыжи, сесть на бревно верхом – и переправиться через Яхрому с комфортом, сидя! «Жопслей!» – прокомментировали бы в группе. Но никто не увидит Марининого позора. Только бы они уехали!

Но уезжать никто не собирался: ждали Марину. Туристов у Карпыча на переправах не бросали (ни своих, ни пришлых) и продолжали движение только когда переправится последний.

– Вы меня не ждите, мне свитер снять надо. Вы не ждите, я догоню.

– А дорогу знаешь? – спросили Марину. До железки далеко, как одна поедешь? Нет уж, ты переодевайся, мы отвернёмся. Только давай по-быстрому, здесь ветер, мы в сосульки превратимся!

В отчаянии Марина оглянулась назад и увидела чёрную

точку. Точка быстро приближалась, спускаясь по склону, и превратилась в лыжника. – «Игорь Софронович едет! – сообщила Марина группе. – Так что вы меня не ждите. Я тут пока переоденусь, и мы с ним вместе доедем».

С ней согласились: народ уже начал замерзать – все были легко одеты. Темп у Карпинского такой, что и в штормовке запаришься, так что тёплые куртки несли в рюкзаках. Игорь Софронович, сам в прошлом руководитель ПВД, знал все маршруты как свои пять пальцев и шёл всегда один, далеко оторвавшись от группы, а на привале присоединялся ко всем. С Игорем Марина не заблудится! И группа ушла.

Глава XIII. Мужество

Валя

... Утром, как договаривались, они с Нонной поехали к Вале. Ильи дома не оказалось. Валя наскоро покидала в рюкзак вещи (остальное заберёт потом) и поехала к родителям, с трудом отделившись от Нонны, которая порывалась её сопровождать, но Валя решительно скомандовала: «А теперь кругом – и шагом марш! Одна доеду, не заблужусь», и Нонна, кажется, на неё обиделась.

Избавившись от Нонны, Валя вздохнула с облегчением: наконец–то одна! Ей надо побыть одной, чтобы собраться с мыслями и что–то решить. Как раз этого делать не следовало: отослав от себя Нонну с её надоедливой заботой и «доврачебным» собачьим чаем (вспомнив про чай, Валя хихикнула), она словно оттолкнула надёжный спасательный плот – и осталась совсем одна, а вокруг бушевали волны и не видно было – берегов!

Не надо бы ей одной, ей бы поехать с Нонной... Но Валя с детских лет занималась спортом, где не могли помочь папа с мамой, где всё зависит только от тебя. И привыкла со всеми проблемами справляться самостоятельно. И в спорте, и в жизни. И ни к кому не обращалась за помощью.

То, что случилось с ней, обрушилось на Валию как мастерски проведённый удар, от которого она не успела поставить

«стенку», и надо было перетерпеть эту боль и ответить ударом на удар. Но как? – Она же любит его! И Валя поехала к родителям, которые (Валя знала) оба были на работе. Никто не увидит её слёз...

Бросив в прихожей рюкзак, Валя с тяжёлым сердцем прошла в гостиную и ничком бросилась на диван. Зачем она сюда приехала? Разве она сможет здесь жить – без Ильи? Она же любит его, и он её любит. И ребёнка не сможет не любить. Валя не говорила Илье о беременности – хотела сделать ему подарок. Сюрприз! Она вообще никому об этом не говорила. Даже маме. Полгода прошло, – усмехнулась Валя, – а никто ни о чем не догадывается, даже Илья. Впрочем, Илье в последнее время было не до неё, он пропадал в Саратове. Валя всех обвела вокруг пальца: свободные джинсы, просторные свитера... Никто и не заметил! Вдобавок к всему, Валя обладала стальным прессом.

... А Нонка всё-таки дура! Дадут, говорит, тебе наркоз, и «не заметишь как». И не заметишь, как исчезнет то невесомое и родное, что уже жило в ней, беспокойно ворочалось и толкалось крошечными ножками («Хороший удар! – морщась, оценивала Валя. – А у неё сильные ноги! Так и рожу её – с чёрным поясом...») Наркоз?! Ну уж нет! Ни за что.

Ей вдруг припомнились найденные в Саратове фотографии. А если её дочка родится такой? Господи! Ну за что? За что ей всё это! Грехов, наверное, много? Практичная Валя наморщила лоб – и не смогла вспомнить ни одного ма-

ло-мальски стоящего... Так, мелочёвка, на рекорд не тянет.

Прямо над Валиной головой висела икона Спасителя в золотой тяжёлой раме. В их семье не было верующих, и маленькая Валя долго считала Спасителя папиным начальником, как шутя называла его мама. Отец работал врачом в Институте скорой помощи им. Склифосовского и не верил ни в бога, ни в чёрта, но икону Спасителя в дом принёс именно он, многозначительно сказав удивлённой жене: «Начальство надо знать в лицо!», и она тогда не поняла, шутит он или говорит всерьёз.

– Не молчи, будь человеком, – сказала Спасителю Валя. – Намекни хотя бы, ты же всё знаешь!». Бог смотрел со стены всевидящими и всепрощающими глазами и молчал. Не ожидал, что я приеду, и теперь не знает, что сказать, подумала Валя. Нет, она здесь не останется. Поедет домой, к Илье. Только лекарство возьмёт – от головы, которая, кажется, сейчас треснет, как арбуз...

Валя выдвинула ящик комода, где мама держала лекарства (в их семье болеть не позволялось, это было не принято – и никто не болел) – «на случай пожара». Пожар, бушевавший в Валиной душе, надо было тушить немедленно – иначе душа выгорит дотла.

...Так, что у нас тут? – О-ооо, у нас тут как в аптеке перед ревизией: чего только нет! Анальгин от головы. Пустырник от нервов. Снотворное – без него ей сегодня не уснуть (а ночью спала как убитая, не иначе – Нонкин чай помог! – фырк-

нула Валя. Хорошая всё–таки у неё подруга!). А от сердца что? Впрочем, болело не сердце, а то неведомое, что зовут душой. «Лечите душу ощущениями, а ощущения пусть лечит душа» – вслух процитировала Валя Чарльза Спенсера Сноу. И Бог на иконе неприметно улыбнулся, соглашаясь. Он знал – всё.

Валя ласково кивнула Спасителю на прощанье (ведь он давно был членом семьи) и захлопнула за собой дверь. Ключи остались на столике в прихожей. Они ей больше не понадобятся. На лестнице Валя с удивлением обнаружила, что держит в руках набитый вещами рюкзак. Значит, так тому и быть... И Валя отправилась домой.

Квартира встретила её тишиной – Ильи дома не было. Да и как он мог приехать, поезд–то только вечером, – тоскливо подумала Валя. Бросив на пол рюкзак, прошла на кухню, машинально зажгла горелку и поставила чайник. Она не сможет жить с Ильёй – после того, что узнала. И вернуться к родителям тоже не сможет: там с ней не будет Ильи... И ребёнка родить – не сможет! Круг замкнулся и крутился в голове бесконечным колесом, мельтеша стальными неумолимыми спицами и не оставляя ни малейшего просвета надежды. И вдруг – распался, брызнув ослепительными искрами. И Валя увидела – выход!

Засвистел, закипая, чайник, и вспомнив Нонкин метод «оказания доврачебной помощи», Валя рассмеялась. Он бу-

дет очень кстати, этот метод! Она так и делает: напьётся горячего чая и ляжет спать. Она очень устала сегодня.

Вывернув карманы джинсов, Валя выложила на стол прихваченные «пожарные» таблетки и задумалась. Вряд ли ей поможет пустырник. Анальгин тоже не исправит положения. Остаётся – чай...

Валя высыпала заварку прямо в чашку – пусть будет покрепче. Положила, не вспоминая о калориях, три кубика сахара – пусть будет послаще. Ещё она бросила в чашку таблетки снотворного, извлекая из блистера по одной, пока упаковка не опустела. Как там, в Нонкиной книжке? – «Обеспечьте собаке покой»...

Валя долго размешивала чай, прислушиваясь к чему-то внутри себя. Там, внутри у Вали, было тихо. Она тихонько прошептала: «Спи, моя хорошая... Мама тоже сейчас лежит. Мы будем спать долго-долго, а когда проснёмся, всё будет хорошо».

Всё будет хорошо, надо только напоить собаку сладким чаем и обеспечить ей покой. Хорошая у Нонны книжка, на все случаи в жизни годится... Валя улыбнулась, засыпая.

Илья

Когда Илья, задыхаясь от быстрого бега, ворвался в квартиру, с треском распахнув дверь, – его встретила тишина. В прихожей валялся брошенный Валею рюкзак. – «Повезло! Не успела уехать!» – с облегчением выдохнул Илья.

Валя спала, подложив под щеку ладонь и тихонько поса-

пывая. Илья сел рядом и долго слушал её дыхание. С раскаянием вглядывался в припухшее от слёз лицо, в мокрые слипшиеся ресницы. – Валя всё знает! Вот и вещи собрала. Но – не уехала. Всё–таки она не уехала! Значит, не всё ещё потеряно для него... Он ведь любит её! Жизни себе не представляет без этой хрупкой тоненькой девочки.

Ей двадцать девять, а выглядит на семнадцать. Каратистка, твою мать... Кто–кто, а Илья доподлинно знал эту её обманчивую хрупкость, за которой скрывались железные мускулы. И железная выдержка! Другая бы в истерике билась, глаза бы ему выцарапала, а эта – спать улеглась...

Илья с нежностью смотрел на спящую Валу. Друзья до сих пор не знают, сколько лет его жене. Илья улыбнулся, вспомнив, как на их с Валею свадьбе у него всерьёз спрашивали, как им разрешили оформить брак: ведь невесте восемнадцати нет! И как она за тебя пошла, медведюгу такого!

В простом белом платье, расшитом сверкающим бисером, тоненькая большеглазая Валя выглядела девчонкой, больше шестнадцати не дашь. А никто и не давал! Илья тогда отмалчивался, кивал, соглашаясь, разводил руками – мол, что поделаешь, женился вот... Жена!

Он никому никогда не рассказывал о том, как эта «девочка» вполне серьёзно пригрозила ему перед свадьбой: «Только пикни обо мне! Только рот раскрой, – и свадебная ночь тебе обеспечена. «Винни–Пуха» читал? «В гостях у кролика». Там Пятачок говорит: «До пятницы я совершенно сво-

боден». Вот и ты будешь свободен – до пятницы. Вспомнишь тогда Пятачка!

Илья ей тогда не поверил, но просьбу выполнил – никто до сих пор не знает, сколько лет его жене и по какому виду спорта у неё разряд. По шахматам! – смеялась Валя. Но если она говорила Илье «нет», подойти к ней двухметровому почти, крепко сбитому Илье не удавалось – он раз за разом неизменно оказывался на полу.

– Как ты это делаешь? – каждый раз удивлялся Илья.

– Я же сказала, не подходи ко мне. Не надоело ещё падать? – был ответ. Илья пытался ещё раз, ещё... и отступался, понимая, что не сможет прикоснуться к жене, пока она ему не позволит. Ну, дела–ааа...

– Проспорил, проспорил! – прыгала вокруг мужа Валя и весело смеялась. Об этом Илья тоже никому не рассказывал – кто же ему поверит? Да и стыдно было рассказывать.

Пусть спит. Он не станет её будить. В конце концов, это его проблемы. А ей и без того досталось. Илья на цыпочках вышел из комнаты и побрёл на кухню. Не зажигая света, подошёл к окну, прижался пылающим лбом к холодному стеклу и долго стоял, глядя в ночь. Господи, ну за что ему всё это? За какие грехи?

И как обухом ударило: за Марину. Он так легко вычеркнул её из своей жизни (или это она его вычеркнула?...). А ведь когда–то любил! Дочку в интернат спихнул (а Марина

не хотела, она так просила оставить Анечку дома, да разве он слушал?..). И не навещал почти, всё на Марину свалил. Он так легко убедил себя, что во всём прав! Он разменял Маринину квартиру, к которой не имел ни малейшего отношения... Даже суд был на его стороне! Но у Бога свой суд. И пришло время платить по счетам. Значит, Бог всё-таки есть?

Размышления о Боге были прерваны самым жестоким образом: поскользнувшись, Илья пребольно долбанулся головой (которая и без того раскалывалась) о холодильник и с размаху хрястнулся на пол. «О майн Готт!» – вырвалось у Ильи, и он провёл рукой по холодильнику – в полной уверенности, что осталась вмятина. В глазахплыли огненные круги, боль накатывала пульсирующими обжигающими волнами.

– О майн Готт! Господь всемогущий! Верю, верю, что ты есть – убедил... Болевой приём провёл – мама не горюй, в Валькином стиле. А Валюшка–то меня так никогда не роняла, она осторожненько, тебе бы у неё милосердию поучиться! Да–аа... На чём же это я навернулся–то? – Илья огляделся и заметил на полу блистер от таблеток. Пустой. Илья поднял его, машинально прочитал название – и бросился в комнату...

Глава XIV. Солнечный свет

Валя открыла глаза и зажмурилась от солнечного света. Значит, сейчас день, она опять проспала, опоздала на работу, будет скандал. Валя работала тренером в спортивной школе. Шотокан каратэ-до (больница – после), джиу-джитсу, хатхайога. Школа была закрытая.

– Понимаете, – объясняла на занятиях Валя, – это не просто набор приёмов. Это философия. Мировосприятие. Взгляд на жизнь, если хотите. И каждый мастер – философ!

На вопрос, где она работает, Валя отвечала не задумываясь: «Преподаю философию». – «Врёшь ты всё, Валентина, это тебе, наверное, философию преподают! На филфаке учишься? На каком курсе?»

Жмурясь от яркого света, Валя лениво думала – может, ей не стоит сегодня ехать? Так спать хочется...

– Валюшка, хорош дрыхать. Я шахматы привезла. Сыграем? Только чур, ты мне фору дашь.

Валя открыла глаза и увидела... Нонну. Она сидела на стуле и на ней почему-то был белый халат. Нонна держала в руках плоский свёрток, обёрнутый платком, и теребила зубами краешек.

– «В зубах она держала кусочек одеяла» – пропела Валя (и стоящая здесь же медсестра испуганно дёрнулась). – Нон-

ка, прекрати жевать, тебе вредно, там калории сплошные! Я сейчас встану... А ты чего вырядилась? Женщина в белом...

– Ничего, это у неё бывает, – успокоила медсестру Нонна. – Она ещё и драться умеет, так что вы близко-то не подходите.

– Спасибо, мы уже в курсе, – непонятно ответила медсестра, еле сдерживаясь от душившего её смеха.

– Я тебя убью, – пообещала Валя Нонне.

– Ой, а ты умеешь? Покажешь? – обрадовалась Нонна. Медсестра, зажимая рот рукой, выбежала из палаты. Из коридора донёсся её раскатистый смех. – Чего это она?

– А Илья где? – вопросом на вопрос ответила Валя.

– В коридоре... мается. Он тебя боится. Боится, что ты его ненавидишь. Позвать?

– Позови. – Валя откинулась на подушку. Тело не слушалось, не желало подчиняться, в нем ощущалась противная слабость... Нет, на работу ей сегодня нельзя, она явно не в форме...

– А что у тебя в руках, в одеяло завёрнуто?

– Да шахматы же! И не в одеяло, а в платок.

– ?..

– Ты же сама говорила, у тебя разряд по шахматам. Только ты мне фору дай, я же не мастер, я любитель. Я плохо играю. Сыграем, а? Врач сказал, тебе можно – в настольные игры.

– Я не умею – в настольные, – призналась подруге Валя.

– А чего ж тогда врала про разряд? Врушка–завирушка!

– Ну, разряд. Только не по шахматам. А ты вправду поверила? Ой, с тобой сдохнуть можно, шахматы она привезла! Ой, не смейся, мне смеяться больно!

– Нет, нет, не надо сдохнуть! – испугалась Нонна. – Я их обратно увезу, если ты не хочешь. – И выметнулась из палаты в коридор.

В дверь боком протиснулся Илья.

– Валюшка! Проснулась? С тобой сдохнуть можно! Я твоим родителям не стал звонить, ни к чему им это... (Валя молча кивнула). – Валь, ты прости меня. Простишь? Я без тебя не смогу. Жить не смогу. И дочка тоже.

– Какая дочка? – выговорила Валя чужими губами.

– Да наша! В барокамере она лежит. Абсолютно здоровый ребёнок, сказали, только слабенькая очень, слишком рано родилась. Сказали, отдадут, когда немного подрастет. А главврач тебя из больницы выкинуть грозился. Хулиганка, говорит.

– Я? Но что я сделала – такого...

– Да ты когда рожала...

– Я?! Ой, а я думала, это мне сон такой снится!

– Ну не я же! Ты, конечно. Чуть живая была после таблесток этих, еле откачали тебя. А ты вдруг рожать надумала – под капельницей лёжа! У тебя же всё не как у людей! – не удержавшись, добавил Илья. – Главврач спасти тебя примчался, сам роды принимал. ОН помочь хотел, а ты его ногой

в живот лягнула! Он и лёг – не охнул, головой о кафельный пол! Медсёстры в панике: кого спасать, не знают. Устроила ты им... показательные выступления!

– Я его слегка только... Он мне больно сделал! – пожаловалась Валя. – Я ему говорю, не лезь ты, уйди от меня к такой–то матери, сама справлюсь. А он всё лезет! Я его – тихонечко так...

– Тихонечко! Его нашатырём в чувство приводили, а после спиртом отпаивали. У него на затылке такая бубуля... И живот, говорит, сплошной синяк! Что я ему скажу?

– Скажи, пусть пресс подкачает.

– Вот сама ему и скажешь! Он злой как чёрт. Выпишу, говорит, из больницы к такой–то матери! А с виду–то, говорит, просто ангелочек... – Илья хохотал, вытирая слёзы.

– Да ладно, выживет главврач. А я что, и вправду родила? Ты не врёшь? Рано же ещё, семи месяцев нет... или есть? Я думала, мне снится... А кого я родила?

Тонкие Валины пальцы обхватили руку мужа, и Илья блаженно зажмурился. – «Родила царица в ночь не то сына, не то дочь, не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку» – забормотал Илья. И почувствовав, как на его запястье сжались стальные пальцы, намертво пережимая пульс, выдернул руку и зачистил: «Ну а куда тебе деваться? Родила как миленькая. Пока с врачом возились, ты и родила. Сама, как обещала... Ты руки–то не распускай, шахматистка!»

– Врачи говорят, абсолютно здоровая девчонка! – повто-

рял счастливый Илья. – Абсолютно! Сказали, отдадут, если будешь хорошо себя вести. И перед главврачом извинишься. Над ним вся больница ржёт – и медперсонал, и больные! Да, совсем из головы вылетело. Дом в Саратове я на тебя оформил. Ты ж хотела! Так что выздоравливай – и поедешь домыывать второй этаж. Ты ж хотела... Вот и поедешь – свежим воздухом дышать. И обои заодно поклеишь.

– Один–один, – прокомментировала ситуацию Нонна. – Боевая ничья. (И Валя улыбнулась, соглашаясь).

– Маму твою пригласим, внучку нянчить будет. Нонка в отпуск приедет со своей болонкой. Дом большой, поместимся! – мечтал Илья.

– Ловлю на слове, обязательно приеду! Я купаться люблю! И моя Ритуля тоже очень любит воду. И кушать она тоже любит... очень! – призналась Илье Нонна.

– Ритуля – это болонку твою так зовут? А как по отчету? – серьёзно спросил Илья.

– Ритуля это шарпей, – улыбнулась Нонна. – Она у меня тяжёлая собачка, шестьдесят килограммов мышц и костей. Она тебя если уронит, ты главврачу ещё и завидовать будешь, – пообещала Нонна Илье.

Валя слушала их «безлимитный» стёб и вспоминала улыбку спасителя. – Он знал!

Глава XV. Адреналин (продолжение)

Игорь Софронович спустился к реке в самый неподходящий момент: оседлав бревно, Марина ползла по нему на другой берег. Берег был немного выше, ползти приходилось вверх, и Марина безнадежно застряла на середине.

Новые вельветовые джинсы промокли насквозь, и рейтузы под ними промокли. Марина сидела на бревне, с ужасом вглядываясь в чёрную быструю воду. От воды веяло ледяным холодом и начинала кружиться голова. Марина вцепилась руками в бревно и зажмурилась.

– Рюкзак почему не сняла? Кто же с рюкзаком по бревну... Вниз не смотри. И не сиди, шевелись... Кукла! – гаркнул над её ухом Игорь Софронович, и Марина чуть не свалилась вниз.

– Эх, ты... жоп-слеистка! Трусы–то мокрые, небось? Как поедешь – в мокрых? А не надо выпендриваться, надо как все: вниз не смотреть, – и вперёд!

Подстёгиваемая Игорем, Марина кое-как одолела чёртово бревно и теперь стояла, ёжась от холода: джинсы промокли насквозь, и всё, что под ними, тоже...

– Ну что, теперь переодеваться будешь? – спросил Игорь Софронович Марину и, не сдержавшись, добавил: «Возись тут с тобой... Штаны–то взяла запасные? У меня есть, хо-

чешь, достану?» – и полез в рюкзак.

– Нет, нет, не надо, у меня есть, Вы не беспокойтесь, – испугалась Марина. Запасных штанов у неё, конечно же, не было, но переодеваться на глазах у Игоря в его брюки – она не станет ни за что на свете!

– Ну, тогда надевай и поехали! – согласился Игорь. – Я отвернусь, а ты быстренько раздевайся, в мокром замёрзнешь насмерть.

Марина представила, как поедет вдвоём с Игорем. Она ведь не мастер спорта, она не сможет так быстро, и Игорь Софронович всю дорогу будет её подгонять и злиться. И рассказывать потом: «Эта Марина – достала! Два часа до станции с ней добирались, а идти-то всего полчаса! Я думал, кончусь. Она на лыжах ходит по-ленински: шаг вперёд, два шага назад (прим.: «Шаг вперёд, два шага назад» – название статьи В.И. Ленина о революционном движении в России). Пристрелить её хотелось, чтоб не мучилась».

Марина представила – и стала уговаривать Игоря: «Вы ежайте, я дорогу знаю, я дойду!». Игорь Софронович не заставил себя долго уговаривать: взметнул палками снежную пыль и исчез. «Мастер!» – восхитилась Марина. Ничего, она доедет, вот же лыжня!

Но через двадцать минут лыжня неожиданно кончилась: проложенная группой Карпинского по твёрдому насту, она была неглубокой, и её замело позёмкой. Как ни старалась

Марина – не могла ничего разглядеть!

– И Игорь уехал! – в отчаянии думала Марина. – Ехали бы сейчас вдвоём, и пусть бы он подгонял её и грозился пристрелить, но не оставил бы одну. Была бы у неё карта... Но Марина не умела ориентироваться по карте. В открытом всем ветрам поле ей было холодно и неудобно. Ветер пронизывал насквозь, швырял в лицо колючие снежинки. Марина изо всех сил рванула по снежной целине. Наст держал – и она летела стрелой! (Видел бы кто сейчас Марину! Не зря она каталась с Карпинским, всё же чему-то научилась...).

Поле наконец кончилось, и она оказалась на просеке. Здесь не было ветра, и Марина остановилась передохнуть. Мокрые джинсы тут же обледенели, и Марина замёрзла. Та ли это просека, по которой ушла группа?

Марина бежала по лыжне довольно долго и скоро почти согрелась. На бегу тепло даже в мокрой одежде, и значит, ей надо всё время двигаться. Просеку пересекла другая просека, по ней тоже была проложена лыжня. Потом была ещё одна просека и ещё одна лыжня. Кажется, она где-то свернула...

...Или не сворачивала? Марина не помнила, ей не хотелось думать, не хотелось бежать... Она устала. Пришлось остановиться – и сразу же стало холодно. Очень холодно! Марина огляделась – и с ужасом поняла, что уже смеркается. И едет она уже давно, и два часа давно прошли, а станции всё нет! Даже электричку не слышно. Марина знала, что слыш-

но – за восемь километров. Значит, идти... ещё десять? Ей так хотелось верить, что – десять. Тогда она доедет часа за полтора. Может, даже быстрее, если поднажмёт.

Только где она, станция? Хоть бы встретился кто-нибудь! – Но никто Марине не встретился, и спросить дорогу было не у кого. «Хоть бы деревня попалась или дачи!» – с надеждой думала Марина. Но не было на её пути ни деревни, ни дач. Только бесконечная просека, которую пересекали другие – такие же бесконечные – просеки, ведущие неведомо куда. Кажется, она свернула, а налево или направо, Марина не помнила. Бежать уже не получалось. Марина шла, тяжело дыша, плечи ей оттягивал тяжёлый рюкзак, в котором – увы! – не было даже термоса – чай всегда несли мужчины.

Сейчас бы чаю! Горячего, с сахаром... – тоскливо думала Марина. – Все, наверное, уже в поезде, сидят в тёплом вагоне и пьют из термосов обжигающий чай с пряниками. А её бросили. Оставили одну. – Нет, всё не так! – сказала себе Марина. Никто её не бросал, она сама отпустила группу (а они ждали, они не хотели без неё ехать!). Игорю Софроновичу Марина солгала, что знает дорогу. Думала, здесь близко уже, за полем – станция. Он и убежал. А могли бы ехать вдвоём, и Марина упросила бы его сделать остановку – на пять минут всего! И Игорь напоил бы её горячим чаем из термоса.

Но Игоря давно и след простыл. Его нет, и ей придётся – самой. И никакого чая! – сказала себе Марина. – И никаких

больше остановок. Только вперёд!

... Лес наконец кончился. Впереди расстилось поле. В зыбком свете луны оно казалось призрачным, ненастоящим. А за полем – светились огни! Значит, она всё-таки дошла. Вот только поле перейти...

Глава XVI. Илья

Воспоминания

Илья дождался, пока Валя уснёт, осторожно высвободил руку из Валиных тонких пальчиков (таких нежных и слабых во сне!) и пощупал запястье – так, для ясности. Пуульс был. Илья оглянулся – не видел ли кто–нибудь его манипуляций с пульсом. Валя во сне вздохнула и убрала руку под одеяло, свернувшись уютным клубочком.

– Кого обмануть хочешь? – прошептал Илья и погрозил ей пальцем. – Ну, спи, а я побежал. Дела!

«Надо бы предкам Валюшкиным позвонить, обрадовать...» – подумал Илья. И отправился... искать Марину. Если бы его спросили: зачем? – он не смог бы ответить.

После развода с Мариной (впрочем, Илья не собирался от неё уходить, хотел только «попугать» жену, но Марина не только не испугалась, – вещи ему собрала и проводить вышла! Выставила, одним словом. Как в кино!) – после развода Илья со злости наломал дров. А потом, как говорится, пустился во все тяжкие... Ему нравились многие, но сравнения с Мариной не выдерживал никто. Когда Илья это понял (или просто – устал «сравнивать»), в его жизни появилась Валентина – и он был благодарен за неё судьбе.

Но забыть Марину не мог, как не мог забыть свою вину. Расставшись с женой, он не вспоминал и о дочери. Даже де-

нег не прислал ни разу – ждал, когда Марина попросит. Но она не просила. Гордая! Вот и пусть попробует – без него. Он ничего не имеет против. Хотела учиться – училась, а теперь придётся поработать. Долго она не выдержит, простит.

Марина выдержала и не простила. И тогда Илья использовал «последнее средство» – размен. И выиграл (или проиграл).

Когда из интерната сообщили, что дочери у него больше нет, Илью охватило раскаяние. – Боже, какой идиот! Он же бросил её, не вспоминал, не интересовался даже, как ей живётся, взвалив заботу о дочери на Марину. Может, если бы он не ушёл тогда, Анечка была бы жива... Если бы он не вёл себя так, Марина бы простила, – терзался Илья. Он виноват. Боже, как он перед ней виноват!

Илья хотел сказать Марине об этом и попросить прощения. Он столько хотел сказать – но, к несчастью, застрял в пробке и безнадёжно, чудовищно опоздал! И на кладбище приехал, когда всё уже было кончено. Марина стояла у могилы Ани одна, и показалась Илье такой одинокой, что у него защемило сердце. Бронзовые длинные волосы свободно спускались ниже пояса. Редкие прохожие, миновав Марину, оглядывались: зрелище и впрямь было редким.

Илья подумал, что Марина стоит здесь давно: на волосах густо серебрились снежинки. Это было красиво – бронза и серебро. Очень красиво. Илья вдруг вспомнил, как когда-то

Марина танцевала для него античный танец волос: завораживающие медленные движения, словно ожившие рисунки на древних амфорах (Марина придумала танец сама, но Илья об этом не знал). Распущенные в знак траура волосы – тоже обычай. Так в Древней Греции оплакивали умерших (наверное, и сейчас так оплакивают). Но откуда она... У неё же отец – турок.

Когда у них ещё не родилась Анечка, Марина читала за поем, даже обедала с книжкой на коленях, втихомолку читая под столом. Как-то раз Илья провёл эксперимент, заменив стоящую перед женой тарелку с супом хлебницей. Не поднимая глаз от книжки, Марина возила по хлебнице ложкой, пытаясь зачерпнуть суп. Илья смеялся так, что чуть не свалился со стула. – «Ну-ка, дай сюда» – протянул Илья руку за книгой, но Марина не дала. Илья не отставал: «Должен же я знать, что читает моя жена?»

– Гюнтекина, – нехотя ответила Марина. И встретив восторженный взгляд, пояснила: «Решад Нури Гюнтекин, турецкий писатель, между прочим, классик. Отцепись, будь человеком!»

– Дай, когда закончишь? – попросил Илья, и Марина рассмеялась: «На, читай!». Илья выхватил из её рук книгу и обалдело уставился на затейливый рисунок строк. – «Это на каком же?»

– Это на турецком, – спокойно ответила Марина, отбирая

у Ильи книгу. – Гюнтекин интереснее в оригинале (А он и не подозревал, что его жена свободно читает на турецком...)

Илья с усилием вернулся из воспоминаний и обнаружил, что здорово замёрз: ветер пробирал до костей. Как же ей холодно, она ведь давно здесь стоит! Аню уже не вернёшь, и может быть, даже лучше, что так случилось. Разве это жизнь? Анечке уже всё равно. А каково сейчас – Марине?..

Подчиняясь внезапному порыву, Илья подошёл к бывшей жене (разве она – бывшая?) и обхватил её поникшие плечи. Руки заблудились в густых волосах... Забывшись, он прижался к ним губами. «Девочка моя, ты замёрзла совсем, пойдём домой!» – прошептал Илья и вложил в руки Марине букет её любимых чёрных роз на длинных шипастых стеблях. – «Твои любимые...»

Марина подняла на него заплаканные глаза, и Илья обмер – всё такая же красивая! Он забыл, какая она красивая, самая лучшая на свете! Зачем же он о неё ушёл? Или это она ушла?

И тогда Марина, размахнувшись, со всей силы ударила его букетом по лицу. – Илья еле успел зажмуриться, остался бы без глаз! Шип прочертили на его лице красные борозды, по щекам стекала кровь, саднило губы...

– Вот это удар! – оценили стоящие неподалёку рабочие с лопатами в руках. – Вот это получил! Одним ударом всю морду мужику разукрасила... И припечатали ещё: «В следу-

ющий раз покупай хризантемы!»

Илья открыл глаза – и встретил её горящий ненавистью взгляд. Такого не прощают. А он–то, дурак... Илья улыбнулся Марине израненными губами и медленно побрёл к воротам... Пройдя до конца длинную аллею, у самых ворот не выдержал – оглянулся. И в последний раз посмотрел на неподвижную фигуру.

Он и сейчас хотел купить ей розы. Но вспомнив тот памятный день, решил обойтись без цветов. Главное сейчас – её найти.

Посторонний

Для начала Илья решил обратиться в ЦАБ (прим.: центральное адресное бюро). Но там ему отказали наотрез: «Сведений о прописке посторонним не даём. Не положено».

– Я не посторонний, я муж, бывший, – признался Илья.

– А не посторонние сюда не ходят, они адрес у родных спрашивают! – упорствовали тётки из справочной. И только когда Илья показал им паспорт со штампом о разводе и новым – о браке, сменили гнев на милость, и в его руках оказалась вожделенная справка с Марининым новым адресом. «Метафиди Медея Харалампиевна» – прочитал Илья. Глупо было предполагать, что она оставит его фамилию.

Илья выскочил из ЦАБа как ошпаренный, так и не поняв, отчего вдруг смягчились вредные тётки. А «тёток» впечатлил временной промежуток между его разводом и новым браком.

– Это надо же, семь лет мужик мучился, не женился. Это ж просто драма! – всплеснула руками начальница, когда за Ильёй захлопнулась дверь. – Прямо бразильский сериал!

– Ага, ага! Помчался как наскипидаренный к бывшей своей, аж с лица спал, – вторили ей сотрудницы. – Ох, чует моё сердце, будет ему от ворот поворот! Картина называется «Не ждали».

– Ну что ты, Машка, такая злая! А может, она его простила? Может, любит до сих пор, ведь десять лет вместе прожили! А он-то одумался наконец, понял, какой алмаз в пыль бросил... Ой, девочки, представляете? Она дверь открывает, а он с цветами! На коленях! Прощенья просит...

– Ну ты, Лида, дура... Татьяны Устиновой начиталась, сказку придумала про любовь! Это в книжках красиво всё кончается, в жизни – так не бывает.

– А вот бывает! Бывает! – ринулась в бой Лида. – А ты не знаешь и молчи! Ты глаза-то его видела? Он же плакал почти...

– Плакал он, как же! Это мы от них, козлов, плачем, а им что? Отряхнулся и пошёл!

– Ну, если твой – козёл, это ещё не значит, что все такие...

– Это кто козёл? Женька мой козёл? Я тебе покажу – козла... У тебя и такого нет!

– Девочки! Девочки! Остановитесь! Нам только драки не хватало. Вам что, нечего делать? Работайте...

Но разговор не утихал, шептались до вечера то там, то тут:

история взбудоражила всех. – «Девчата! А ведь это мы их соединили! Если бы не наша справка, он бы её не нашёл – шутка ли, семь лет не виделись! Вот сейчас, наверное, доехал уже, в дверь звонит...»

Медуза Горгона

Илья звонил уже минут пять, но никто ему не открывал. За дверью было тихо. Зато приоткрылась – соседняя, и оттуда осторожно поинтересовались: «А вы к кому?». Как хорошо, что всегда есть вездесущие соседи! – обрадовался Илья. – «Я к Медее».

– К какой такой Медее? – возвысила голос соседка. – Если вы к Мариночке, так она на лыжах кататься поехала, с рюкзаком. И не лень ей таскать – такой...

– Д-да, – запнулся Илья, – к Марине.

– Ну, так бы и сказал! А то – Медее... Афина Паллада тебе часом не нужна? – подбоченившись, выдала Илье Маринина соседка. А Мариночка как с утра уехала, так до сих пор не вернулась. Давно бы ей пора, темно уже! А Вы ей кем приходиться?

Илья кубарем скатился по лестнице. Афина Паллада... Соседка грамотная слишком! Афины, конечно, он здесь вряд ли найдёт. А вот с Медузой Горгоной сегодня повидался.

Выйдя из подъезда, Илья примостился на качелях. Он подождёт. Темно уже, пора бы Марине вернуться, кто же по ночам на лыжах катается? Но Марина не вернулась, и Илья, прождав её до утра и промёрзнув до костей, поехал в боль-

ницу к Вале.

Глава XVII. Танцы под луной

Бегучие огни

Марина радостно всматривалась в далёкие огни, забыв о холоде и не чувствуя больше усталости. Теперь она дойдёт и сядет в поезд. Вот только – поле перейти... Ноги не держали Марину, и она шлёпнулась. И тут – кррак! – лопнула дужка крепления. Не везёт ей сегодня. Придётся идти пешком. Ничего, она дойдёт. Ей только – поле перейти.

Марина связала лыжи бечёвкой и, взвалив на плечо, пошла пешком. Ноги утопали в снегу, лыжи больно врезались в плечо, а огни оставались всё так же далеки.

– Блуждающие огни, – устало думала Марина. А она-то радовалась... Это вовсе не поле, это замёрзшее болото! – поняла Марина. – Только на болотах бывают такие обманные огни, огни фантомы. Они зовут за собой одиноких путников и заманивают всё дальше... Ей никогда отсюда не выйти.

Она вдруг поняла, что никуда не идёт. Сидит на снегу и по детской привычке размазывает по щекам слёзы сжатым кулаком. «Сидеть нельзя, замерзнешь!» – сказала себе Марина. И вот она уже дома, на плите свистит, закипая, чайник... А может, это свистит ветер в полях?

Марина хотела встать – и не смогла. Ноги больше не желали слушаться, и Марина подумала, что если она умрёт, об этом никто не узнает и никто не будет плакать о ней, не будет

её искать. Её никто не найдёт...

Танцы под луной

Дима нашёл Марину, завершая ежевечерний десятикилометровый круг на лыжах – он тоже любил хороший километраж и не давал себе поблажек. Вот и сегодня, вернувшись с работы позже обычного, поехал кататься. В лесу уже стемнело, но на просеке можно было разглядеть лыжню. Дима решил вернуться домой через поле. В свете серебряной луны оно казалось призрачным, ненастоящим, а Дима верил в чудеса. Вдруг ему повезёт – и он увидит эльфов, танцующих под луной!

С наслаждением вдыхая морозный воздух, Дима пёр напрямик через поле, чувствуя, как ноют усталые мышцы: все десять километров он бежал не останавливаясь. Достигнув поля, Дима разрешил себе перейти на шаг. И – нашёл Марину! Вернее, сначала он нашёл лыжи, аккуратно стянутые бечёвкой. Невдалеке от лыж темнел на снегу бугорок. Дима подъехал ближе. – Бабушка! Замёрзла!

Дима положил голову бабушке на грудь и услышал, как бьётся её сердце. – Живая! – с облегчением подумал Дима и, взвалив на плечи неподвижное тело, удивился: «Вот так бабулька – божий одуванчик. Невесомая, точно эльф. А рюкзак у эльфа – мама дорогая... И понёс её леший на ночь глядя на лыжах!

– Сейчас, сейчас, – торопливо шагая через поле, скороговоркой бормотал Дима. – Я вас чаем напою горячим, спир-

том разотру – и всё пройдёт! А утром домой отвезу, на мерсе.

Как здорово, что он сегодня поехал, заставил себя, хотя ему страшно не хотелось: он поздно вернулся с работы и зверски устал. Хорошо, что поехал! Ещё бы немного, и она бы замёрзла. А она дышит! Дышит! – радостно повторял про себя Дима.

Заперев ворота на магнитный замок, Дима отнёс свою носу в дом и бережно опустил на диван. В доме было тепло, в гостиной горел камин. Дима заботливо укрыл бабушку шерстяным ирландским пледом – с головой, чтобы скорее согрелась.

– Дим, кто это? Ты кого притащил? – в гостиную вошла девушка, чем-то неуловимо похожая на хозяина коттеджа.

– Сам не знаю, – признался сестре Дима. – Бабушка... Замёрзла. Сейчас размораживать будем.

Вдвоём они стянули с неподвижной женщины обледеневшую куртку (как же она в такой шла?), размотали тёмный старушечий платок – и ахнули: под мешковатой, мокрой и грязной одеждой оказалась удивительной красоты девушка с бронзовыми длинными волосами (Дима ни у кого не видел таких волос!). Под тёплым пледом щёки незнакомки порозовели. На виске подрагивала тоненькая жилка.

– Вот так бабушка! Колдунья. Медея! – обрёл дар речи Дима.

– Ну что же ты? Буди её поцелуем в уста, а я пойду по-

ставлю чайник, – поддразнила Диму сестрёнка и убежала на кухню.

– Ну, давай, просыпайся, спящая красавица! – сквозь сон услышала Марина. – С неё портреты писать, а она в снегу валяется...

Медея

Кто-то настойчиво тряс Марину за плечо, и она открыла глаза. – «Ух ты! – восхищённо присвистнул кто-то у неё над ухом. – Глаза у нас золотые, как мёд! Ты не гречанка случайно? Только у греков – такие глаза...»

– Не знаю. Может да, может нет, – через силу улыбнулась Марина склонившемуся над ней парню. В его глазах, неотрывно смотрящих в глаза Марины, искрилось веселье. А у него красивые глаза...

– Калос иртатэ! (греч.: с приездом) – схохмил парень и, перейдя на греческий, заговорил взволнованно и быстро. Марина не поняла ни слова.

– Подожди, я не понимаю ничего...

– Не понимаешь? – огорчился незнакомец (сколько ему, интересно? Лет тридцать... или меньше?)

– У тебя странное произношение, – не удержалась согревшаяся под пледом Марина. – И не тарихти! Завёлся как радио. Эдо Афина, – съехидничала Марина (прим.: этими словами начинает радиовещание «Голос Греции»). Она не помнила, как оказалась в этом гостеприимном доме, но ей здесь было хорошо – впервые за последние пятнадцать лет...

– Значит, радио мы слушаем, – заключил довольный Дима. (Чтобы «поймать» афинское радио, недостаточно просто включить радиоприёмник: нужна хорошая антенна. Антенны у Марины не было, она вставляла в разъём приёмника длинную тонкую проволоку с расщеплённым на тонкие усики концом, который выпускала на улицу, зажимив оконной рамой. Ещё надо было знать время передачи. Ещё – отыскать на шкале нужную волну. И тогда – в маленькой квартирке на окраине Москвы говорили Афины...)

Марина не понимала быструю взволнованную речь диктора (афинские новости читались скороговоркой и так эмоционально, что их можно было слушать даже не зная языка). А после выпуска новостей на радио звучали песни (ради которых, собственно, и убегал на улицу тонкий проводок), от которых у Марины сжималось сердце. Песни были разные, но все они были – о любви. Одни переполняли душу светлой грустью, в других плескалось безудержное веселье, и Марина, чистя на кухне картошку, притопывала в такт ногой. И не представляла себе, как можно жить без этих песен...).

Всё это Дима узнал не спрашивая – по одному вырвавшемуся у Марины слову – «завёлся, как радио». Взбалмошная, сумасшедшая девчонка, – с нежностью думал Дима. – Катается одна, на ночь глядя... Норовистая лошадка! Мужа тебе надо хорошего, чтобы в узде держал.

Дима заметил сломанное лыжное крепление и понял, что

случилось. О том, как всё было на самом деле, Марина рассказывать е стала. И не отвечая на его настойчивые вопросы, молчала, завернувшись в плед и прихлёбывая из большой кружки горячий чай – с сахаром, как она мечтала.

– Скажи хоть что–нибудь! – взмолился Дима («Да, с ней, пожалуй, будет непросто»). – Я тебя чуть живую нашёл, почти километр на себе тащил – с лыжами и с рюкзаком! Ты мне все плечи... отлежала! Как у тебя сил хватает такой рюкзак таскать? У тебя там что, кирпичи?

– Один.

– Что – один?

– Кирпич один. Ты не бойся, я не сумасшедшая. А кирпич – это для тренировки, я забыла про него совсем...

– Ну вот! Полтора километра тебя нёс, ещё и с кирпичом, а ты мне даже спасибо не сказала.

– Спасибо. Эфхаристо.

Что это с ней? Лежит на диване в чужом доме, из всей одежды на ней осталась только клетчатая мужская рубашка (единственное, что осталось у Марины сухим), всё остальное неизвестно где, а она пьёт чай и препирается с хозяином дома, которого видит впервые в жизни.

Марина поймала себя на мысли, что ей нравится их дурацкий разговор, нравится этот гостеприимный дом. И чай (в который Дима щедро плеснул коньяку). Хозяин дома ей, кажется, тоже нравится...

«Хозяин» тем временем вытащил из её рюкзака кирпич и, вертя его в руках, с интересом смотрел на Марину. Их глаза встретились. «С кирпичом катается! Она точно – сумасшедшая. И я её, кажется, люблю» – сказал себе Дима.

«Стоп!» – скомандовала себе Марина. Это простое гостеприимство. Так сказать, издержки воспитания. И не надо придумывать то, чего нет. Она не позволит, она дала себе слово – больше никогда и ни с кем! И вообще ей давно пора уйти. Загостилась...

– Ты... как тебя зовут–то? Проводи меня на станцию. Или хоть дорогу покажи. Мне пора уже – домой (а так хотелось остаться...)

– Меня Дима зовут, – сообщил Марине хозяин коттеджа. А сестру – Ника, Никея. Она тебя проводит и дорогу покажет...

– На станцию? – уточнила Марина.

«...На станцию. Ночью. В промокшей насквозь одежде и с кирпичом в рюкзаке. Интересно, сколько ей? Тридцати, наверно, нет. Упрямая какая! И красивая. Даже такая – замёрзшая и измученная до предела. Как здорово, что я её нашёл!! – думал Дима. – Мне просто сказочно повезло! Эльфы не обманули и станцевали под луной...».

Марина нехотя вылезла из–под мохнатого пледа и спустила ноги с дивана. Дима с трудом заставил себя не глазеть: ноги были красивые. В доходившей ей до бёдер длинной муж-

ской рубашке, Марина стояла – на этих невозможно красивых ногах, беспомощно озираясь. Нет, он не мог не смотреть, это было выше его сил!

– А где мои джинсы?

– Джинсы завтра высохнут. Ника их в машинку бросила, стирать. На них грязи вагон. Где ж ты так изгваздалась? (Марина вспомнила речку Яхрому, мокрое и грязное бревно, по которому она ползла сидя верхом – под беспощадный комментарий Игоря Софроновича, – и не ответила). – А свитер выбросила, – мстительно продолжил Дима. – Он дымом пахнет и прожженный в двух местах. Где прожгла–то?

– Это искры от костра, – пояснила Марина. – А в чём же мне ехать?

– Наденешь другой, у Ники много, выберешь. Ну давай уже, иди... Ника! Проводи нашу гостью в ванную.

– Как это – в ванную?

– А ты куда собралась? На станцию? А знаешь, который час? У тебя, наверное, мозги ещё не разморозились, – выдал Марине вежливый Дима.

Глава XVIII. Веселая компания

Ванная комната в этом странном доме превосходила все ожидания. Серо–золотые стены бесконечно повторяли её отражение (зеркальный кафель, догадалась Марина). В круглой джакузи размером с детскую песочницу пенилась вода, пахнувшая сосновой смолой и кедровыми орехами. Марина с наслаждением погрузилась в горячую воду и закрыла глаза. Господи, что она делает!

Из ванной Марина вышла в голубом халатике, с кокетливым пояском с забавными кисточками (кисточки Марине нравились). Высушенные феном волосы бронзовой волной стекали по голубому шёлку (заколок в ванной не оказалось).

Ванная комната находилась в подвальном этаже, здесь же размещалась сауна. Она никогда не бывала в сауне (а было бы интересно...). Марина поднялась наверх – и оказалась в пустом тёмном холле. Где же хозяева?

Марина отправилась искать хозяев этого необыкновенного дома (в сравнении с Мариной малогабаритной трёшкой дом, казалось, существовал в четвёртом измерении) – и, поплутав немного, оказалась в маленькой уютной гостиной, словно сошедшей со страниц Диккенса: со старинными креслами на гнутых ножках, картинами в тяжёлых рамах и пузатым, красиво инкрустированным буфетом. В гостиной ярко пылал камин и было тепло.

Камин был настоящий, с настоящими березовыми дровами. На каминной полке стояли миниатюрные копии древнегреческих статуй. У Марины захватило дух – Ника Самофракийская в развевающихся от ветра одеждах... «Победительница в беге», отлитая из бронзы неведомым мастером так, словно она только что остановилась, задыхаясь от стремительного бега – и всё ещё оставаясь в нём... И Маринина любимая Афродита Анадиомена, выполненная из мраморной крошки так искусно, словно из цельного куска паросского древнего мрамора!

В гостиной хлопотала Ника, накрывая на стол. Они что, есть собираются? В одиннадцать вечера?! А было бы неплохо...

– Это Димка привёз. Тяжесть такую пёр! – перехватив взгляд Марины, сказала Ника. – Носится с ними как с писаной торбой, пыль даже вытирать не разрешает! – пожаловалась Ника Марине. – Ну, что ты на них уставилась? Насмотришься ещё, успеешь.

– Как что? Это же Скопас! Пракситель! Фидий! На них можно смотреть вечно...

– Ты знаешь Фидия? – удивлённо воззрилась на Марину девятнадцатилетняя Ника (сам-то откуда знает?)

– Конечно, знаю, я ведь искусствовед, – объяснила Марина, и Ника, улыбнувшись, закончила за неё фразу:

– Искусствовед кирпичом в рюкзаке! А кирпич, наверное, из раскопок? Четырнадцатый век?

– Кирпич со стройки, – призналась Марина.

– Ах, со стройки... Ворованный? Теперь понятно, почему у нас самое дорогое в мире жильё.

Нет, всё-таки они с братом два сапога пара...

– Сейчас кофе пить будем, – буднично сообщила Марине Ника, как будто они всегда пили (на ночь глядя) кофе. Втроём. – Ты переоденешься? У нас не принято ужинать в халате, даже если он тебе идёт! – улыбнулась Ника. – Подожди, я сейчас...

– А Дима – это Деметриос? – спросила Марина Нику.

– Демосфен. Только не называй его так, он не любит.

– А он кто?

Он в турфирме работает, в Москве. А жить в Москве не хочет, говорит, здесь воздух лучше. А мы с мамой живём на Проспекте Мира. Они с Димкиной мамой родные сёстры... были. А теперь Димка один остался и живет как бирюк, а я к нему на выходные приезжаю. Здесь здорово!

– А ты чем занимаешься?

– В Инязе учусь. Окончу и пойду к Димке переводчиком, если возьмёт.

– Он переводчиком работает?

– Хозяином. Это его фирма. Ему переводчики нужны, и чтобы несколько языков знали. Он с ними не особо церемонится, сам работает как ненормальный и других заставляет. Зато зарплата на уровне и кататься можно бесплатно – по всему шарикау! Димка говорит – «мотаться». А сам дотемна

на лыжах бегают... Ненормальный!

– Это кто здесь ненормальный? Огласите весь список, пожалуйста. Я пока вижу только двоих! – присоединился к компании Дима. И уставился на Марину. – В шоколадных джинсах (которые – спасибо Нике! – после стирки в «Боше» приобрели удивительный цвет, здорово сели и теперь красиво облегли фигуру – и Марина с удовольствием в них влезла) и бледно-зелёном пушистом свитере (свитер выбирала Ника) Марина выглядела потрясающе. Она улыбнулась Диме – и у него захватило дух: «Да ты колдунья! Медея!»

– Да ладно тебе, – отмахнулась Марина. – Я тридцать пять лет Медея, только не люблю это имя. Просто – Марина.

– Ха-ха-ха! – заливалась Ника. – Оба вы хороши! Два сапога пара! Придётся тебе, Димка, кирпич купить – и будете вместе кататься... при луне! – веселилась Ника.

– Тридцать пять? Ври больше! Да кто тебе поверит, ты в зеркало глянь! – Дима ухватил Марину за руку и поволок к зеркалу.

– Ух ты... Марина, ты с ним так не шути! Он тебя на каминную полку поставит и пыль вытирать не позволит! – Это Ника, вредная всё-таки девчонка.

...Из зеркала на Марину смотрела Медея. Лицо словно высечено из мрамора древним скульптором. Волосы бронзовыми ручьями сбегают по зелёному свитеру. В глазах застыло удивление. Медея смотрела и молчала. И вдруг сказала

Марининым голосом: «Что уставился? Насмотришься ещё, успеешь...» (Господи, что она такое говорит!). Ника восторженно взвизгнула. Дима покраснел.

– Это не я, это ты уставилась. Давно не видела? – пришёл в себя Демосфен. – Кофе будешь?

– Давай!

– А тортик будешь? Ника, тащи торт!

– Буду. Я всё буду, – заверила его Марина.

– Всё – нельзя. На ночь вредно наедаться, – сообщил ей Дима.

– А тортик на ночь можно? – уточнила Марина.

– А как же тогда кофе пить? Я, знаешь, люблю кофе с пирожными. Сплю после него как убитый младенец («Про младенца – это он здорово!» – прыснула Марина).

– А я думала, ты после десяти километров как убитый спишь...

За дверью раздался короткий смешок. – Тсс-с! – Марина прижала палец к губам – Нас подслушивают... Ника была немедленно изобличена, а торт немедленно разрезан. Он оказался (как, впрочем, и кофе) удивительно вкусным

– Подожди, подожди... Ты уже второй кусок доедаешь, а я только первый. И как в тебе столько помещается? – пытался остановить Марину гостеприимный Дима. Марина смерила взглядом оставшийся кусочек торта и отправила его в рот.

– Ты сегодня сколько пробежал? Десять километров? А я тридцать пять, так что мне можно.

– Опять тридцать пять? Опять врешь?! Боже, кого я в дом привёл... принёс. Врёт и врёт!

– А я два торта купила, – сообщила Ника. – Пойду за вторым, а то вы сейчас подерётесь. Обжоры! Куда в вас помещается, да ещё ночью... – веселилась Ника.

– А спортсмены все такие, бегемота со шкурой сожрут и не заметят.

– А ты спортсмен? – А ты?

– Я – нет. Я спортом никогда не занималась, – призналась Марина. – Только музыкой. – И опустив глаза, взяла с блюда третий кусочек торта и, облизнувшись, запустила в него ложечку.

– А ты вообще... откуда взялась? – спросил наконец Дима. Марина назвала станцию, с которой начался их сегодняшний (или уже вчерашний?) маршрут. – Ого! – присвистнул Дима. – Это ж отсюда километров сорок будет! А говоришь, спортом не занималась... Все бы так не занимались! Да ещё с кирпичом.

Пока он удивлялся и восхищался, Марина уплетала торт, запивая его чёрным кофе без сахара (она всегда пила без сахара – отец приучил) и слизывая с пальцев крем. Ника давилась смехом и сверкала зелёными глазами. Когда от второго торта осталась половина, Ника решительно убрала его со стола. – «Остановитесь! Надо на завтра оставить. Больше у нас нет».

– Сколько в ней жестокости! И это моя сестра... Поставит

в холодильник, и рука не дрогнет! – пожаловался Марине Демосфен, и вся компания отправилась спать.

Марина успела ещё подумать, как приятно засыпать, напившись крепкого кофе и объевшись тортом! И уснула – мгновенно...

Глава XIX. Агапиму

Демосфен

...И так же мгновенно – проснулась.

В овальное окно маленькой спальни светило солнце – Марина забыла опустить жалюзи. Спальня Марине нравилась – как, впрочем, весь этот большой и уютный дом. У неё никогда не будет – такого. Хозяин, наверное, миллионер.

Марина представила, как миллионер нёс её на руках через поле. И её лыжи нёс, и рюкзак с кирпичом, о котором Марина забыла, иначе бы давно от него избавилась. Получилось смешно: Дима шёл, роняя на каждом шагу – то рюкзак, то лыжи, то Марину. Может, поэтому у неё всё болит – каждая клеточка!

Миллионер Марине достался добрый. Он, похоже, не прочь оставить её у себя – дом–то вон какой большой! – судомойкой или горничной. Или любимой игрушкой. Только Марина не останется. Поиграли, и хватит. С ней уже поиграли однажды – и поставили пылиться на полку. На девять лет. А ей до сих пор больно, хотя об этом никто не догадывается.

Не повезло миллионеру: Марину ему не купить за все его миллионы.

Она спустилась по лестнице на первый этаж (сколько же в этом доме лестниц!), достала из рюкзака листок бумаги и написала хозяину дома записку: «Благодарю за приют и

за кофе. Марина». Ещё из рюкзака была извлечена выдавшая виды штормовка. Куртка исчезла бесследно: решительная Ника и впрямь выбросила её вместе со свитером. Ну и пусть. Ехать—то всего ничего, километров десять. Вчера Дима, уступив настойчивой просьбе Марины, подробно объяснил ей дорогу: через лесок до шоссе метров триста, если напрямик ехать, а вдоль шоссе — лыжня до самой станции. Теперь она не заблудится!

Марине неловко было увозить Никин свитер, но другого выхода не было: в штормовке без свитера ей не выжить. Деньги за свитер она оставила рядом с запиской.

Щёлкнув задвижкой, Марина открыла входную дверь — и на крыльце обнаружила свои лыжи. На правом креплении блестела новенькая дужка. — Димка починил! И когда успел? — восхитилась Марина. Неужели она его больше не увидит, как же она будет без него?

А может, ничего и не было? Может, ей всё приснилось? Этот возникший ниоткуда дом, и их ночное пиршество, и волшебное зеркало, в котором она увидела себя прежнюю, какой была когда-то ... когда была счастлива. И Демосфен, который весь вечер не сводил с неё глаз...

Марина решительно закрыла за собой дверь. На лыжах она быстро доедет. Вот только с волосами — что делать? Платка у неё больше нет. Марина чуть не заплакала от досады. Ну как ей ехать с такой гривой, ведь шею все свернут,

оборачиваясь... Как вчера Дима. Недолго думая, она связала непокорные волосы бечёвкой от лыж, перехватив их в нескольких местах. Обмотала концы бечёвки вокруг головы и затянула крепким узлом. Если бы она могла посмотреть в зеркало, то увидела бы, что причёска получилась в точности как у античных красавиц, которых изображали на амфорах и кувшинах. Но зеркальце лежало в рюкзаке, и доставать его Марина не стала.

Всё. Можно ехать! – Марина встала на лыжи, но доехать ей удалось только до ворот, запертых на магнитный замок. Досадно. Но возвращаться Марина не собиралась. Она сняла лыжи и оценивающе оглядела ограду – чугунное литьё с замысловатыми завитушками. «Димка всё-таки дурак. Перелезть – минутное дело!» – подумала Марина и, прислонив к ограде лыжи, поставила ногу в лыжном ботинке на чугунный завиток...

Она была уже почти наверху, когда её схватили сильные руки и бесцеремонно стащили с ограды. – «Это что, такая утренняя гимнастика? Слинять, значит, решила? А кирпич забыла? А тортик доедать кто будет?» – обиженно спросил знакомый голос. Марина безуспешно пыталась выбраться из железного кольца рук.

– Пусти, медведь... Спину сломаешь! – Кольцо немного ослабло, но не разжалось. Демосфен стоял, прижимая к себе Марину и уткнувшись лицом в тугий узел бронзовых волос.

– И ты вот так – можешь уйти?! – голос Демосфена дрог-

нул. – Девочка моя! Нельзя же так, в одном свитере... Ты же замёрзнешь опять... Агапиму (греч.: любимая).

– Так уж сразу и агапиму? – сварливо возразила Марина. – Замёрзнешь... А кто мою куртку выбросил? – бурчала Марина, прижимаясь щекой к его мохнатому свитеру.

– А куртку мы с тобой купим, здесь недалеко бутик. Я тебя отвезу, у меня в гараже мерин. Но как же ты могла – вот так уйти? Как ты могла?!

– Мерин? Мы что, на лошади поедем? – удивилась Марина. И услышала в ответ: «Вот дура! Это я так мерс зову. Мерседес. Ну, пошли завтракать».

– А если я скажу – нет?

– Тогда отвезу тебя домой. Только давай сначала позавтракаем. Ты пиццу любишь? Ника её уже в микроволновку поставила и тортик нарезала.

И они отправились завтракать.

Бутик

После завтрака Дима повёз Марину домой. Ника устроилась на заднем сиденье роскошного серебристого «мерседеса» – «Я с вами!»

– Там бутик по дороге. Заедем, и отвезу тебя домой, – миролюбиво ответил Дима на безапелляционное заявление Марины: «Я домой поеду. Загостились у вас». Как это он так быстро согласился? – удивилась про себя Марина. Демосфен явно не хотел её отпускать, и Марина об этом знала. Он и сейчас держал её за руку, а другой рукой держал руль. Ма-

рина отняла руку.

– А ты не убежишь?

– Это зависит от того, как ты будешь себя вести.

Ника, в присутствии Марины говорившая с братом по-русски, по дороге к бутику ныла на двух языках попеременно.

– Ди-иим, а ты деньги взял? (вредный Дима погремел в кармане мелочью). – Та псила? (греч.: мелкие деньги, мелочь) – поддела брата Ника. Ты же мне обеща-аал, там такая шубка!

– Я карточку взял.

– А денег хватит? У тебя там сколько?

– Не знаю, может хватит, может нет, там посмотрим, – отвечал сестре безжалостный Дима, и Ника начинала снова: «Ди-иим! А на шубку хватит? И к ней ещё сапожки, там такие сапожки! Ну, Демос! Паракало! (греч.: прошу, пожалуйста).

Ника странно произносила слова, и Марина не выдержала: «Хримата. Правильно говорить – хримата, а не кремата». (Демосфен подавил смешок).

– Это одно и то же, – огрызнулась Ника. – У вас так говорят, а у нас так.

– У нас говорят: деревянные! – рассмеялась Марина.

– Это у неё островной диалект, – вклинился в разговор Дима. – Её на летние каникулы к бабушке отправляли, в де-

ревню, там и набралась... Деревенская девчонка, что с неё спросишь...

Ника надулась и замолчала. Демосфен «добивал» сестру: «Ох, и достанется кому-то жена... В два счёта превратит миллиардера в миллионера, умеет это делать!»

Сзади всхлипнули. Нику надо было выручать, и Марина спросила: «Тебя уже сделала?»

– Меня она довела до порога нищеты, – серьёзно ответил Демосфен. – Мне кредит за коттедж десять лет выплачивать, плюс проценты. Мне машину новую покупать... А она на шубе этой помешалась, ей, видите ли, она к лицу! Мне, может, вила в Нище к лицу? Я ж не покупаю!

– Да ты уже купил... домик экономкласса, – отозвалась из угла Ника. – На сто первом километре от столицы.

Ответом было возмущенное сопение.

Когда они наконец доехали до магазинчика, Демосфен, как настоящий мужчина, молчал, Марину душил смех, и она с трудом его сдерживала, а Ника ныла и скулила, как молодой щенок. И оказалась права – песцовая шубка–свингер и впрямь была великолепной. Как и всё в этом необыкновенном бутике.

Ника схватила вожаделенную шубку и исчезла в кабинке, чуть не сбив с ног девушку-консультанта.

– Здравствуйте, меня зовут Светлана. Я могу вам помочь?

Демосфен что-то тихо ей сказал, и через минуту она вынырнула откуда-то из недр магазина, держа на вытянутых руках переливчатое синее платье, на котором сверкали голубыми льдинками стразы (или это были не стразы?) Марина ахнула... Наверное, в таких одеждах танцевали феи в лунном свете.

А когда она вышла из примерочной в этом необыкновенном платье, ахнул Демосфен... А Светлана уже несла в примерочную целый ворох отобранных Демосфеном вещей. – «Мне ничего не надо, – твёрдо сказала Марина. – Я не буду это носить!». Демосфен посмотрел Марине в глаза и, взяв её за плечи, мягко подтолкнул к дверям кабинки: «Будешь. Ты будешь носить то, что я скажу». Он говорил – и улыбался. И Марина уступила. И пропала в примерочной на полчаса...

Демосфен терпеливо ждал. Запыхавшаяся Светлана сновала как челнок, перетаскивая туда-сюда вороха одежды: покупательница оказалась привередливой.

Покидая гостеприимный бутик, они уносили две объёмистые сумки. Ника прижимала к груди третью – с песцовой шубкой, по которой скулила всю дорогу.

– Песец – это для подростков, – объявил сестре безжалостный Дима. – А тебе мы подберём что-нибудь приличное, – повернулся он к Марине. Марина, уставшая ему возражать, покорно ждала. Тем более, что возражать было бесполезно...

Дима о чём-то пошептался с хозяином бутика, который

вышел проводить гостей и с которым Дима целый час просидел за накрытым гостевым столиком, выпив несчётное количество кофе и выкурив дорогую сигару. От коньяка пришлось отказаться – Дима был за рулём. Он пошептался о чём-то с хозяином, и тот принёс Марине изящного покроя шубку необыкновенного голубовато-серого цвета, так подходившего к её волосам. У Марины захватило дух – голубая норка!

– Нет, нет! Не надо! – сказала Марина. – Но шуба оказалась у неё на плечах, а нетерпеливые руки Демосфена уже распустили хитрые узлы лыжной бечёвки, выпустив из плена её волосы, и завязали на талии Марины жемчужно-серый пояс. В шубе было тепло и уютно. Марина попыталась её снять и вернуть обратно в магазин: она знала цену вещам и представляла, сколько может стоить такое чудо (вернее, не представляла – цена была запредельной). Но Дима не позволил ей это сделать, железной хваткой стиснул Маринины плечи и вывел из магазина.

– Стой тут, я расплачусь, сумки возьму, потом Нику домой забросим, и к тебе» – буднично сказал Дима, словно они всегда так возвращались – втроём.

...Серебристый «мерседес» остановился у подъезда, и Марина вышла, придерживая обеими руками длинную шубу. По серому жемчугу меха рассыпались бронзовые волосы.

– Здравствуйте, Мариночка! Вас и не узнать! – привет-

ствовали её вездесущие соседки. И долго смотрели вслед.

– Ну вот, а ты хотела – в штормовке и с кирпичом. На лошади! – напомнил Марине Демосфен, навьюченный как та самая лошадь. Через две недели – самых счастливых в жизни Марины – они переехали к Диме: в коттедже было удобнее. Во всяком случае – удобнее Демосфену, и Марина согласилась с мужем.

Демосфен готов был выполнить любое её желание, и Марина соглашалась, потому что было бесполезно возражать. Ему нравилось, что она соглашается – в противоположность упрямой и своевольной Нике, которую оба с нетерпением ждали каждую пятницу.

Через год у них родились близнецы – мальчик и девочка. Дети были здоровые и красивые. Сына они назвали Анастасом, а дочку Адрианой. Это – когда вырастут. А пока Марина звала их Стасиком и Анечкой, и Дима не возражал...

Часть вторая. На другом берегу

Глава XX. Столица нома Аттики

Другие берега

Ветер пах цветущими апельсинами и мятой. Марина сидела в плетёном кресле-качалке и лениво думала: чем ещё? – Анисом, розмарином, кардамоном и тмином! Марина улыбнулась: как же иначе? В их маленькой кондитерской к чаю всегда подавали выпечку – пирожки, булочки и домашнее печенье.

Пирожки здесь пекли особые – по старым, забытым рецептам, которых сегодня уже не найти в кулинарных книгах. Марин привезла с собой в Афины факсимильное издание «Записок по курсу кулинарной школы»

«Никитский бульвар, собственный дом, №13.

Типография Г.Г. Аралова, Москва, Тверская, угол Леонтьевского пер.» – затейливой старославянской вязью значилось на обложке.

Если бы три года назад Марине сказали, что она будет жить в собственном доме, да не где-нибудь, а в Афинах – столице нома Аттики, да не где-нибудь, а на улице Тодороса Колокотрониса, – она бы рассмеялась.

Три года назад Марина не представляла себе, что свои-

ми глазами увидит древний храм Посейдона в Сунионе, от которого сохранились огромные колонны (местные жители называли его «каво–колонес» (мыс с колоннами, греч.), будет собирать виноград в Каливатосе, а за арбузами и дынями ездить на остров Кос (они слаще даже узбекских, дыни с острова Кос!). Что побывает на многочисленных островах – Родос, Сими, Нимос, Нисирос, Крит... Что будет готовить голубцы в листьях цикламена, которые очень нравились детям (а Марина больше любила капустные). Что будет жить в собственном доме в центре Афин – пусть и в небольшом, всего два этажа

На втором этаже располагалась квартира, выше – мансарда с крышей-террасой, где они с мужем любили сумерничать вечерами, уложив детей. Они сидели обнявшись и слушали любимые песни, а сверху их обнимало чёрное бархатное небо с голубыми сапфирами звёзд. Марина до сих пор не могла привыкнуть к тому, что оно так близко. Однажды она шутя вспрыгнула на скамью и протянула к небу руки: «Хочешь, достану тебе звезду?». Демосфен сгрёб жену в охапку и, бережно опустив на ноги, помотал головой: «Охи (нет). Уже достал». И добавил: «Ты осторожнее! Иногда звёзды падают»...

Другая жизнь

С того дня, как они переехали в Афины, всё и всегда было так, как хотела Марина. Они объездили всю страну (что оказалось нетрудно), взяв напрокат шикарные мотоциклы.

– Медовый месяц на «Ямахе» – смеялась Марина (водить она научилась ещё в России).

– Медовый месяц у нас с тобой был пять лет назад, – напомнил жене Демосфен.

– Да? – Удивилась Марина. – А мне кажется, он ещё не закончился!

Они побывали везде, где только можно было побывать. Марина своими глазами увидела древние скульптуры из Микен, Спарты, Пилоса, Фессалии, с Кикладских островов... Демосфен отовсюду увозил с собой их миниатюрные копии, и дом стал напоминать Марине второй этаж Пушкинского музея изобразительных искусств на Волхонке.

А первый этаж целиком занимала кондитерская: небольшая, всего двенадцать столиков. Торговали в кондитерской и «на вынос» – всем хотелось унести домой пакет горячих, тающих во рту пирожков, и покупателей у них хватало. Пирожки просто разлетались!

На кухне работали шестеро женщин. Марина наняла их очень простым способом: дала в местной газете объявление на русском языке (!) без перевода (!), рассудив, что русская кухня в русском исполнении только выиграет. – «Пирожки в авторской редакции!» – смеялась Марина. Демосфен ей не мешал.

На объявление откликнулись сразу же. И в просторной пекарне, оборудованной мощными вытяжками и итальянской техникой (Демосфен и не ждал, что Марина выберет грече-

скую), журчащим ручейком лилась русская речь, и на душе у Марины теплело, стоило ей войти...

В больших жарочных шкафах пеклись воздушные заварные куличи; затейливо плетёные, облитые сладкой помадкой выборгские кренделя; сдобные колбовые пирожки с нездешними начинками: с капустой и белыми грибами, с картошкой и жареным луком, с рисом, изюмом и яйцом, а ещё морковные и яблочные...

На плите в глубоких сотейниках жарились в кипящем оливковом масле пузатые левашники (маленькие пирожки из тонкого теста на коньяке) с начинкой их абрикосового, персикового, яблочного и сливового повидла. Подавались левашники подсушенными на салфетках (чтобы стекло масло) и посыпанными сахарной пудрой.

А твёрдые витые маковники, которые так непросто разгрызть! А забавные крендельки в виде фигурок – куколки, домики, черепашки, ёлочки – которые так полюбились детям (ведь прежде чем съесть, с ними можно было поиграть!)

Пирожки расхватывали на лету, и работы на кухне хватало. Хозяйка работницам нравилась – тихая, немногословная, всегда приветливая. Но, как говорится, в тихом омуте черти водятся! Уступчивая Марина, когда дело касалось главного – то есть рецептуры пирогов и плюшек – превращалась в настоящую мегеру: топала ногами и требовала неукоснительного соблюдения каждой буквы и каждой запятой драгоценных старинных рецептов, всерьёз угрожая увольнением.

Причём никогда не кричала, ледяным голосом чеканя слова.

– Шаг вправо, шаг влево – расстрел! – шутили работницы, замешивая тесто. – Впрочем, шутили они только в отсутствие Марины. А после того, как Марина уволила одну незадачливую «пирожницу», сказавшую ей: «Да сдалась мне твоя книжка, я и сама с руками, что я, пирогов не напеку?» – шутить перестали. Марина уволила работницу без сожаления, и пока не нашла замену – стояла у плиты сама: сезон в разгаре, покупатели валом валили.

Пятеро оставшихся у Марины работниц, конечно, справились бы с работой. Но пострадали бы пирожки, а этого Марина допустить не могла.

Первый раз в жизни ем пирожки, испечённые искусствоведом! – смеялась приехавшая к ним на зимние каникулы Ника, уминая за обе щеки всё, что ставила перед ней Марина. – Это круто!

Остальным, включая Марину, было тогда не до смеха. К счастью, замена нашлась быстро...

– Ешь, ешь. Похудела–то как! – Марина закармливала Нику пирожками, с удовольствием наблюдая, как она ест – жмурясь от удовольствия и облизывая пальцы. Сама Марина есть не успевала: договор с издательством не ждал, и переводить приходилось ночами, как когда–то в Москве. Благодарение богу, замена нашлась быстро...

Кормили в кондитерской по–русски: то есть брякали на

стол всё сразу – и каждый выбирал, что ему нравится. У них уже появились постоянные покупатели, уносившие с собой красивые фирменные пакеты со свежей выпечкой (Демосфен их заказывал специально, с надписями на двух языках: «У самовара я и моя Маша», «Не красна изба углами – красна пирогами», «Чай пить – не дрова рубить»).

Были и завсегдатаи, любившие посидеть у Марины за чашечкой кофе или чая. Кондитерская так и называлась – «У Марины»

Кофе в кондитерской был на все вкусы: традиционный турецкий; экзотический индийский – с гвоздикой и чёрным перцем; изысканный арабский – с яичным желтком, с карамелью и много ещё с чем; мягкий, бархатный варшавский – со взбитыми сливками, и восхитительный глясе с шариком сливочного мороженого в запотевшем от холода стеклянном бокале с обязательной соломинкой – бело-голубой, в традиционных национальных цветах. – Марина была выдумщица!

На высоких табуретах красовались пушистые коврики с забавными «бомбошками», вместо традиционных ламповых плафонов и столь же традиционных свечей – с потолка свисали тканевые абажуры цвета густых сливок с золотой бахромой. На стенах висели связки баранок и сушек, и можно было брать, кому что нравится. На столике в углу – красовался пузатый ведёрный самовар с горячим чаем. Здесь же – блюдечки с листиками мяты, лимоном и сахаром, стаканы в затейливых железных подстаканниках. Марина привезла их

из России и искренне верила, что чай в таких стаканах вкуснее.

За стойкой бара размещалась жаровня с горячим песком, в котором томились медные турки с кофе. У жаровни колдовал паренёк лет шестнадцати. Жонглируя турками с ловкостью профессионального фокусника, паренёк успевал управляться с двумя кофемашинами и улыбаться клиентам. Улыбался он так же, как варил кофе, – неотразимо.

– Где ты его нашла? Красивый, как Нарцисс, и кофе у него получается божественный! – говорили Марине соседки. Немногословная Марина пожимала плечами – «Сам пришёл, я не искала». Соседки ей, конечно же, не верили...

Глава XXI. Выдумщики

Носящий имя бога

Марина не лукавила: Дионис – так звали паренька. и впрямь, как бога! – просто шёл по улице Тодороса Колоко-
трониса. У кондитерской ноги Диониса сами замедлили шаг,
и вдохнув сытный запах пирогов, он восхищенно вымолвил:
«Ты ностымо! Как вкусно... пахнет!»

– А ты зайди и попробуй! – пригласила его Марина.

– Да я... не хочу, я вообще-то завтракал» – огорчённо
протянул Дионис.

– Не при деньгах? Но я ведь тебя угощаю, просто попро-
буй, не надо платить, – улыбнулась ему Марина (есть же на
свете такие парни! – прекрасен как бог, а разве у богов бы-
вают деньги?)

– Ммм, – восторженно промычал паренёк, откусив сра-
зу полпирожка, – ммм-мм... Пицца богов!» – И, поблагода-
рив Марину, поднялся из-за стола, но почувствовал на своих
плечах ласковые и сильные руки. И подчиняясь этим рукам,
опустился на стул.

– Значит, завтракал уже? Всё с тобой ясно! – рассмеялась
Марина. – Попробуй ещё вот эти, – и поставила перед ним
миску, полную ароматных, жаренных в кипящем масле ле-
вашников. – Только осторожнее, они прямо с огня, губы не
обожги!

Дионис её уже не слышал: закинув левашник в рот целиком, он с упоением жевал, обжигаясь горячим как лава повидлом. Марина смотрела, как он ест, прикрывая от удовольствия глаза – в точности как она сама!

Остановился Дионис, когда миска перед ним опустела. И сказал удивлённо: «Неужели я всё съел?! Я нечаянно!» – и Марина расхохоталась: губы у паренька были измазаны повидлом, щеки и нос в сахарной пудре – сам как левашник! – а глаза, ставшие от удивления ещё больше, уже не умещались на лице!

– А хочешь, я отработаю? – перешёл на «ты» паренёк и даже не заметил этого (с Мариной было легко). Может быть, тебе... вам... нужен работник? – смущенно бормотал Дионис. (Вот сейчас она скажет: мал ещё, подрастёшь – приходи. Или ещё что-нибудь такое скажет...)

– А что ты умеешь делать? – сказала Марина.

– Я умею варить кофе, – улыбнулся Дионис. – А этот (он отодвинул стоящую перед ним чашку) – этот не настоящий. Хочешь, я сварю тебе – настоящий?

– Хочу, – просто ответила Марина. Дионис оказался настоящей находкой, и в том, что маленькая кондитерская полюбилась афинянам, была немалая заслуга выдумщика и фантазёра Диониса – мальчика, носящего имя бога...

Кондитерская

Марина тоже была выдумщицей. Это она придумала – открыть кондитерскую. Демосфен хотел – ресторанчик. Но

Марина впервые возразила мужу: «Ресторанов в Афинах много, зачем ещё один? А кафе–кондитерская с горячими пирожками идеально подходит для завтрака. К нам будут ходить! Я умею печь пирожки». Демосфен давно убедился в том, что это не пустые слова: готовить Марина умела.

– Но ты не справишься одна, – только и сказал ей Демосфен.

– Не беспокойся! Если бог дал нам это кафе, он позаботится и о работниках.

«Как в воду глядела!» – думал Демосфен. Ещё он думал о покупке дома напротив. Дом продавался, а кондитерскую требовалось расширять: желающих позавтракать русскими пирогами было уже больше, чем вмещало их маленькое кафе, да и днём приходили – посидеть.

Женщины листали модные журналы (Демосфен привёз их целую кипу – из Парижа и из Рима, куда они с Мариной ездили «развезаться» и, как выражалась Марина, «накрутить километраж») и трещали без умолку, заедая разговоры пирожками, а пирожки запивая чаем из настоящего русского самовара. Самовар стоял на специальном угловом столике, и посетители, отвернув фасонистый краник, сами наливали себе чай, доливая заварку из бокастого расписного чайничка, стоящего на самоварной крышке – чтобы не остыл. За чай у Марины не требовали платы – пей сколько хочешь, не жалко.

Женщины наслаждались беседой, дети хрустели печеньем

и сосали через соломинку ледяной кофе-гляссе, в котором плавал шарик пломбира. Играли с забавными игрушками-кренделюшками, как их называли Маринины близнецы Аня и Стас. Впрочем, Демосфен всегда звал детей полными именами.

Дети грызли печенье и маковники, мужчины вели длинные неторопливые разговоры, прихлёбывая кофе из маленьких чашечек (на столе перед каждым стояло пять–шесть – уже пустых). Чашки были гордостью Демосфена, их изготовили по специальному заказу: на чёрном фоне – бирюзовые стилизованные волны, в центре каждого блюдечка – медно-волосая женская головка в бирюзовом овале, с гордо поднятым подбородком и завораживающим ледяным взглядом застывших глаз, – так похожая на Марину!

Прежде чем поставить чашку на блюдечко, мужчины восхищенно цокали языками. «Ах, какая женщина! Царица!» – услышала как–то Марина («Ах, какая женщина, какая женщина... Мне б такую!») – вспомнилась Марине популярная в России песня, и она неприметно вздохнула.

Ей хотелось в Москву, в их с Демосфеном загородный дом, который они почти выкупили (а собирались десять лет вносить по кредиту), в лес, где с вековых могучих елей тихо падают снежинки, где в призрачном свете луны танцуют на поляне феи... Демосфен возьмёт отпуск, и они отправятся домой! И целых две недели будут кататься на лыжах (а может быть, целый месяц!). А потом вернутся в Афины, где будут

жить до лета.

Дорогие гости

Летом они забирали детей и уезжали домой, как упрямо говорила мужу Марина. Теплолюбивая Марина, хотя и не была любительницей трескучих морозов, но афинское огнедышащее лето переносила ещё тяжелее. Солнце свирепствовало повсюду, раскаляя добела афинские улицы. Каменные мостовые, казалось, вот-вот расплавятся. Жизнь замирала, скрываясь в домах и офисах, где мощные кондиционеры работали на износ.

И только поздним вечером, когда спадала жара, улицы заполнялись людьми, открывались магазины, кафе, рестораны – и до самого утра здесь бурлила жизнь, и можно было спокойно ходить по улицам...

Марина не любила многолюдных улиц и ночных посиделок, и однажды заснула прямо в ресторане – и Демосфен, под завистливо-восторженные взгляды афинян, на руках отнёс её в машину и привёз домой... И сдался!

На лето кондитерская закрывалась, и вся семья уезжала в Россию. Да и кому в сорокаградусную жару взбредёт в голову есть горячие пирожки. А осенью – возвращались: детям пора было в школу. И снова плыл из дверей кондитерской восхитительный аромат свежееобжаренных кофейных зёрен... Кофе здесь подавали с огня, горячий, густой и необыкновенно вкусный: Марина с Дионисом добавляли в него... Стоп! Не будем выдавать чужих секретов! Рецептов приготовления

кофе Марины не давала никому, даже Нонне.

Прошлой зимой Нонна с Павлом гостили у них. Сидели за полночь на веранде, пили греческую мастику и русскую водку, ели жаренную на углях рыбу – утреннего улова, пояснила Марина. И встретив недоверчивые взгляды гостей, улыбнулась – «Здесь не бывает другой, море рядом!»

В море все четверо наплавались, по выражению Демосфена, до свинячьего восторга.

– Вода градусов двадцать, и это в декабре! Я балдею! – это Нонна.

– Семнадцать, – поправила Нонну Марина. – Самое то!

– А чего это все на нас уставились? – Нонна махнула рукой в сторону пляжа, где, расположившись целыми семьями, загорали афиняне (было воскресенье). В воду, однако, никто не заходил, даже дети.

– Да не обращай внимания. Здесь не принято купаться зимой, считается, что вода ледяная... Их бы к нам! – фыркнула Марина. – Зимой здесь только русские купаются.

– Это ты–то русская? – поддела её Нонна. – Я до сих пор не знаю, кто ты...

– Раз я купаюсь, значит русская, – объяснила Марина, и все четверо долго хохотали, балуясь и брызгаясь.

И теперь сидели на террасе, пили знаменитый греческий коньяк «Метакса», слушали музыку и грызли жареный миндаль. Разговор сам собой свернул на походы выходного дня,

в которые Павел с Нонной ходили до сих пор. Воспоминаниям не было конца...

Глава XXII. Воспоминания

Восемь лет назад...

Демосфен тактично ушёл в дом, оставив Марину с её друзьями. Он всегда угадывал её желания, даже невысказанные.

– Ну, оставляю вас. Только костёр, пожалуйста, не разводите на террасе! – прижав к груди руки в умоляющем жесте, не удержался Демосфен. И все четверо рассмеялись.

...Демосфен включил телевизор. С террасы доносились взрывы смеха, заглушая звук. Демосфен улыбался. Он знал, как дороги Марине её немногочисленные друзья. А на террасе веселились вовсю: тархтела без умолку Нонна, пытаясь за один вечер рассказать всё случившееся за год; хорошо поставленным баритоном гудел Павел, серебристым колокольчиком рассыпался смех Марины.

Демосфену нравилось, когда она так смеялась. Он помнил другую Марину – неулыбчивую, молчаливую. Помнил, как она не поднимая головы корпела над переводами и наотрез отказывалась уехать. Договор с издательством Марина не расторгла и до сих пор продолжала работать, хотя Демосфен был против.

– Замужняя женщина не должна работать, этим занимаются мужчины. В Греции женщины работают, только если они не замужем.

– Мы не в Греции, – был ответ. (Марина ни за что на све-

те не рассказала бы мужу о том, как заявил в суде Илья: «Я работал на двух работах, а жена училась, сидела дома». – «С ребёнком сидела?» – уточнила судья. – «Нет, ребёнка мы поместили в интернат»...)

– Марина! Мне перед людьми стыдно, что ты до сих пор работаешь. Ну, как я скажу друзьям, в фирме – как скажу? Засмеют ведь, скажут, жену обеспечить не может, – пробовал увещевать жену Демосфен – У нас это не принято.

– У кого это у вас? – ошетиливалась Марина. – Из издательства я не уйду, и не уговаривай! Это мы уже проходили...

Демосфен её не понял, но переспрашивать не стал: Марина, отвернувшись и вытерла ладонями щёки. Демосфен обнял её за плечи и зарылся лицом в мягкие волосы. – «Ну чего ты?» – «Нн-ничего, – с запинкой ответила Марина и вытерла кулаком нос. – Просто я задумалась» Демосфен чмокнул её в мокрый нос и выдал: «Жена не должна думать, думает и решает в семье мужчина». – И встретил недоумённый взгляд...

Не понимает! Не понимает шуток, всё у неё всерьёз. А я её до слёз довёл, – расстроился Демосфен.

– Ты что-нибудь хочешь? – вдруг спросила Марина. – так скажи, я сделаю. Только не надо так шутить.

– Хочу! Хочу, чтобы ты проснулась, спящая ты царица!

– Тогда свари мне кофе. Сюда принеси, – потребовала Марина, и Демосфен помчался на кухню, и оттуда донёсся его радостный голос: «А мы кофе с чем будем пить? С тортиком?»

Или с плюшками-финтифлюшками?

– Это не финтифлюшки, а выборгские кренделя, – оскорбилась Марина.

– Я и говорю, с кренделюшками. Я так и думал, – выкрутился Демосфен.

– Думал он... А кто-то собирался думать за двоих, – напомнила мужу Марина, и тот удивлённо на неё уставился. Как ловко она «вернула подачу», с ней надо осторожно. Колдунья и есть!

Три года назад

Демосфен сидел в темноте, уставясь в телевизор невидящими глазами. Демосфен был – далеко...

Это случилось три года назад. Близнецы заболели – как всегда, вместе, и как всегда, тяжело: с кашлем и высокой температурой, которая никак не хотела спадать. «Ничего серьёзного, обычная простуда, но в данном случае я настоятельно рекомендую больницу» – сказался Марине врач.

От больницы Марина отказалась. Обтирала детей спиртовым раствором, сбивая жар (других лекарств она не признавала), но температура, опустившись, снова поднималась. Когда термометр показал тридцать девять и восемь, Марина, отчаявшись, наморозила полный холодильник льда.

– Ты льдом их собралась кормить? Они и так кашляют! – возмутился Демосфен, но Марина не обратила на его слова никакого внимания. – «Принеси два полотенца. Махровых, больших. Быстро!» – велела она мужу.

Напустила полную ванну холодной воды и бухнула в неё весь приготовленный лёд. Потом вынула детей из кроваток и, сдёрнув с них пижамки, подхватила обоих на руки.

– Марина!! Ты что делаешь?! Они тяжёлые, им по пять уже!..

Не слушая мужа, Марина с трудом донесла детей до дверей ванной комнаты и, зажмурившись, бултыхнула их в ледяную воду. Близнецы заорали так, что у Марины заложило уши, но она терпела, удерживая детей в воде и уговаривая: «Ещё чуть-чуть, две минуточки – и всё! Вы у меня молодцы, другие бы так не смогли, не выдержали. Вы смелые и отважные...» – бормотала Марина, отметив между прочим, что дети орал на греческом нечто недопустимое. – «Всыпать бы вам за такие слова!» – в сердцах сказала Марина.

На крик прибежал Демосфен, с полотенцами, в которые близнецы были немедленно завёрнуты и отнесены в детскую.

– Ты что творишь?! – шипел на жену Демосфен. – Не мать, а мегера!

– Я не мегера, – обиделась Марина. – Меня родители так лечили, ледяной водой. Холодно, конечно, зато температура сразу опускается. И не ори, они спят уже, разбудишь.

Дети, согревшись в махровых пушистых коконах, и в самом деле уже спали, сладко посапывая. Демосфен положил ладони на детские лобики и удивился: холодные!

После ледяного купания болезнь отступила. Утром дети дружно потребовали своих любимых «кренделюшек». Демо-

сфен удивлялся, Марина пекла близнецам печенье, поила их клюквенным морсом и читала любимые сказки. А когда температура опять подскакивала до тридцати девяти – шла морозить лёд.

Когда Анечка со Стасом поправились, Марина вспомнила о цветах. В её московской квартире осталось много цветов, и Марина каждую неделю ездила их поливать. И вот – оставила на целый месяц!

В почтовом ящике Марину ждало письмо из Афин. На штемпеле стояла дата месячной давности. Адрес Марина знала, но почерк на конверте был незнакомым. Отец до сих пор писал Марине, но она складывала письма не читая. Демосфен так и не смог заставить её ответить отцу.

Вернувшись с работы, Демосфен застал жену в слезах.

– Понимаешь, он умер... умер! А я так и не сказала ему, что люблю его! Я не успела... а теперь некому – говорить, – плакала Марина, и Демосфен не знал, чем её утешить.

Письмо было коротким: «Отец умер (дата месячной давности). Похоронила (дата месячной давности). Приезжай. Лена Метафиди».

– А как ты его прочитала? Оно на греческом, а ты его не знаешь до сих пор, – не удержался Демосфен. – Ты со словарём читала?

От возмущения Марина перестала плакать и смотрела на мужа злыми глазами: «Ты сам-то помнишь, на каком языке со мной разговариваешь? И с детьми... Кстати, ты слышал,

что они говорили в ванной? Кто их научил таким словам? Я с тобой разведусь, ты дождёшься... А в словарь я только иногда заглядываю, – надулась обиженная Марина Демосфен улыбнулся: злится как мегера, зато забыла о слезах.

Ехать на похороны было уже поздно. Но они поехали, оставив детей на попечение Ники и её мамы.

Глава XXIII. Сердце Магдалены

В доме своего отца

Лена встретила их в аэропорту. Марина видела жену своего отца впервые и была удивлена: не молоденькая, да и не красавица. На монашку похожа. Тоже ещё... Нашёл себе, понимаешь, жену! Марина молча села в такси и за всю дорогу не промолвила ни слова. «Она не виновата, – думала Марина. – Она ни в чём передо мной не виновата, но мне тяжело её видеть. А интересно, что ей отец обо мне рассказывал?»

«Она не виновата, что не смогла простить отца, – думала Магдалена, разглядывая в зеркале сидящую сзади Марину. – А у неё красивое лицо. Почти классическое. И фигура. Скопас вполне мог бы лепить с неё свою Нику (прим.: древнегреческий скульптор, изваявший знаменитую Нику Самофракийскую). Дочка Харилаоса!» Марина очень удивилась бы, узнав, что Магдалена знает о ней всё: Демосфен тайком от жены отвечал на письма её отца.

Дорога, петляя и прижимаясь к горе, понималась всё выше, и когда такси наконец остановилось, у Марины словно оборвалось сердце – и полетело, паря над землёй... Далеко внизу расстилалось море – голубое как небо. Марина впервые в жизни видела Эгейское море. Какая высота! Всё побережье как на ладони. И острова! А вдали, в голубой дымке – Турция!

Пройдя через маленький садик – два апельсиновых дерева, три оливы и грецкий орех – Марина оказалась в доме своего отца. Дом ей понравился: его любили, о нём заботились, и дом тоже заботился о своих хозяевах, даря им тепло и уют. Марина оценила всё: расшитую шелками скатерть (ручной работы), пышные занавески с фестонами, затейливые салфетки–ришелье и разноцветные герани на подоконнике. Марина выглянула в окно: прямо под окном на широкой грядке росла мята, анис и сельдерей. И пышные, буйно цветущие герани!

Герань любила Маринына мама, и она всегда у них росла. А без сельдерея в их доме не готовили ни одно блюдо. Сырели, положив сверху веточку душистого сельдерея, добавляли его в творог, в брынзу, в борщ...

– Это Харилаос посадил, – проследив за взглядом Марины, тихо сказала Магдалена.

– Кто? – удивилась Марина.

– Да отец твой, Харилаос.

– Какой Харилаос?

– Ты не знала, как звали твоего отца?

– Почему не знала? – удивилась Марина. – Его Хараламбосом звали. Я же Марина Харалампиевна.

Настал черёд удивляться Магдалене: «Как – Марина? Ты Медея. Тебе не нравится твоё имя?»

– А там что? – вместо ответа Марина показала на стоящую во дворе цистерну.

– Вода у нас привозная, другой здесь нет. У нас хорошая вода, сладкая, и мыло в ней хорошо пенится. В Афинах вода хуже, и на вкус другая. – Магдалена протянула ей стакан. Вода и вправду оказалась вкусной.

– Это всё твоё, – сказала вдруг Лена, и Марина её не поняла.

– Что – всё?

– Всё. Мы так решили. Отец завещал тебе всё: и этот дом, и квартиру в Афинах, и магазин... Это внизу, в городе. Два часа езды. Машина в гараже тоже твоя. Отдохнёте, потом отвезу вас на кладбище. Потом поедем к нотариусу.

– А вы? А что же вам? – спросила Марина.

– Я уеду. Вы не беспокойтесь, я вещи уже собрала.... – Магдалена помолчала и задала вопрос, которого Марина не ожидала от неё услышать: «А дети? Ты не привезла их с собой? Жаль... Я так хотела их увидеть! Анастас похож на Харилаоса, а Адриана на тебя, и на Демосфена тоже. (Демосфен ревниво засопел: он считал, что сын похож на него)

– Но откуда вы.... – Марина потеряла дар речи. – Откуда вы знаете?! Вы же их никогда не видели.

Вместо ответа Магдалена прошла в спальню. На стене висела фотография. У них дома была такая же: они фотографировались в Ботаническом саду, под большой раскидистой яблоней. Марина с детьми сидела на траве, розовой от яблоневого облетевшего цвета. В смоляных волосах Адрианы красовался розовый бант – словно цветок яблони. Стас креп-

ко держал сестренку за руку: близнецы на фотографии были неразлучны, как и в жизни. Под фотографией горела лампадка.

– Это я прислал, – со вздохом признался Демосфен. – И отцу твоему написал про нас с тобой – что мы счастливы и что у него есть внуки. Я правильно поступил? Ты не сердишься? – Марина молча уткнулась лицом ему в грудь...

– Вы располагайтесь тут, устраивайтесь... Я скоро уеду. Вот помогу вам с оформлением и уеду. При монастыре буду жить, сестра у меня там, – нарушила молчание Лена. – Я хотела бы взять эту фотографию, можно? У вас ведь другие есть, а у меня ничего, ни детей, ни внуков. Мы ведь немолодыми уже с Харилаосом поженились. Он сказал: «Это наши с тобой внуки. Мы их никогда не увидим, но они есть! Дети Медеи. Моё продолжение...»

– Он в больнице лежал, Харилаос. А я за ним ухаживала. Я в монастыре жила, думала, никто мне не нужен, кроме бога. Пока Харилаоса не встретила. К нему никто не приходил, никто не навещал... Я тогда в больнице работала (тут Магдалена произнесла слова, которых Марина не поняла, и Демосфен перевёл: ну, вроде сестёр милосердия. Санитаркой, короче. У них это называется послушание, работа то есть).

Тётка Эвдокула

– Вот я и ухаживала за ним, – продолжала Магдалена. – И он поправился. Врачи не верили, что поправится, а он выздоровел, на ноги встал! Молитвы мои помогли! А потом он

приехал и к себе меня увёз...

– Расскажи мне о нём, – попросила Марина. И не поверила своим ушам! – Оказывается, отец уехал не к новой жене, как думала Марина. Он поселился у своей двоюродной тётки Эвдокулы, которую в шестьдесят лет разбил паралич. Муж Эвдокулы к тому времени умер, сыновья жили далеко: один в Канаде, другой в Австралии. Оба исправно присылали матери деньги – хватало и на сиделку, и на кухарку. Но не было рядом с ней родного человека.

И Эвдокула вспомнила о племяннике – сыне своей сестры, о которой в их родне упоминать было не принято: она была неблагодарной дочерью, опозорила родителей. Они хотели выдать дочь за хорошего человека (ну и что ж, что он на тридцать лет её старше. Значит, умнее. Будет хорошим мужем), а она – прямо из-под венца! – сбежала с каким-то мимоезжим турком-полукровкой, без роду без племени. Уехала с ним на Крит и написала родителям – только когда родила сына – Харилаоса. «Теперь у вас есть внук, – писала Хариклея. – Если позволите, я привезу его к вам».

Родители ответили так, как и следовало ответить: «У нас нет больше дочери, а значит, не может быть и внука». Хариклея больше никогда им не писала, только Эвдокуле, и та никому не показывала этих писем, втайне радуясь за сестру. Пусть она будет счастлива!

Но счастье Хариклеи было недолгим – она умерла, когда Харилаосу исполнилось двенадцать, и они с отцом уехали с

острова – перебрались в Батуми, где у отца была родня. Там Харилаос и встретил свою будущую жену – Маринину маму, которая приехала в Батуми на отдых.

Эвдокула вспомнила о племяннике (тем более, что её сыновья жили хорошо, ни в чём не нуждались и не собирались возвращаться на родину). Она завещала ему всё, что имела: и этот дом, и дом её мужа в Афинах, и магазин – маленький, но дававший кое-какую прибыль. Взамен Эвдокула просила племянника об одном: Харилаос должен жить в её доме и ухаживать за ней. «Сиделка у меня есть, но всё-таки родные руки она не заменит» – писала Эвдокула племяннику, приглашая его к себе – с семьёй, разумеется. Дом большой, всем места хватит, и за магазином будет кому присмотреть.

Но Маринина мама ехать в Грецию отказалась наотрез: «Ты будешь работать, Мариночка – учиться, а сидеть с твоей тётушкой придётся мне! Ну уж нет. Пусть за ней её дети ухаживают, а я не поеду! У меня своя родня есть. Неужели какая-то тётка, которую ты в глаза не видел, тебе дороже семьи? Она и вспомнила о тебе, только когда с ней беда случилась, раньше не приглашала. Даже в гости не звала...

(София забыла о том, что иметь заграничную родню в годы «железного занавеса» было небезопасным, отец даже письма боялся получать. Эвдокула изредка писала племяннику, и он молчал о её письмах, боясь что жена не одобрит их переписки)

Отец потемнел лицом. – «Своя, говоришь, родня? Ну, не хочешь ехать, оставайся, а дочь я тебе не отдам. Со мной поедет». Но Марина не поехала. Она была уверена, что отец нашёл себе другую жену, и поэтому был так холоден и неприступен с мамой. Как же она ошибалась тогда! Как ненавидела отца! Какую причинила боль себе и ему...

Марина вдруг поняла, как одинок был отец, как много сделала для него эта немолодая усталая женщина, без сожаления сказавшая Марине: «Отец завещал тебе всё». Наверное, она его очень сильно любила.

– Ты любила отца? – вырвалось у Марины.

– Я и сейчас его люблю, и внуков люблю. Харилаос говорил, это наши с ним внуки. Так и умер – с фотографией в руках...

– А лампадка зачем?

– Пусть горит. Мне спокойнее, и им тоже. Месяц назад меркнуть стала: зажгу – она погаснет, снова зажгу – смотрю, она опять погасла! Ну, думаю, беда пришла... Дни и ночи за них молилась, бога просила – пусть мою душу заберёт, а их оставит. Грех это, богу такое предлагать. Чай, не на рынке – торговаться! Но услышал меня бог, вот как весело горит теперь!

Марина посмотрела на ровный, спокойный огонёк и согласилась – весело. Им сейчас весело, с неугомонной Никой. У Марины перехватило горло, и обняв Лену за плечи, она прошептала: «Я привезу тебе внуков... Только не уезжай!»

– А в монастыре ты как оказалась? Тебя родители туда отдали?

– Родители? Я их совсем не помню...

Магдалена

Магдалена не помнила своих родителей. Помнила только приют при монастыре, в котором жила до четырнадцати лет. Больше в приюте не держали, надо было зарабатывать на жизнь самим. Подростков отдавали в семьи, где нужны были помощники по хозяйству. Магдалену взяла к себе пожилая бездетная пара, владеющая рыбной лавкой.

Трудолюбивая покладистая девочка, привыкшая рано вставать и не сидеть ни минуты без дела, пришлась им по душе. Когда в лавку заходила директриса приюта (в обязанности которой входило проверять, как живётся её бывшим воспитанникам), оба рассыпались в благодарностях и наперебой хвалили Магдалену – ангел, а не девочка! Что бы мы делали без неё! А Магдалена, застенчиво улыбаясь, протягивала директрисе мешочек с копчёной рыбой – в подарок.

Хозяева лавки благодарили директрису не зря: Магдалена трудилась с утра до вечера, не жалуясь на усталость. Днём стояла за прилавком, подменяя хозяйку, и бегала по поручениям. А поздним вечером, когда лавка закрывалась, мыла полы, отскребала прилавки от рыбьей чешуи и слизи, вычищала плетёные короба, в которых привозили рыбу, до блеска натирала мелом дверные ручки.

От запаха рыбы, которым пропиталось всё вокруг, Лену

мутило. И всё это – за похлёбку из надоевшей рыбы, немудрящую одежду и крошечную комнатку наверху, размером с чулан. Она не получала – ни одной драхмы. Полагающиеся ей за работу деньги хозяева отдавали директрисе приюта – на нужды воспитанником. Магдалена не роптала: на неё потратили столько денег за годы, проведённые в приюте, – теперь надо отдавать.

В лавке Магдалена и познакомилась со своим будущим мужем. – Михалис был большим любителем рыбы. Зашёл в лавку –и забыв обо всём уставился на Магдалену. Не поздоровался даже!

– Что молчишь, язык проглотил? – обратился к Михалису хозяин. – Так ты за рыбой пришёл или за невестой?

Шутка и решила дело. Магдалена, которой исполнилось шестнадцать, вышла за Михалиса не раздумывая: ей понравился этот весёлый и добродушный парень. Свадьбу сыграли через месяц...

– Ну, теперь ты не сирота, – сказал жене Михалис. – Теперь у тебя есть родня.

Но родители Михалиса были не в восторге от выбора сына: столько хороших девушек вокруг, а он привёл в дом нищенку без рода без племени! Магдалена молчала. Да и что она могла сказать? Каждая встреча с мужниной роднёй начиналась и кончалась упрёками – и худая Лена, и бледная, и одевается как прислуга, и мужа плохо кормит, и дом вести не умеет. Виданное ли дело, на столе одна рыба (жареная, печё-

ная, копчёная, тушёная саламис со сладким перцем, оладьи из рыбной икры, рыбные лепёшки), а больше есть нечего!

Магдалена выслушивала всё сказанное, не возражая и не оправдываясь. Молчал и Михалис. Когда родственники уезжали, оба вздыхали с облегчением. Им было хорошо вдвоём. Что с того, что Лена не умеет вести хозяйство? У неё никогда не было своего дома, где бы она могла этому научиться. Лена старалась изо всех сил, Михалис видел это и никогда ни словом не упрекнул жену.

Ну и что, что дом пропах рыбой! На острове Ро, где они жили, рыбной ловлей кормились все. Страстный рыбоед, Михалис мог есть рыбу трижды в день, чего нельзя было сказать о Лене, которая терпеть её не могла ещё с приютских времён.

Ну и что, что у Лены всего три платья? – Да хоть мешок на себя надень, всё равно ты у меня красавица! Уж я–то знаю, – смеялся Михалис, и Магдалена каждый раз краснела...

Через год она родила Михалису близнецов, и мужнина родня присмирела и подобрела. Магдалену осыпали подарками, она больше не слышала упреков. Счастью Михалиса не было границ – двух сыновей подарила ему его Лена! Чего ещё ждать?

А через семнадцать лет Михалис с сыновьями отправился рыбачить, попал в шторм, и их баркас разбило о скалы в щепки. Погибли все трое. И солнце погасло для Лены, и жизнь для неё кончилась.

Глава XXIV. Бабушка Лена

Родня

Приехавшая на похороны родня с порога заявила Лене: «Это ты его сгубила, в шторм рыбачить погнала. Из-за тебя он погиб, и дети!

– Я никогда его не просила, и в море не посылала. Я в рот рыбу не беру! Михалис жить не мог без моря, вы же знаете! И сыновья в отца пошли, – впервые возразила Лена мужниной родне, но никто её не слушал, и утешать никто не собирался. Наговорили много злых и обидных слов и уехали, напоследок плюнув на порог.

И Магдалена осталась одна на всём свете. Продала дом и навсегда уехала с острова, где у неё не осталось даже могил. Магдалена больше никому не нужна была на земле – и решила стать монахиней.

– Но видно бог так рассудил, что Харилаосу я нужнее, и отдал меня твоему отцу, – закончила рассказ Магдалена. – Тебе, наверно, неприятно это всё... Не держи на меня зла, Медея. Я заботилась о нём, ведь мужчина не должен быть один. А он был – один, и я...

Марина не дала Лене договорить и, поддавшись внезапному порыву, крепко обняла.

– Я привезу тебе внуков, только не уезжай! Ты – всё, что осталось у меня от папы. Я столько лет его не видела... Ты

мне расскажешь о нём? И детям. Я привезу их, только не уезжай! – как заклинание твердила Марина.

Демосфен молчал. Такой он её ещё не видел.

Бабушка

Вступив в права наследства, Марина, не выходя из кабинета нотариуса, написала дарственную на дом Магдалене.

– Этот дом твой, – сказала ей Марина.

– Твой, – был ответ.

– Но я не могу так... Я не хочу! Не хочу, чтобы ты ушла опять в монастырь. Я не отдам тебя богу, потому что ты нужна – мне и детям! У них никогда не было бабушки... И папа ни за что не позволил бы тебе уйти. Хочу, чтобы всё оставалось как при папе! – забывшись, Марина топнула ногой.

– Остынь. Никто ведь с тобой не спорит, – усмехнулась Лена, и Демосфен подумал, что Магдалена вовсе не старая. Просто горе никого не красит. Но горе пройдёт и уйдёт, и она ещё будет счастливой – наша яя (греч.: бабушка).

Выйдя от нотариуса, Марина виновато тронула мужа за рукав – «Если бы мы продали дом, могли бы выплатить кредит за коттедж. Ты на меня не сердись?»

– Да мы и так его почти выплатили, немного осталось, – откликнулся Демосфен. Поступок Марины привёл его в восхищение – оказывается, он совсем не знал свою жену... Но это дом её отца, и она вправе распоряжаться им по своему усмотрению.

Близнецы обожали бабушку Лену и жили у неё по целому месяцу, пока за ними не приезжала возмущённая Марина и не забирала детей к себе. Анечке и Стасику нравилось гостить у Магдалены – предоставленные самим себе, они с утра до вечера бегали с местной ребятнёй и играли в придуманные ими игры, забегая домой только поесть.

Магдалена баловала их (игнорируя протесты Марины) и закармливала разными вкусностями. Она не умела печь пирожки, зато прекрасно готовила виноградный крем: давила виноград (который зелёными джунглями поднимался по шпалерам, обвивая веранду и давая желанную тень), а сусло процеживала и, добавив муки, варила крем, приправляя его корицей и кунжутом, как любили близнецы. Анечка и Стасик обожали бабушкин крем, который Лена варила из светлого винограда. Тёмный шёл на вино, которое очень нравилось Демосфену.

Когда близнецам исполнилось шесть, Марина отдала их в школу. Летние каникулы дети неизменно проводили у бабушки (к радости обеих сторон). Здесь, на высоте, было относительно прохладней, к тому же – в отличие от Марины – дети легко переносили жару.

На зимние каникулы близнецов увозили в Россию, и вся семья дружно вставала на лыжи (впрочем, детям больше нравились санки, с горы они летали сломя голову и приходили домой вывалянные в снегу). Если погода была плюсовая, Анечка со Стасиком под предводительством неугомон-

ной Ники лепили во дворе снеговиков, а Марина с мужем строили снежную крепость, поливая снежные стены водой – чтобы они были крепкими. В сражениях участвовали все...

Трудности перевода

Как-то вечером, усталая и счастливая, Марина сидела в любимом кресле. Она только что закончила перевод для афинского издательства. Работа оказалась трудной – Марина переводила на греческий серию романов Виктории Платовой, составлявших, по сути, тетралогию: «В тихом омуте» (по роману снят фильм «Ловушка для золушки» с Амалией Мордвиновой в главной роли, ставший бестселлером), «Куколка для монстра», «Эшафот забвения» и «Корабль призраков».

Неповторимый стиль изложения (читатели Виктории Платовой, надеюсь, со мной согласятся) упорно не ложился на чужой язык, с трудом поддаваясь литературному переводу, и Марина совершенно вымоталась. И теперь наслаждалась отдыхом, ожидая, когда вернутся из школы дети. И вдруг услышала звонкий детский голосок, говоривший на русском: «Ма, здесь пирожки! С малиновым вареньем! Зайдём, а? Ну, ма-аам...»

Здесь пора рассказать, что в Марининой кондитерской меню было без слов и состояло из картинок. Меню придумали Маринины близнецы, они его и рисовали. Слева были нарисованы: аппетитный пирожок, вычурный крендель, печенюшка-ёлочка, бокастая кулебяка, пузатый левашник... На-

против изображены начинки: рис и яйца, грибы и капуста, осетрина с вязигой, гречка со шкварками, фрукты и ягоды...

В последней колонке значились цены в драмах и долларах. Для своих восьми лет близнецы соображали, пожалуй, даже слишком... Марина бы до такого не додумалась. В кондитерскую часто забредали празднующиеся туристы, и такое меню было понятным для всех, не нуждаясь в переводе. Демосфен втайне гордился детьми – его кровь! И рисуют просто здорово!

– Мам, заглянем, а? Ну ма–а–ам! Я есть хочу! – ныла невидимая девчонка, добиваясь своего.

– Пирожки есть вредно, а тем более жареные! Ладно, уговорила. Пахнет офигенно, и меню офигительное, кто–то ж додумался!

Этого Марина уже не вынесла. Русский язык вливался в уши сладкозвучной музыкой. Она бы, наверное, даже мату обрадовалась... Перепрыгивая через две ступеньки, Марина спустилась вниз: русские заходили к ним нечасто, и ей всегда доставляло удовольствие видеть у себя соотечественников.

Марина вышла на улицу – и без сил опустилась на стул (слава богу, столик был не занят!) – перед ней стояла Анечка. Синеглазая, светлокосая, так похожая на своего отца. Но этого не может быть! И всё-таки это была её Анечка – восьмилетняя голубоглазая куколка. Саксонская принцесса. Только глаза другие, озорные и лукавые. Уж точно не ангела – маленького бесёнка!

– Нет, это невозможно, – по-русски сказала Марина.

– Почему невозможно? – переспросила Валя (а это была она). – Цены вполне... вменяемые, хотя и... И хорошо, что в долларах, я от ваших драхм охреневаю, – пожаловалась она Марине и тут же одёрнула дочь: «Аня! Когдаходишь, надо поздороваться. И не забудь, за каждый пирожок ты мне должна по шесть отжиманий!»

– Мам, давай по три, – торговалась девочка. – По три, мам!

– Ну, хорошо, сойдёмся на пяти.

– Отжиматься здесь будете? Вам постелить, или так? – прыснула Марина.

– Ой, как хорошо, что вы говорите по-русски! – обрадовалась Валя. – Английский здесь мало кто знает. Ну, в магазинах, конечно, знают, а на улице – беда бедовская... Ну, несите ваши пирожки, у меня уже слюни как у собаки текут!

– Мама, так ты не забудь, с тебя по десять отжиманий за пирожок, – напомнила Вале дочь.

– Вот, вырастили гестаповку! – пожаловалась Валя. – Мать родную не жалеет!

– А я подумала, что вы сёстры.

– Все так думают. Мне тридцать восемь, подумать страшно, – призналась Валя.

– А ты не думай, – развеселилась Марина. – Вы с дочкой вдвоём путешествуете?

– Втроём. Муж по дороге отстал. Он у меня как собака – по всем лавкам, по всем магазинам, ни одного не пропустит!

– Собаки по помойкам бегают, а не по магазинам, – поправила Валю дочь.

– Цыц, я сказала! Умна не по годам, – возмутилась та. – Ты хоть в Афинах меня не позорь... Сейчас наш папа придёт – голодный как стая волков. Он всегда такой! И сожрёт у вас всё подчистую... Что с вами? – испугалась Валя.

– Нн-ничего... Уже прошло, – Марина взяла себя в руки и лихорадочно вспоминала, какие лицевые мускулы «отвечают» за улыбку. – В кондитерскую вошёл Илья.

Глава XXV. Последняя встреча

Явление первое. Илья

Совершенно такой же, как четырнадцать лет назад! – подумала Марина. – Такой же неотразимый «русский молодец». И такой же чужой. И я его больше – не люблю.

– Илья, что стряслось? Остолбенел от цен? Или потратил все деньги? Транжира! Ребёнка голодным оставил. – Валя смотрела на мужа, а Илья во все глаза уставился на Марину и видел, казалось, только её. – Совершенно такая же, как четырнадцать лет назад. Словно ожившая статуя Фидия. И он до сих пор её любит...

Илья взял Маринину безвольную руку и поцеловал холодные как мрамор пальцы. – «У тебя руки холодные, как у лягушки». (Господи, что он такое говорит, у лягушки нет рук, у неё лапки... И при чём тут лягушка, он же хотел прощения просить...)

– Здесь мой муж. И если он это увидит, набьёт тебе морду. Это я тебе обещаю, – отчеканила Марина. (Господи, да что она себе позволяет? Что она такое говорит! А впрочем, всё равно – здесь никто не знает русского).

– У-уу... Бить будут? Это я люблю! Будем посмотреть! – обрадовалась Валя, и Марина с удивлением на неё уставилась. Аня промолчала – да и как она могла говорить и жевать одновременно?

– И тебе нисколючко меня не жалко? – спросил Илья Валю. – Сейчас примчится – кто у нас муж–то? – свирепый турок с кривым ятаганом... и зарежет меня на твоих глазах. А ты будешь смотреть и получать удовольствие, как настоящий философ (Валя сделала мужу страшные глаза и постаралась придать лицу серьезное выражение).

– Так вы философ? – переключилась Марина на Валю.

– Д-да, я... философию п-преподаю, – подтвердила Валя, почему-то заикаясь. Илья по-кабаны хрюкнул и зашёлся смехом.

– Что это с ним? Испугался моего кривого турка с ятаганом?

– А... – отмахнулась Валя. – У него это бывает. Нервы. – И принялась за пирожки...

Явление второе. Дионис

Кофе им принёс Дионис, улыбаясь своей неотразимой улыбкой. Поставив перед девочкой бокал с холодным кофе-гляссе, в котором плавали аж два шарика пломбира, он бросил в бокал бело-голубую соломинку и сказал по-русски, смешно коверкая слова: «У тебя красивая сестра. Калон коритца!»

– Даже не мечтай! – ответила ему Валентина, очень довольная собой. Дионис смотрел, не понимая. Марина мстительно перевела, и Дионис расхохотался.

– Ты сейчас говоришь не то, что думаешь, – сказал он по-гречески. Марина снова перевела и добавила: «Счет один –

один. Ничья». (Валя почему-то покраснела и опустила глаза, продолжая жевать).

Марина говорила с Вале́й, а смотрела на её дочь. И не могла отвести взгляда, как ни старалась. А Илья не сводил глаз с Марины, машинально поглощая пирожки – очень быстро, и впрямь как волк.

– Почему ты не ешь? Пирожки не нравятся? – сказала Марина Вале.

– Нет, что ты! Пирожки просто суперские, я три штуки уже съела! Просто мне нельзя больше. Я и так за два дня на двести грамм поправилась! – с обидой сказала Валя, и Марина её не поняла.

Тут двери кондитерской распахнулись, и двумя маленькими торнадо влетели Мариныны близнецы – их привёз школьный автобус.

Явление третье. Близнецы

– Знакомьтесь, это... – начала Марина, но дети представились сами. Девочка присела в очаровательном книксене и сказала: «Я Адриана. Можно просто Аня»

– Я тоже Аня, а полностью – Ангелина.

Анастас, во все глаза глядя на Ангелину, представился коротко:

– Стас. Как вам понравилась мамина стряпня?

– Очень, просто очень! – призналась Ангелина. – Я столько съела, что сейчас лопну. А ты где русский выучил? Ты в русской школе учишься?

– Мы из Москвы, – важно заявил Стас. Адриана кивнула, подтверждая слова брата. Валя заинтересованно прислушивалась к разговору.

– А в Москве – где живёте? На какой улице? (это Ангелина)

– Мы не прямо в Москве, у нас дом в пригороде. Красивый. Папа говорит, что скоро выплатит этот... долбаный кредит и долбанные проценты и пошлёт русский банк к этой... как её? к долбаной матери! – добросовестно вспоминал Стас слова Демосфена (И когда Демосфен такое говорил? И когда Стасик успел запомнить?! – ужаснулась Марина).

Адриана мило улыбнулась и сказала: «У нас там воздух, и лес, и речка. Папа говорит, пусть москвичи в своей Москве керосином дышат, если им нравится. Папа говорит, русские вообще странные». – «И в море зимой купаются, им лета не хватает – поддержал сестру Стас. – А ты тоже купаешься зимой?»

– Анастас!! Тэ му! (дословно: «Мой бог!») – вскрикнула Марина, а Илья уже хохотал, по-немецки повторяя между приступами смеха вырвавшееся у Марины восклицание – «О, майн Готт!»

Анастас сконфуженно замолчал, не понимая, что же он сказал не так. К ним присоединился Демосфен, и вся компания долго сидела за столиком. Наконец Валентина, сделав дочке страшные глаза, достала из сумочки кошелёк. Марина её остановила:

– Платить не надо. За счёт заведения.

– Спасибо, – легко согласилась Валя. – Будем дома дышать керосином и вспоминать ваши пирожки. Да чего ты краснеешь, всё нормально...

Прощаясь, Илья задержал руку Марины в своей, но увидев её застывшее лицо, разжал пальцы. Такого не прощают, она права.

– Я никогда тебя не просила... Но эту просьбу ты исполнишь, – с каменным лицом сказала Марина. – Не приходи сюда больше. Твоей Марины здесь нет, она умерла. Понял? Или тебе повторить?

Лунный свет

Лунный луч протянулся через всю спальню и вкатился на кровать, прямо к её ногам. Вот бы встать на него, добежать по лунной дорожке до неба... А там – мама с папой. И Анечка, – грустно думала Марина. Только Демосфен разве позволит? Ни за что не отпустит! – Марина положила голову на плечо мужа и длинно вздохнула.

– Спи, моя колдунья. Сегодня был трудный день, тебе досталось... Спи. Завтра будет легче, – сказал жене Демосфен, словно подслушал её мысли.

– Не будет легче, – всхлипнула Марина. – Та девочка... у меня была такая же. Она умерла, а сегодня... я увидела её живую. Я думала, что сойду с ума. Моя Анечка – живая!

– А насчёт девочки – это мысль, – оживился Демосфен. – Я и сам, понимаешь, думал...

И последнее...

У Ильи помутился рассудок, словно и впрямь колдунья Медея навела на него свои волшебные чары. Перед глазами, как наваждение, стояла Марина, ничуть не постаревшая за эти годы. Всё такая же красивая. Колдунья Медея!

Простит ли она его когда-нибудь? Вот сегодня – не простила. А больше они не встретятся: Илья выполнит последнюю просьбу жены. Вспомнит ли о нём когда-нибудь Марина? Вряд ли. Тот, прежний Илья для неё умер, и сегодня он это почувствовал. Забыть бы всё, навсегда забыть... Но нельзя – забыть.

Валя видела, что с Ильёй творится что-то непонятное. Сам не свой и отвечает невпопад. Руки целует, а в глазах слёзы стоят... И жрать перестал, похудел даже. Она его и впрямь заколдовала, колдунья Медея! – злилась Валя. – Бывают же такие! Словно ожившая статуя. И дети красивые. По мальчику сейчас уже видно – девичья погибель растёт! А эта зеленоглазая куколка с чёрными как ночь волосами – просто чудо! Илья всё-таки дурак: от такой – ушёл! Или это она от него ушла?..

Демосфен улыбался, вспоминая, как вела себя Марина с бывшим мужем (он наблюдал за ними с самого начала, укрывшись за дверью). «Чуть в рожу ему не вцепилась!» – с удовольствием вспоминал Демосфен.

Марина когда-то слышала, что души тех, кто умер слишком рано, не улетают на небо, а вселяются в других людей,

чтобы прожить до конца отпущенный им создателем век. Не зря же она, неверующая, молилась, чтобы случилось чудо и её Анечка вернулась домой, живая и здоровая. Чудо случилось – Анечка жива! Синеглазая саксонская принцесса, так не похожая на Марину...

У неё теперь другая мама, и тут уж ничего не поделаешь. Ну так что ж! Ведь она любит её. И Илья любит, Анечкой назвал... Пусть у неё будет хорошая и счастливая, долгая-долгая жизнь.

Марина стояла на коленях и улыбалась. В сердце больше не было ненависти и обиды. И боли – тоже больше не было. Прихожане русской церкви в Афинах оглядывались на неё: что понадобилось этой гречанке (или турчанке, чёрт их разберёт) в русской церкви?

Священнослужитель читал проповедь рассеянно, бросая на Марину быстрые взгляды. «Сейчас запутается» – подумала она. Священник вдруг остановился посередине фразы и сказал растерянно: «Эээ... Так на чём мы остановились?».

Паства охнула и, проявив истинное милосердие, подсказала: «Да мы уже закончили почти!»

– Ну, тогда аминь! – облегчённо выдохнул молодой проповедник, не сводя с Марины глаз. Марина улыбнулась ему и вышла из церкви. Как он на неё смотрел! Значит, она в свои сорок три всё ещё красивая?

Ей больше не о чем просить бога, она зашла просто так, поблагодарить. У неё есть всё, о чём можно мечтать: дети,

Демосфен, Лена... Скоро наступит лето, и они с мужем поедут домой. А дети... останутся дома. Вот – как–то так... С плеч словно упал тяжелый груз, который она несла не замечая, как кирпич в рюкзаке. И Марина вприпрыжку побежала домой.

Глава XXVI. И мэра ту охи (Будет некогда день...)

(этими словами начинается «Илиада» Гомера)

Пришло время расстаться с героями этой книги и пожелать им самого доброго, самого радостного будущего! А так не хочется расставаться... Мы только на минутку заглянем в детскую – ведь мы совсем забыли о детях!

К неудовольствию Марины, близнецы до сих пор спали в одной комнате, не желая расставаться даже ночью. Перед сном они подолгу шептались, пересказывая друг другу события дня.

– А у нас вчера гости были, из России. Мамины друзья. Мама с папой до вечера с ними сидели, а девчонка их весь вечер на меня смотрела, – рассказывал одноклассникам Стас.

– Красивая хоть девчонка?

– На куклу похожа – фарфоровую. Тоненькая, волосы золотые, глаза синие, а уши розовые... Ангелина.

– Красивое имя.

– Она и сама красивая, настоящая русская! А отец у неё немец. Он так смешно говорил «о майн готт»... Она когда уходила, два раза на меня оглянулась. Влюбилась, как кошка!

О том, что он сам весь вечер не сводил с Ангелины глаз, Стасик не обмолвился ни словом. И только Адриане, кото-

рой верил как самому себе, показал бумажную скомканную салфетку, будто невзначай брошенную Ангелиной в его тарелку. На салфетке аккуратным почерком был написан Анин московский телефон.

– Будем в Москве, позвоню, – делился Анастас своими планами с Адрианой. – А когда вырасту, я на ней женюсь!

(Если бы Марина услышала, о чём говорят сейчас её дети, она бы очень удивилась. И уж точно не обрадовалась...)

– А где ты с ней будешь жить, в Москве?

– Вот ещё! Мы у бабы Лены будем жить.

– А если она не захочет? – спросила брата Адриана.

– Вот ещё! А кто её спрашивать будет? Увезу и всё. Папа говорил, мама тоже не хотела ехать, а папа всё равно её привёз! Знаешь, маме здесь не очень нравится, но она только Магдалене жалуется, а при папе молчит. Вот и Ангелина будет молчать.

– Вот здорово! Значит, ты её украдёшь? Как в кино! – радовалась Адриана. – У тебя будет самая красивая жена, ни у кого такой нет. Все мальчишки завидовать будут! А я тоже мужа в России найду.

– Нет. Папа сказал, тебе нельзя.

– Это почему? Тебе можно, а мне нельзя? – обиделась Адриана.

– Почему, почему... Я сам слышал. Мама с папой, когда гости ушли, на террасе сидели – долго–долго. А я...

– А ты подслушивал! – Ну да, да! Я же не соседей подслу-

шивал, я – маму с папой... – Анастас перебрался к сестре в постель и дальше рассказывал шёпотом.

– Мама вчера два часа улыбалась, я бы так не смог, а папа на неё злился. А Ангелины папа на маму весь вечер пялился, он здорово на неё запал. А Ангелина меня за руку держала под столом!

– А на террасе – о чём они говорили?

– Я не знаю, я не с самого начала слушал. В общем, мама плакала, а папа её утешал. И сказал, что если этот Илья ещё раз приедет в Афины, он прямо при всех набьет ему морду.

– А мама?

– Мама сказала, что однажды уже это сделала, и у неё хорошо получилось.

– Наша мама?!

– Ну да. Не перебивай. Папа на неё за что-то разозлился и сказал, что его детям нечего делать в России, и маме тоже. А мама сказала, только попробуй. Наверно, левашники ели... Так что летом они с мамой поедут в Норвегию, а нас отдадут Магдалене.

– Вот здорово! На серфе покатаемся!

– На серфе папа не разрешит. Он сказал, с двенадцати лет только...

– Но он же уедет! И мама. А баба Лена ничего не скажет, – возразила брату хитренькая Адриана.

– А про тебя папа сказал, что он тебе не враг, – добросовестно вспоминал Анастас, – и замуж такому Илье тебя не

отдаст. А мама молчала, как лошадь.

– Почему как лошадь?

– Лошади всегда молчат.

– Не всегда, – упорствовала Адриана.

– Может, потому что у мамы волосы как у лошади, длинные и красивые. И папа так говорит, – вспоминал Стас. – Он Магдалене сказал, что мама лошадка с норовом и ей нужна крепкая узда.

– А я видела! Видела мамину узду! – запрыгала Адриана. – Папа её в Магдаленином сундуке прячет, хочет маме на день рожденья подарить! Наденет на неё узду и повезёт смотреть фьорды, на большом корабле.

Вы, наверное, уже догадались, что Адриана влезла в бабушкин сундук, открывать который детям строго запрещалось, но они всё равно открывали. В сундуке, в чёрном бархатном футляре, лежало кольцо с восемнадцатью голубыми сапфирами в золотой оправе. Колье было умопомрачительно красивым (и стоило тоже – умопомрачительно). Адриана взяла фломастеры, быстрыми штрихами нарисовала сапфировое кольцо и показала брату. Она хорошо рисовала.

– Глупая! Это называется не узда, а ожерелье! – с видом знатока сказал сестре Анастас. – Маме понравится. Я Ангелине тоже такое куплю, когда заработаю.

– А мне купишь?

– И тебе. Я вам обеим куплю.

В эту ночь Адриане снилось сапфировое ожерелье, а Анастасу – синие глаза Ангелины. Взрослым детские секреты кажутся смешными. Но пройдёт двенадцать лет – и все трое отметят свое двадцатилетие. Как знать, может быть, они ещё встретятся. И Марина увидит свою синеглазую Анечку взрослой красивой девушкой...

И мэра ту охи...